

Lev N. GUMILEV

ИСТОРИЯ
НАРОДА ХУННУ

Лев Н. ГУМИЛЁВ

«История народа хунну» Льва Гумилева — одна из самых значительных работ этого величайшего российского ученого.

Вы спросите, кто они такие, «народ хунну»? Так называли себя те, кого в европейской исторической традиции принято именовать гуннами, кочевой народ, обогативший генофонд едва ли не каждой европейской и азиатской нации.

Величайшего из завоевателей «эпохи переселения народов» — царя гуннов Аттилу — помнят все. Но каковы были другие великие полководцы народа хунну, огнем и мечем покорявшие все новые и новые страны? Каковы были жизнь, культура и искусство гуннов? Какую судьбу уготовила им История? Вот лишь немногие из вопросов, ответы на которые вы получите в этой книге...

Лев Гумилев

ИСТОРИЯ НАРОДА ХУННУ

*На грани мятежа ко мне явились гости.
Тогда на лезвии холодного ножа
Мы выпили вино и проиграли в кости
Что проиграть могли на грани мятежа.
Так веселимся мы, беспомощны и наги,
Пещерною золой взволнованы умы,
И кровью мамонта, и светлой кровью браги
Мы пьяны в этот век? Так веселимся мы.
Но все растет беда, ее не проиграли
Ни мы и ни они, нигде и никогда.
Вот разбудил затвор упругим треском стали
Ее глухих богов? И все растет беда.
Смыкается заря над поздние вертоградом.
Допьем свое вино, о жизни говоря,
И выйдем посмотреть, как горным водопадом
Вокруг нашей гибели смыкается заря.*

1935 г.

О существовании народа хунну стало известно из китайских источников. Его наименование оказалось гораздо более долговечным, чем сам народ. Оно широко известно, несмотря на то что носители его погибли полторы тысячи лет назад, тогда как названия многих соседних современных хуннам народов знают сейчас только историки-специалисты. Хунны оставили глубокий след в мировой истории. Двинувшись из Азии на запад, они нашли приют в Приуралье у угров. Слившись с ними, они образовали новый народ, который в Европе стал известен под названием гуннов. До сих пор нередко слово «гунн» звучит как синоним свирепого дикаря. И это не случайно, ибо хунны на протяжении тысячи лет выступали не только как созидатели, но часто и как разрушители. *Tempora mutantur et nos mutamur in illis*^[1].

Однако наша задача не в том, чтобы хвалить или порицать давно исчезнувшие племена. Мы хотим разобраться, каким образом немногочисленный кочевой народ создал такую форму организации и культуру, которые позволили ему сохранять самостоятельность и самобытность на протяжении многих столетий, пока он не потерпел окончательное поражение и не подвергся полному истреблению. В чем была сила этого народа и почему она иссякла? Кем были хунны для соседей и что оставили они потомкам? Найдя ответ на поставленные вопросы, мы тем самым правильно определим значение хуннов в истории человечества.

* * *

Научный интерес к хуннам, к их истории и этнографическим особенностям впервые возник в Китае. Основателем «хуннологии» можно считать гениального автора «Исторических записок» Сыма Цяня, жившего во II в. до н. э. Он не только составил летопись войны, которую империя Хань вела с хуннами, но и поставил вопрос: почему всюду победоносное китайское

оружие не могло сломить кочевых варваров? На это он предлагал остроумный для своего времени ответ: географическое положение, климат и рельеф Китая и Срединной Азии настолько различны, что китайцы не могут жить в хуннских степях, так же как хунны не могут жить в Китае, и потому покорение страны иного ландшафта и населения, имеющего непохожий быт, неосуществимо^[2].

Рациональным зерном анализа Сыма Цяня были поиски объективных факторов исторического процесса, но действительность показала несостоятельность географического метода: в I в. до н. э. хунны ослабели, и империя Хань на полвека стала гегемоном в Срединной Азии.

Продолжателем Сыма Цяня был талантливый историк конфуцианского направления Бань Гу, написавший «Историю Старшей династии Хань», но он не закончил своего труда, так как оказался среди друзей одного опального вельможи и поэтому был заточен в тюрьму, где и умер в 92 г. н. э.

Бань Гу рассматривал проблемы покорения хуннов с точки зрения целесообразности и полагал, что включение в состав империи чуждого по культуре народа может быть вредно для Китая. Он считал хуннов настолько далекими от китайской культуры, что не допускал мысли о возможной ассимиляции, и подробно обосновывал необходимость укрепления китайской границы с хуннами даже в мирное время^[3]. Возможно, что позиция историка продиктована тем, что он писал свое сочинение в разгар хунно-китайской войны.

Третья книга, содержащая интересующие нас сведения, — «История Младшей династии Хань» — написана уже в V в. н. э. южнокитайским ученым чиновником Фань Хуа. В качестве материала он использовал не дошедшие до нас труды, которые он, по собственному выражению, «обдумывал здраво»^[4]. Его сочинение суше и беднее предыдущих, однако благодаря ему Фань Хуа добился высокого положения. Позднее он принял участие в антигосударственном заговоре и был казнен.

Три указанных исторических труда составляют фундамент истории восточноазиатских хуннов. Что же касается западных гуннов, названных так в отличие от своих восточных предков^[5] то первое место принадлежит труду Аммиана Марцеллина^[6], давшего красочное описание этого народа.

Подобно китайским историкам, Аммиан Марцеллин — «солдат и грек» — обратил внимание на несходство гуннов со всеми прочими известными ему народами, в том числе и кочевыми аланами. Безусловно, его описание односторонне^[7], проникнуто ненавистью к пришельцам, но для исследователя важны данные, совпадающие у него с наблюдениями китайских авторов. Именно они дают возможность восстановить облик древнего народа.

Названными авторами исчерпывается первый период «хуннологии», так как история европейских гуннов не входит в рамки намеченной нами темы ни хронологически, ни территориально.

Второй период «хуннологии» начался с XVIII в., когда этой проблемой стали заниматься французы.

В XVIII в. французские миссионеры заинтересовались не только Китаем, где протекала их деятельность, но и северными народами. Гобиль, де Майя и другие, прекрасно владея китайским и маньчжурским языками, составили остроумные переводные компиляции, ознакомившие Европу с историей восточных кочевников. Этими трудами воспользовался профессор Сорбонны Дегинь; он сопоставил китайские данные с византийскими и издал свою капитальную работу о восточных народах^[8]. Ныне эта книга устарела.

Сведения ближневосточных источников собрал и обработал Вивьен де Сент-Мартен^[9].

Продолжателями дела, начатого французской школой XVIII в., были ученые XIX в. — Абель Ремюза, оставивший огромное количество частных исследований, и Клапрот, создавший историко-географический атлас «Tableaux historiques de l'Asie», бывший в свое время весьма ценным обобщением. Новый расцвет исторической науки, посвященной центральноазиатским проблемам, наступил во Франции в конце XIX — начале XX в. Это был кульминационный пункт европейского востоковедения. Общие и частные труды Эдуарда Шаванна, Поля Пельо, Анри Кордые и Рене Груссе осветили множество вопросов и дали возможность приступить ко второму, после Дегиня, обобщению накопленного материала. Из исследований немецких ученых надо назвать монументальные работы де Грота^[10] и Франке^[11]; сведения, сообщаемые ими, в подавляющем большинстве повторяют то, что имеется во французских и русских исследованиях. Что же касается Фридриха Хирта^[12], то его работы о хуннах не выдержали испытания временем и потеряли всякую ценность.

Труды английских и американских ученых занимают в истории науки особое место. Книга Паркера «Thousand years of the Tartare» (Shanghai, 1895) написана живо, но лишена ссылочного аппарата, что не дает читателю возможности проверить подчас неожиданные заявления автора. Безусловно ценным вкладом в науку являются монографии Ауреля Стейна, посвященные описанию оазисов бассейна реки Тарим, а также хронологические изыскания Теггарта. Отнюдь небезынтересно исследование О. Латтимора, хотя оно только слегка задевает нашу тему. Но все эти работы для «хуннологии» — лишь вспомогательные, непосредственно же хуннам посвящены книга Мак-Говерна^[13] и статьи Отто Мэнчен-Хелфена^[14]. Мак-Говерн находится в плену у китайской историографии, воспринятой им некритически. По сути дела, он хорошим английским языком популярно излагает содержание китайских династических хроник. Книга его, ценная как полная сводка источников, использована мною как параллельный перевод китайского текста.

Отто Мэнчен-Хелфен ставит под сомнение достижения русской науки, отрицает преемственность европейских гуннов от азиатских хуннов. Однако его аргументация опровергается при детальном разборе и сопоставлении фактов, и его работы имеют лишь негативное значение.

Итак, многие ученые приняли участие в исследовании интересующего нас вопроса, но первое место в изучении древней истории Срединной Азии уже 100 лет принадлежит русской науке.

Первым русским ученым, поднявшим изучение Центральной Азии на ступень выше современной ему европейской науки, был Н. Я. Бичурин, в монашестве Иакинф. Великолепное знание китайского языка и потрясающая работоспособность позволили ему осуществить перевод почти всех китайских сочинений, относящихся к древней истории Срединной Азии. Его труды, изданные во второй четверти XIX в., до сих пор служат краеугольным камнем для кочевниковедения вообще и истории хуннов, в частности. Не меньшее значение имеют его работы по исторической географии Китая и сопредельных стран. Эти работы не были напечатаны в свое время и начали издаваться только в советский период.

Опубликование Бичуриным китайских источников открыло блестящую эпоху русского востоковедения, хотя некоторые его взгляды и соображения и не подтвердились полностью (например, его мнение, что хунны были монголы).

К обобщению западных и восточных материалов первым приступил В. В. Григорьев, не только арабист и иранист, но и блестящий знаток греко-римской историографии. Используя переводы Н. Я. Бичурина для сравнения с ближневосточными источниками, он построил сводную работу «Китайский, или Восточный, Туркестан», бывшую в его время исчерпывающим исследованием и вплоть до сего дня не потерявшую ценность.

Но не только кабинетные ученые отдали труды и силы изучению азиатской древности. Не меньшие заслуги выпали на долю отдельных путешественников и Географического общества в целом. Н. М. Пржевальский открыл и описал страны, до тех пор известные только понаслышке. Его ученики П. К. Козлов и В. И. Роборовский завершили замыслы своего учителя и не только посетили, но и описали природу тех стран, где когда-то возник, жил и исчез хуннский народ. За ними последовали М. В. Певцов, братья М. Е. и Г. Е. Грумм-Гржимайло, Г. Н. Потанин, В. А. Обручев и в наше время Э. М. Мурзаев. В ярких и красочных экспедиционных отчетах и дневниках перед читателем встают картины бескрайних степей, горных хребтов, с которых бегут чистые ручьи, раскаленных каменистых и песчаных пустынь, снежных буранов и нежного цветения азиатских весен. Страницы, посвященные охоте, знакомят нас с видами тех же зверей, на которых в древности охотились хунны, а открытие археологических памятников позволяет соприкоснуться непосредственно с материальной культурой далеких времен. Не меньшее значение имеют также их этнографические наблюдения, которые дали материал для классификации не только современных, но и исчезнувших в глубокой древности народов.

В 1896 г. Н. А. Аристов опубликовал в журнале «Живая старина» небольшое по объему, но до предела насыщенное исследование «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей», в котором видное место уделено древним нарсудам. Продолжателем его дела был знаменитый путешественник Г. Е. Грумм-Гржимайло, посвятивший истории Центральной Азии целый ряд сочинений, из которых наиболее значительное — «Западная Монголия и Урянхайский край». В этом замечательном исследовании подводятся итог всем работам русских и европейских историков и географов и критически разбираются все гипотезы и точки зрения, существовавшие в его время. Для историков Средней Азии эта работа Г. Е. Грумм-Гржимайло стала настольной книгой. Но не все вопросы истории Внутренней Азии были в поле зрения Грумм-Гржимайло, который интересовался преимущественно исторической географией, палеоэтнографией и некоторыми вопросами хронологии. Этот пробел восполнен небольшой, но исключительно ценной книгой К. А. Инostrанцева «Хунну и гунны». Содержание этой работы определено ее подзаголовком: «Разбор теорий о происхождении народа хунну китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов». Можно с уверенностью сказать, что ни одна из существующих концепций не укрылась от взора автора и его детального разбора. Книги Г. Е. Грумм-Гржимайло и К. А. Инostrанцева вместе содержат quintэссенцию всей предшествующей науки о хуннах.

Шагом назад была книга А. Н. Бернштама «Очерк истории гуннов». В ней нет последовательного изложения событий и изменений в хуннском обществе, а выводы автора, будучи подвергнуты критике, не выдержали ее ^[15]. Однако эта частная неудача меркнет при сравнении с успехами археологии. Нет необходимости останавливаться на отдельных открытиях и работах, хотя именно они заставили нас полностью отказаться от предвзятой точки зрения, рисовавшей нам древних кочевников грубыми дикарями. Этим вопросам посвящено специальное исследование С. И. Руденко «Материальная культура хуннов». Достаточно указать на монументальную работу С. В. Киселева «Древняя история Южной Сибири», посвященную богатейшей культуре Саяно-Алтая, и на исследование А. П. Окладникова «Неолит и бронзовый век Прибайкалья». Только благодаря этим трудам оказалось возможным проследить историю хуннского народа, установить северную границу его распространения и тем самым уяснить его историческую роль. Он был соперником не только империи Хань в районах, прилегающих к Великой китайской стене, как до сих пор представлялось, но и других племен и народов. История хуннов перестала быть придатком истории Китая ^[16].

Настоящая работа ставит целью выяснение того места, которое хунны занимали во всемирной истории как создатели самостоятельной, хотя и недоразвившейся культуры. В этом

аспекте рассматриваются их отношения к китайскому народу и императорам династии Хань; нас интересует их разнообразные взаимоотношения с кочевыми степными племенами и их западные связи, о которых нет прямых указаний в источниках, но которые выясняются из сопоставления имеющихся материалов. Как во всякой сводной работе, в этой книге используются достижения передовой науки.

В древности территория Китая была мало похожа на современную. Ее покрывали девственные леса и болота, питавшиеся реками, разливавшимися в половодье, обширные озера, непроходимые солонцы, и только на плоскогорьях расстилались луга и степи.

На востоке между низовьями Хуанхэ (Желтой реки) и Янцзы тянулась цепь зыбучих почв. Современная провинция Хэбэй была огромной дельтой, носившей название «Девятиречье». Дальше от морского берега простирались широкие озера и болота, а реки И и Хуай пропадали в заболоченной долине нижнего течения Янцзы. «Буйная растительность одевала весь бассейн реки Вэйхэ; там росли величественные дубы, всюду виднелись группы кипарисов и сосен. В лесах жили тигры, ирбисы, желтые леопарды, медведи, буйволы, кабаны; вечно выли шакалы и волки»^[17].

Борьба с реками испокон веков занимала большое место в жизни китайского народа. В сухое время года они сильно мелели, но стоило пройти дождям в горах, как они вздувались и выходили из берегов. Разлившись, реки теряли скорость течения и откладывали наносы. Одна часть древних насельников Северного Китая ушла от бушевавших вод в горы, где поддерживала свою жизнь охотой, другая же часть вступила в решительную борьбу со стихией рек — это были предки китайцев. Трудолюбивые китайские земледельцы с глубокой древности стали сооружать дамбы, чтобы спасти свою жизнь и свои поля от наводнений. «На территории Китая издавна жили племена с различной культурой, имевшие различных предков. На землях, где они обитали, каждое племя в борьбе с силами природы развивало свою собственную культуру»^[18]. Эти племена нередко боролись друг с другом. Согласно китайской исторической традиции, уже первая из китайских династий, полулегендарная Ся, вступила в борьбу с другими племенами, населявшими территорию Китая в III тысячелетии до н. э. Эти племена назывались жуны и ди. Они населяли лесистые горы, тогда как предкам китайцев достались низины. Севернее, в сухих степях, жили племена хуньюй. Из легенд известно, что в 2600 г. до н. э. «Желтый император» предпринял против них поход. Но главными противниками Ся были не они, а жуны и ди. В китайском фольклоре сохранились отголоски борьбы «черноголовых» предков китайцев с «рыжеволосыми дьяволами»^[19]. Китайцы выиграли тысячелетнюю войну. Они оттеснили «варваров» в горы, степи и даже южные джунгли, но, как мы увидим ниже, эта победа не была окончательной. Несмотря на успехи, царство Ся владело лишь областью Хэнань и юго-западной частью Шаньси; именно здесь было сосредоточено ядро будущего китайского народа.

В 1764 г.^[20] до н. э. в Китае в результате переворота вместо династии Ся утвердилась династия Шан, при которой сложились основы древнекитайской цивилизации и оформился древнекитайский народ^[21].

Шан-Инь — это первая вполне историческая династия Китая. С нею связано возникновение первого китайского государства. Многочисленные раскопки восстанавливают картину ее культуры, но политическая история по-прежнему темна. Ясно, что Шан было уже настоящее рабовладельческое государство с наследственной властью и аристократией. Важнейшим культурным достижением этой эпохи было изобретение иероглифической письменности, которое сыграло чрезвычайно важную роль в дальнейшей истории Китая. Развивалась торговля не только с лежащими к северу от Хуанхэ Хэбэем, торговые связи доходили через северо-восток Китая до Байкала и берегов Ангары. Конечно, туда попадали только товары, а не сами китайцы, которые обычно производили обмен с помощью племен-посредников. В Сибирь отправляли металл: олово, бронзу, а из Сибири — зеленый и белый нефрит, драгоценные меха и, возможно, рабов^[22]. Так складывался дальневосточный очаг культуры.

В XVIII в. до н. э. в Северном Китае произошли два события, имевшие огромные последствия. В 1797 г. китайский вельможа Гун-лю попал в опалу и бежал на запад к жунам. За ним последовали, видимо, немало сторонников, ибо здесь он смог построить для себя городок и властвовать самостоятельно, отделившись от китайского царства Ся. По сообщению источников, Гун-лю «претворился в западного жуна»^[23]. Однако за 300 с лишком лет совместной жизни эмигранты-китайцы все-таки окончательно не слились с жунами, и в 1327 г. их потомки с князем Шань-фу во главе, гонимые жунами, вернулись на родину и поселились в северном Шэньси (у горы Цишань)^[24]. Из этого вновь сложившегося племени произошла династия Чжоу^[25]. Еще будучи небольшим княжеством, Чжоу воевало против жунов, и в 1140–1130 гг. до н. э. князь Чан «прогнал жун-и от рек Гин и Ло» (в провинции Ганьсу) на север^[26].

Жуны некоторое время были данниками Чжоу, но приблизительно в X в. до н. э. «степные повинности прекратились и началась упорная война». Жуны стремились вернуть себе потерянные земли; разделение Китая на множество княжеств способствовало их продвижению.

А в это самое время в степи, примыкавшей к южной окраине Гоби, складывался новый народ — хунны. Издавна там кочевали племена хяньюнь и хуньюй. Ни те ни другие не были хуннами^[27]. В ту эпоху хуннов еще не было. Но после того, как была низвергнута династия Ся, сын последнего царя Цзе-куя, умершего в изгнании, — Шун Вэй — с семейством и подданными ушел в северные степи^[28]. Шун Вэй, по китайской исторической традиции, считается предком хуннов. Согласно этой традиции, хунны возникли из смешения китайских эмигрантов и степных кочевых племен. Несомненно, что эти легендарные сведения лишь очень приблизительно отражают историческую действительность. Однако было бы неправильно отрицать в них рациональное зерно. Хотя и делались попытки отвергнуть существование периода Ся на том основании, что в записях эпохи Шан нет упоминаний о предшествующей династии, но самые скептические исследователи китайской древности, как, например, Го Мо-жо, а также Латтимор, признавая легендарность рассказов о Ся, считают, что эта династия была^[29], что в древности «Ся» значило «Китай»^[30] и что границы ее совпадают с границами неолитической культуры черной керамики^[31]. Далее, Латтимор отмечает огромное различие между культурами Ся и Шан и предполагает даже частичную синхронность их существования^[32]. Таким образом, можно допустить, что произошло столкновение двух племен и одно из них победило. Еще более вероятно, что в результате поражения часть побежденных бежала за пределы родной страны, захваченной врагом, и нашла приют у соседних племен.

Но кто же были эти загадочные племена хяньюнь и хуньюй, с которыми смешались соратники Шун Вэя? Окраину Гоби в древности китайцы называли «песчаной страной Шасай»^[33] и считали родиной динлинов. По данным антропологии, здесь в это время метизировались европеоидный короткоголовый тип с монголоидным узколицым, т. е. китайским^[34]. Монголоидный широколицый тип был распространен в то время на север от Гоби.

Мы вправе сделать заключение, что хяньюнь и хуньюй были потомками аборигенов Северного Китая, оттесненных «черноголовыми» предками китайцев в степь еще в III тысячелетии до н. э. С этими племенами смешались китайцы, пришедшие с Шун Вэем, и образовался первый прахуннский этнический субстрат, который стал хуннским лишь в последующую эпоху, когда прахунны пересекли песчаные пустыни. Тогда на равнинах Халхи произошло новое скрещивание, в результате чего возникли исторические хунны. До тех пор они

назывались ху, т. е. степные кочевники. Итак, хунны были первым народом, победившим пустыни. А для этого надо было обладать мужеством и упорством.

Срединная Азия окружена горами со всех сторон. С северо-запада мощный хребет Саяно-Алтая отделяет ее от холодной и влажной лесной Сибири. Полоса пустыни (Гоби), как море, делит Срединную Азию пополам, и недаром китайцы называли эту пустыню Ханьхай-море. Пржевальский описывает Гоби так: «По целым неделям сряду перед глазами путника являются одни и те же образы: то неоглядные равнины, отливающие [зимою] желтоватым цветом иссохшей прошлогодней травы, то черноватые, изборозжденные гряды скал, то пологие холмы, на вершине которых иногда рисуется силуэт быстроногой антилопы»^[35]. Кроме антилоп, Гоби — обиталище диких верблюдов, живших там еще в XIX в., и огромного количества грызунов. Для древних китайцев эта пустыня казалась непроходимой.

На юго-востоке граница Срединной Азии — хребет Иньшань (меридиональное продолжение Большого Хингана) и примыкающие к нему горы Ляоси. На склонах этих гор некогда росли густые леса, полные дичи, рогатой и пернатой. С севера Иньшань граничит со степью.

К западу от излучины Хуанхэ расстилается пустыня Алашань. Пржевальский пишет: «На многие десятки, даже сотни километров мы видим здесь голые, сыпучие пески, всегда готовые задушить путника своим палящим жаром или засыпать песчаным ураганом. В них нет ни капли воды; не видно ни зверя, ни птицы, и мертвое запустение наполняет ужасом душу забредшего сюда человека»^[36]. С юга пустыню замыкает высокая горная система хребтов Наньшань. На западе лежит богатый оазис Дуньхуан, и от него начинается караванный путь на Хамийский оазис. Путь этот исключительно тяжел. Яркое описание его дал Пржевальский: «По дороге беспрестанно валяются кости лошадей, мулов и верблюдов. Над раскаленной почвой висит мутная, словно дымом наполненная атмосфера. Часто пробегают горячие вихри и далеко уносят столбы крутящейся пыли. Впереди и по сторонам путника играют миражи. Жара днем невыносимая. Солнце жжет с восхода до заката. Оголенная почва нагревалась до 63°, а в тени было не меньше 35°. Ночью также не было прохлады, но двигаться по этому пути можно было лишь ночью и ранним утром»^[37]. Алашаньскую пустыню китайцы называли «заливом» или «бухтой Песчаного моря» (Гоби). Это песчаное море веками было непроходимой преградой между Востоком и Западом. Но эта преграда не испугала хуннов.

События этого первого периода истории хуннов, как и второго (с 1200 по 214 г. до н. э.), не нашли достаточного отражения в китайской историографии. И понятно почему. Горные жуны были промежуточным звеном между степями и цивилизованным Китаем. Они держали в своих руках широкую полосу предгорий от оазиса Хами на западе^[38] до Хингана на востоке. Многочисленные племена их «рассеянно обитали по горным долинам, имели своих государей и старейшин, нередко собирались в большом числе родов, но не могли соединиться»^[39]. Вполне вероятно, что степняки-хунны иногда принимали участие в походах своих соседей и только таким образом китайцы узнавали об их существовании. Поэтому сведения о хуннах древнего периода отрывочны. Последнее же вызвало возникновение разных гипотез, отождествлявших хуннов то с хяньюнь и хуньюй^[40], то с самими шаньжунами^[41], причем забывалось, что хунны были степняки, а не горцы.

В связи со всем сказанным вскрывается загадочный этноним жун. Из-за описки или неточного выражения Сыма Цяня были попытки отождествить жунов с хуннами^[42], но мы видим, что всюду в источниках жуны выступают совместно с ди^[43], так что их, может быть, правильно Бичурин трактует в своем переводе как единый народ — жун-ди. Больше того, есть легенда, согласно которой чиди и цюаньжуны были одного происхождения^[44]. Жуны и ди, по-видимому, так мало отличались друг от друга, что китайцы называли некоторые роды ди западными жунами^[45]. Самое восточное племя их, обитавшее на склонах Хингана и Иньшаня, носило название шаньжун, или горные жуны. Будучи отрезаны от основной массы своего народа, горные жуны слились частью с восточными монголами — дунху^[46], частью — с хуннами. Не менее интенсивно сливались они с китайцами^[47], а на западе — с тибетцами. В последнем случае они превращались в доньне существующий народ — тангутов. Таким образом, существование особой расы в Китае перестает быть загадкой: тангуты в древности имели значительно большее распространение, чем теперь, когда они сохранились как небольшой этнический островок около озера Кукунор.

Приведенная точка зрения расходится с той, которую высказывают европейские и американские историки. В частности, Мак-Говерн считает жунов и ди хуннами^[48], удивляясь лишь, что этнографические особенности тех и других не совпадают. Подробный и обстоятельный разбор этой темы дан у Латтимора^[49], который приходит к выводу, что жуны и ди обитали внутри Китая и были оседлые горцы, а не степные кочевники, т. е. отнюдь не хунны, но о расовой их принадлежности он не говорит ничего.

Совершенно игнорирует жунскую проблему Н. Н. Чебоксаров^[50], не замечая, что это лишает его возможности правильно решить вопрос об этногенезе китайцев. Достаточную определенность вносит цитата из «Цзиньшу» (гл. 97), в которой указано, что хунны на западе граничат с шестью жунскими племенами^[51], т. е. ясно подчеркнуто различие этих народов.

Однако все авторы затрудняются определить отличие жунов и ди от китайцев внутри Китая и от хуннов вне его, тогда как из анализа исторических событий ясно, что это отличие было очевидно для современников. Тут полностью решает вопрос так называемая «динлинская» теория Грумм-Гржимайло. Это было расовое отличие, которое древнекитайские авторы еще не могли или не считали нужным подчеркнуть^[52].

ПОБЕДА ЧЖОУ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Княжество Чжоу было расположено на территории современной провинции Шэньси и имело среди своих подданных немало воинственных жунов и привыкших к пограничным схваткам китайцев. В то самое время, когда ахейцы разоряли Трою, а хунны пересекали Гоби, чжоуский царь Вэнь-ван «силами белокурых [и черноволосых] варваров совершал завоевания между морем и тибетским нагорьем»^[53]. Своему сыну он оставил множество воинов, которые «имели сердца тигров и волков», и завещал покорить державу Шан-Инь^[54].

Сын его У-ван начал войну и дошел до реки Хуанхэ, но был отбит. Два года спустя, в 1027 г. до н. э.^[55], он повторил поход и на этот раз удачно: держава Шан-Инь пала. Много побежденных было обращено в рабство и пожаловано чжоуским военачальникам и чиновникам, причем жаловали целыми родами. Множество рабов было взято из числа восточных (и) и южных (мань) соседей державы Шан-Инь. Чжоуский царь овладел всем междуречьем и обоими берегами великих рек Хуанхэ и Янцзы.

По поводу падения династии Шан существуют три абсолютно не совпадающих мнения. В европейской науке принято считать, что шанское царство было разрушено нашествием чжоуских племен, вторгшихся с запада в долину Хуанхэ. Феодалная китайская историография полагала, что Шан была выродившейся династией и переворот 1066 г. до н. э., приведший к власти династию Чжоу, был шагом по пути прогресса. Наконец Го Мо-жо, считая эту точку зрения тенденциозной апологией насильственного захвата власти чжоусцами, подчеркивает, что переворот привел лишь к раздроблению и упадку Китая^[56]. Чжоу состояло из 1855 самостоятельных княжеств-уделов, признававших господство царя лишь номинально.

Эту эпоху некоторые историки считают началом китайского феодализма^[57].

Раздел страны на множество княжеств не отвечал нуждам населения; разве могли мелкие князья организовывать работы по мелиорации и укреплению берегов рек? Хозяйство, естественно, пришло в упадок.

Изменилась и идеология: «чжоусцы, затемнив представление о Шан-ди, высшем боге-мироправителе, внесли в обновленную религию натурализм и культ героев»^[58] и уничтожили существовавшие человеческие жертвоприношения^[59]. Произошло этническое смешение, в результате которого у китайцев иногда стали встречаться высокие носы и пышные бороды^[60].

Талантливый и трудолюбивый китайский народ упорно стремился к порядку и покою, а этого невозможно было достичь при политической раздробленности. Правительство царя было бессильно против нее. Но с течением времени отдельные княжества стали укрупняться за счет своих соседей. В период Чуньцю («Весны и Осени», 722–480 гг.) осталось всего 124 больших княжества, а в следующий период Чжаньго («Брани царств», или «Воюющих царств», 403–221 гг.) осталось только семь крупных и три маленьких княжества. Эта эпоха нашла отражение в географическом трактате «Юйгун», представляющем раздел классической книги «Шаншу». Написание его относится предположительно к периоду «Весны и Осени», когда уже существовали связи северокитайских государств с территорией современной провинции Сычуань; в последней велись разработки железных руд, о чем в «Юйгуне» есть упоминания^[61].

В «Юйгуне» Китай подразделяется на девять районов, расположенных между средним течением Хуанхэ и Янцзы и на побережье к югу от устья Янцзы, включая Гуандун. На юге автор «Юйгуна» знает Аннам, но западные области: Тибет, Цинхай, Сиан, Ганьсу, Юньнань и Гуйчжоу — ему неизвестны. «Сильные и храбрые варвары, — как их называет автор «Юйгуна», — укрыты горами, лесами и пустынями», отделили восточный центр культуры от западного средиземноморского и южного индийского надолго и прочно.

Но кто же были «варвары», отделявшие Восток от Запада? Ими не могли быть хунны, жившие в это время гораздо севернее, в стороне от караванных путей.

Некоторый свет на этот запутанный вопрос проливают западные античные источники, в частности Птолемей^[62]. Птолемей на территории современного Китая помещает два разных народа: синов и серов. Сины помещены южнее серов и названа их столица — Тина, лежащая в глубине от порта Каттигары.

Карта Птолемея столь приблизительна, если не сказать фантастична, что идентификация географических названий крайне затруднительна. Однако для нас существенно другое: сины, несомненно, подлинны китайцы Цинь и не отождествляются с серами, поставлявшими шелк-серикум в Парфию и Римскую империю. Серы упоминаются раньше, чем сины, и в другой связи. Так, греко-бактрийский царь Эвтидем около 200 г. до н. э. расширил свои владения на востоке «до владений фаунов и серов»^[63]. Впоследствии, когда установилась торговля шелком по великому караванному пути, название «серы» применялось к поставщикам шелка в бассейне Тарима, а не к самим китайцам^[64].

Следующее, еще более важное сообщение о серах, которое Томсон расценивает как «нелепое»^[65], основано на рассказе цейлонских послов. Согласно их словам, серы — рослые рыжеволосые и голубоглазые люди, живущие за «Эмодом», т. е. за Гималаями. Это сведение отвергает как невероятное Юль^[66], но совершенно напрасно, ибо Псевдо-Арриан (Перикл Эритрейского моря, § 39, 49, 64) упоминает пути из страны серов в Бактрию и оттуда к индийским гаваням^[67]. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что цейлонцы встречали серов. Территория «Серики», согласно сводке, сделанной Томсоном, простирается от Кашгара до Северного Китая, к северу от «баутов», т. е. тибетцев-ботов^[68]. Это территория, занятая племенами ди, которых мы имеем право отождествить с серами как по территориальному, так и по физическому признакам.

«характеризуется следующими признаками: рост средний, часто высокий, плотное и крепкое телосложение, продолговатое лицо, цвет кожи белый с румянцем на щеках, белокурые волосы, нос, выдающийся вперед, прямой, часто орлиный, светлые глаза»^[75]. Эти выводы, построенные на основании письменных источников, нашли себе подтверждение и в археологии. Саяно-Алтай был родиной афанасьевской культуры, датирующейся приблизительно с 2000 г. до н. э. Антропологически афанасьевцы составляют особую расу. Они имели «резко выступающий нос, сравнительно низкое лицо, низкие глазницы, широкий лоб — все эти признаки говорят о принадлежности их к европейскому стволу. От современных европейцев афанасьевцы отличаются, однако, значительно более широким лицом. В этом отношении они сходны с верхнепалеолитическими черепами Западной Европы, т. е. с кроманьонским типом в широком смысле этого термина»^[76].

Наследниками афанасьевцев были племена тагарской культуры, дожившей до III в. до н. э.^[77] Это заставляет думать, что афанасьевцы-динлины пронесли свою культуру через века, несмотря на нашествия иноплеменников.

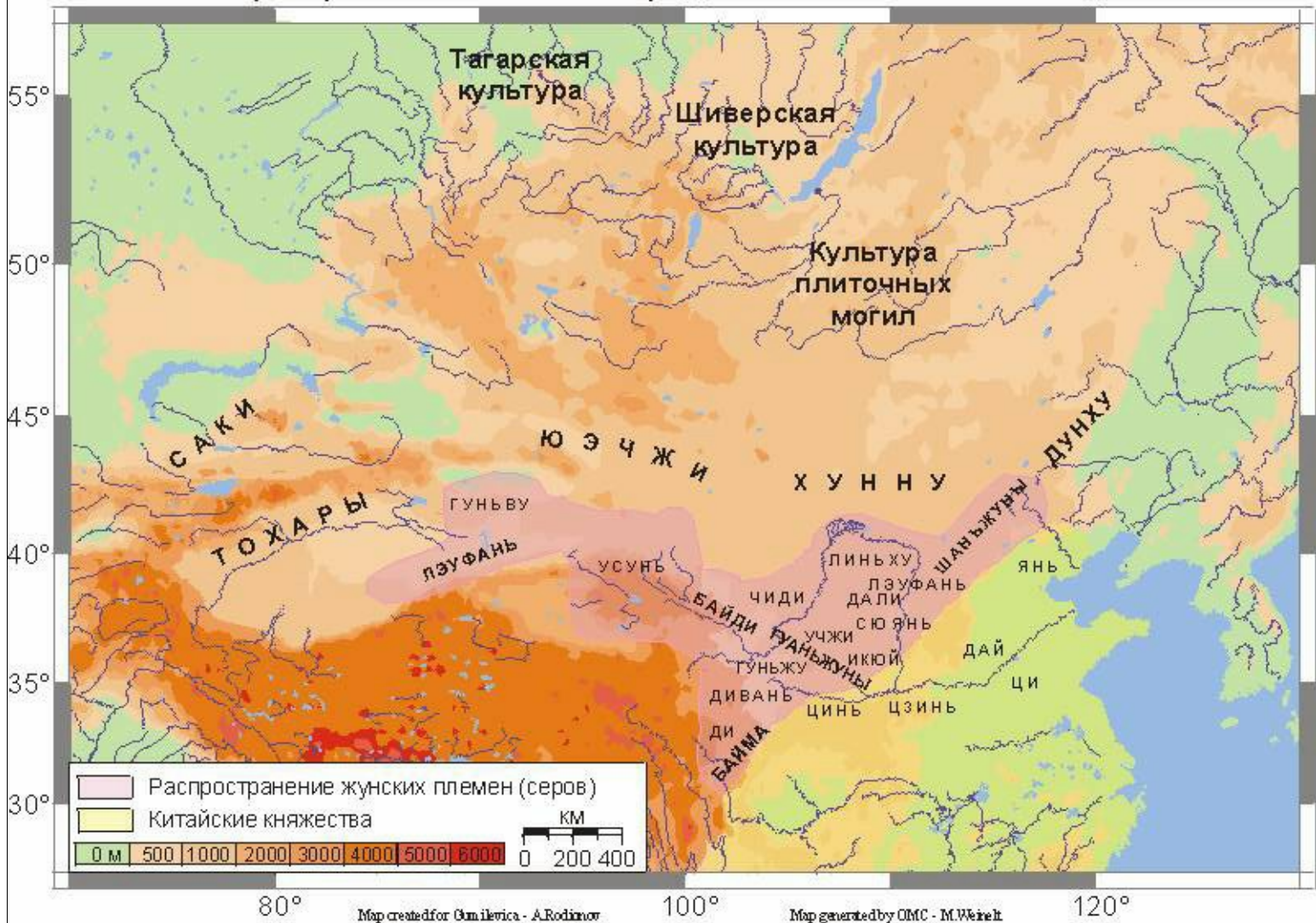
Около 1200 г. в Минусинских степях андроновскую культуру вытеснила новая, карасукская, принесенная переселенцами с юга из Северного Китая^[78], с берегов Желтой реки. Впервые в Западную Сибирь проникает китайский стиль. Это не просто заимствование. Вместе с новой культурой в могильниках появляется новый расовый тип — смесь монголоидов с европеоидами, причем европеоиды брахикранны, а монголоиды узколицы и принадлежат к «дальневосточной расе азиатского ствола»^[79]. Такая раса сложилась в Северном Китае в эпоху Яншао. Внешне представители ее напоминают современных узбеков, которые тоже являются продуктом смешения европеоидного и монголоидного компонентов. На месте они перемешались в свою очередь, но для нас особенно важно отметить, что «в Южную Сибирь переселился уже смешанный народ. К узколицам южным монголоидам примешан европеоидный брахикранный тип, происхождение коего неясно, так же как и место его в систематике»^[80].

Напрашивается сопоставление этого загадочного брахикранный европеоидного элемента, пришедшего из Китая, с ди. Но наличие европеоидного элемента разных типов в Сибири и Китае заставляет решать вопрос так: ди и динлины — народы европейского расового ствола, но различных расовых типов; сходные, но не идентичные^[81].

Г. Е. Грумм-Гржимайло, отождествлявший ди и динлинов, отмечал: «Длинноголовая раса, населявшая Южную Сибирь в неолитическую эпоху, едва ли имела какую-либо генетическую связь с племенами ди, т. е. динлинами (?), жившими, как мы знаем, с незапамятных времен в бассейне Желтой реки. Скорее в ней можно видеть расу, остатки которой и до настоящего времени сохранились на дальнем востоке Азии (айны. — Л. Г.)»^[82]. Но динлинами китайцы считали именно эту длинноголовую расу, а Саянские горы называли «Динлин»^[83]. Динлины исчезли с исторической арены в середине II в. н. э., а дили — степная группа ди — вступили в нее в IV в. И надо полагать, что енисейские кыргызы были связаны именно с аборигенами Сибири, динлинами, а не с пришлыми с юга ди. Южная ветвь динлинов, кочевавшая к югу от Саянских гор, перемешалась с предками хуннов, и не случайно китайцы внешним отличительным признаком хуннов считали высокие носы. Когда Ши Минь приказал перебить всех хуннов до единого, в 350 г. «погибло много китайцев с возвышенными носами»^[84].

Карта. Распространение племена Срединной Азии около VII в. до н. э.

Распространение племен в Средней Азии около VII в. до н.э.

Итак, динлины были тем народом, с которым смешались пришедшие с юга предки хуннов.

Китайская история сохранила описание жизни ху, предков хуннов^[85], в доисторический период их жизни. Это тем более интересно, что в этом описании ху мало похожи на исторических хуннов по социальному строю, но близки к ним по бытовым черточкам.

В древности, по-видимому, никакого государственного устройства у хуннов не было. Отдельные семьи кочевали по степи со стадами, состоявшими из лошадей, крупного и мелкого рогатого скота и в меньшей степени верблюдов и ослов.

Кочевой быт отнюдь не предполагал беспорядочного блуждания по степи. Кочевники передвигались весной на летовку, расположенную в горах, где пышная растительность альпийских лугов манила к себе людей и скот, а осенью спускались на ровные малоснежные степи, в которых скот всю зиму добывал себе подножный корм. Места летовок и зимовок у кочевников строго распределялись и составляли собственность рода или семьи. Так было и у хуннов.

Однако необходимо отметить, что Сыма Цянь^[86], быть может, отнес в глубокую древность некоторые черты хуннского быта, привычные для него настолько, что он не представлял, чтобы могло быть иначе. Думается, что он преувеличил роль кочевого скотоводства в экономике ху, но отрицать полностью скотоводство у степняков Внутренней Монголии эпохи неолита было бы неосновательно. Вопрос лишь в том, до какой степени это скотоводство было кочевым.

Наиболее важны для характеристики этого периода истории хуннов следующие замечания: «Могущие владеть луком все поступают в латную (!) конницу... каждый занимается воинскими

упражнениями, чтобы производить набег... Сильные едят жирное и лучшее; устаревшие питаются остатками после них. Молодых и крепких уважают, устаревших и слабых мало почитают... Обыкновенно называют друг друга именами; прозваний и проименований (родовых. — Л. Г.) не имеют»^[87].

Все это свидетельствует о каком-то ослаблении родовых связей, о господстве физической силы над обычаями и традициями. Особенно важно, что в эпоху родового строя источник отмечает отсутствие родовых прозваний, тогда как для поздней исторической эпохи он ясно констатирует полное торжество родовых взаимоотношений (см. ниже). Можно предположить, что вышеприведенные замечания относятся к какому-то периоду, когда предков хуннов связывала не общность происхождения, а общность исторической судьбы.

Но ослабление родовых связей должно было иметь свои причины тем более потому, что наряду с указанными явлениями мы наблюдаем институты и обычаи, бесспорно относящиеся к родовому строю. Например, формой брака была не парная семья, а многоженство, причем жены переходили в число прочего имущества по наследству: мачехи к сыну, невестки к брату, что характерно для патриархально-родового строя. Было бы неверно рассматривать это только как приниженное положение женщины; часто форма брака гарантировала женщину от нищеты в случае вдовства, так как новый муж обязан был предоставить ей место у очага и долю в пище и не мог бросить ее на произвол судьбы. Все вместе указывает на какой-то прерванный исторический процесс, протекавший скорее всего еще тогда, когда хунны жили внутри Китая.

Сверим изложенное с данными археологии. Шведской экспедицией 1927–1937 гг. во Внутренней Монголии открыта культура неолита, причем поздний этап ее датируется «временем около 2000 г., если не позже»^[88]. Эта культура резко отличается от неолита Северного Китая, с «которым она имела только известный контакт»^[89].

Вывод напрашивается сам. Неолитическая культура принадлежала тем степным охотничьим племенам, к которым бежали из Китая сначала разбитые ди, а потом их низвергнутые победители — сторонники династии Ся. Подтверждается указанный вывод тем, что «повсюду обнаруживается много инфильтраций северокитайской неолитической культуры». Попытка реконструкции быта неолитического населения приводит к заключению, что это были охотники, рыболовы и собиратели, жившие в постоянных поселениях вдоль рек и озер.

Итак, древние ху, принявшие в свою среду две волны изгнанников из Китая, по согласным указаниям нарративных и вещественных источников, были народом весьма примитивным, лишенным государственной организации и еще не имевшим даже потребности в ней. Заслуга их перед культурой лишь в том, что, освоив кочевое скотоводство, они сумели перебраться через пустыню — песчаное море Гоби, т. е. открыли Сибирь, как их современники-финикийцы, научившись плавать по морю, открыли Европу. Оба открытия были важны для судеб истории, и трудно сказать, какое из них более значительно. Так как археология подтверждает, насколько ей под силу, данные китайских хроник, мы должны со вниманием отнестись и к той их части, которая по самой своей природе не может найти археологических подтверждений, т. е. к описанию брачных обычаев и непочтительного отношения к старшим. Данные хроник говорят об отсутствии семейных традиций, а к этому может привести лишь резкое ухудшение условий жизни, когда все слабое обречено на гибель. Бедность, постигшая предков хуннов, была такова, что все силы уходило на поддержание физического существования, и традиции умирали вместе со стариками.

Нам ничего не известно о войнах между кочевниками ху и государством Шан-Инь. Однако археологический материал указывает на тесное общение Китая и степняков в эту эпоху. Не исключена возможность, что крупных столкновений между ними не было, так как, с одной стороны, «варвары» еще были слабо организованы, а с другой — и у тех и у других был общий враг — растущая мощь княжества Чжоу.

Для степных народов, не меньше чем для самого Китая, торжество чжоуского вана оказалось событием, определившим их историю. Еще до восстания княжество Чжоу было заслоном Китая против северных племен. Около 1158 г. Вэнь-ван напал на хяньюней и «устрасил их»^[90]. У-ван, постоянно сражаясь, покорил северных «варваров», т. е. жунов, и, видимо, так стеснил степных ху, что они сочли за благо удалиться от китайской границы, а путь был только один — на север.

Необходимо отметить, что хунны XII в. до н. э. весьма значительно отличаются от своих предков. Дегинь, опираясь на Сыма Цяня, считает, что «около 1200 г. до н. э. мы должны помещать создание хуннского царства»^[91]. Эту дату принимает и Кордье^[92]. В это время хунны населяли степи от Хэбэя до озера Баркуль и уже делали набеги на Китай. Описание их быта и порядков показывает на значительный прогресс. «Они не имеют домов и не обрабатывают землю, а живут в шатрах... Они уважают старших и в установленное время года собираются, чтобы упорядочивать свои дела»^[93]. Поэтому отнюдь не удивительно, что, переправившись через пустыню, они получили перевес над разрозненными носителями глазковской и андроновской культур.

Вторая дата хуннской предыстории, нащупанная археологами, — приблизительно 1200 г. до н. э. Около этой даты, как уже отмечалось, совершился первый переход южных кочевников через пустыню Гоби; с того времени пустыня стала проходимой, и хунны освоили оба ее края^[94].

Прежде всего возникает вопрос, почему именно в этот период переход через «песчаное море» оказался возможным. По-видимому, хуннское кочевое скотоводство развилось уже настолько, что хунны в поисках пастбищ двинулись на север, причем это же самое скотоводческое хозяйство обеспечило их достаточной тягловой силой. Наскальная писаница запечатлела тот «корабль», на котором предки хуннов перебрались через «песчаное море». Это крытая кибитка на колесах, запряженная волами, ибо для лошадей она слишком тяжела и неуклюжа^[95]. Изложенное предположение будет верно, но недостаточно. Нельзя также пройти мимо перемены климата на рубеже II тысячелетия до н. э. и связанных с ним изменений в распределении ландшафтов. Возможно, что именно в это время начался процесс похолодания и небольшого увлажнения климата, закончившийся к середине I тысячелетия до н. э. Засушливый ксеротермический период стал заменяться субатлантическим влажным, и соответственно должны были сдвинуться границы пустыни Гоби. В тот период должно было увеличиться и число озер, тянувшихся поясом от нижнего Поволжья, через Казахстан и Монголию, до Хингана (сухость климата и озерность — взаимосвязанные географические явления)^[96]. Вместе с этим «таежное море» начало наступление на юг. Лесостепи превратились в дремучие чащи, и это подорвало экономическую базу обитателей Сибири. Обстоятельства сложились в пользу южных кочевников, которые сумели ими воспользоваться. Письменные источники не сохранили следов тысячелетней борьбы за степь, но к III в. до н. э. хунны уже были хозяевами всех степных пространств от пустыни Гоби до сибирской тайги. На берегах Енисея и Абакана рядом с бревенчатой избой появилась круглая юрта кочевника. Вместе с культурным произошло и расовое смешение: в эту эпоху, именуемую карасукской, в погребениях начинает появляться монголоидный, узколицый северокитайский тип^[97] и европеоидный брахикранный южного происхождения.

Но если хунны повлияли на аборигенов Южной Сибири, то последние не в меньшей мере повлияли на них. «Жизнь неолитических рыбаков конца каменного и начала бронзового века на Ангаре и верхней Лене вовсе не была такой мирной и тихой идиллией, какой ее изображали раньше... Постоянные межродовые и межплеменные войны обычны, как известно, в условиях родового быта»^[98]. «Целью войн было приобретение рабов для того, чтобы избавить себя и жен от тяжелых хозяйственных забот, и добывание «богатства». Однако «богатство» имело совсем не тот смысл, который вкладываем в этот термин мы. Эти «ценности», по существу, не имели никакого значения в повседневной жизни. Они были предметом гордости владельцев, но лежали в амбарах, как мертвое сокровище... Это были обработанные куски нефрита, морские раковины, перламутр и т. п. вещи, блеском радовавшие глаз, но не приносившие реальной пользы»^[99]. Культурные связи древних обитателей Прибайкалья тянутся к Южной Маньчжурии и Северо-Восточному Китаю^[100]. Здесь прослеживается обмен главным образом украшениями из нефрита (диски, кольца, полудиски), бусами, морскими раковинами и, что особенно важно, металлическим сырьем. На основании новых данных археологии можно заключить, что во II тысячелетии до н. э. существовал самостоятельный культурный комплекс на территории от Ангары до Усури. Собранные А. П. Окладниковым археологические материалы, характеризующие жизнь прибайкальских племен во II тысячелетии и в начале I тысячелетия до н. э., рисуют картину патриархально-родового строя с существованием рабства, причем рабы,

добываемые путем пленения и покупки, использовались для трудоемких и неприятных работ, а также для кровавых жертвоприношений^[101]. Судя по вышеприведенному описанию, хунны были примитивнее аборигенов Халхи и, следовательно, должны были воспринять многое из их культуры. Действительно, в III в. до н. э. мы наблюдаем у хуннов патриархально-родовой строй и бытовое рабство, подобное тому, которое предположил Окладников для племен глазковской культуры.

Хотя история хуннов с 1200 до 214 г. до н. э. (за малыми исключениями) не освещена письменными источниками, но за 1000 лет должно было произойти немало событий, и мы не имеем права опустить этот период, не сказав о нем ни слова. Правда, здесь будут только предположения и соображения, основанные на аналогиях, но они могут пролить некоторый свет если не на историю, то на этнографию хуннов.

Археологическими исследованиями установлено, что по всей Южной Сибири в бронзовый век существовал обычай соумирания жены или наложницы и захоронения ее в могиле мужа^[102]. Но, кроме того, обнаружены также и мужчины, принесенные в жертву^[103]. Это можно трактовать как обычай «туом», очень древний обряд вызывания духа войны путем пролития крови. Этот обычай существовал у нижнеленских племен, и память о нем сохранилась поныне^[104].

Однако мы имеем значительно более близкие аналогии. У киданей существовал обычай — во время войны по пути во вражескую страну приносить в качестве «искупительной жертвы» духам предков какого-либо преступника, расстреливая его «тысячью стрел». Точно так же и по окончании войны они приносили духам в жертву одного из врагов, на этот раз как «благодарственную жертву»^[105]. Аналогичный обычай во II в. до н. э. зафиксирован у хуннов^[106]. Тут связь несомненна, так как кидани были, по-видимому, юго-восточной ветвью носителей глазковской культуры, а хунны с 1200 г. до н. э. поддерживали с глазковцами тесные связи, тогда как нижнеленские племена, принадлежащие к циркумполярным культурам, были отделены от южного Прибайкалья «таежным морем» и связь с ними хуннов проблематична.

Таким образом, можно сказать, что жертвы приносились не богу войны Ильбису^[107], а духам предков, очевидно, очень кровожадным.

Особенно важен следующий вывод А. П. Окладникова: в глазковское время произошло «появление нового похоронного обряда, обусловленного идеей о существовании подземного мира, в который ведет река мертвых, и замена старой обрядности, имевшей в основе иные представления о судьбе покойников в загробном мире»^[108].

Эта смена мировоззрения сопоставляется с переходом от матриархата к патриархальному родовому строю. Она радикально меняет все жизнепонимание и прежде всего отражается на культе предков: «По воззрениям этого времени возвращение мертвых приносит несчастья и беды живым, тогда как ранее оно считалось неизбежным и желанным звеном круговорота жизни и смерти»^[109]. С этой точки зрения понятны «искупительные» и «благодарственные» жертвы духам предков как воздаяние за невмешательство в земные дела.

В связи с этим мировоззрением возникает дуалистическая система: небо — отец — добро и земля — мать — смерть, и отсюда вытекает солярный культ, выразившийся в изготовлении дисков и колец из белого нефрита. А. П. Окладников предполагает, что культ солнца в Прибайкалье заменил существовавший ранее культ зверя.

Наконец последним интереснейшим наблюдением и выводом А. П. Окладникова является интерпретация двух захоронений глазковского времени как шаманских^[110]. Однако надо признать, что шаманизм, т. е. близкое, даже сексуальное, общение с духами отнюдь не соответствует описанному выше мировоззрению, и если признать, что описанные погребения

действительно шаманские, то правильнее сделать вывод, что они позднейшего происхождения, т. е. датировать их после 1200 г. до н. э. и сопоставить с южным шаманизмом, уже существовавшим в Китае и пришедшим в Сибирь, очевидно, вместе с хуннами. Такое предположение не противоречит ни общей концепции А. П. Окладникова, ни собранному им материалу, ибо он сам сопоставляет костяные ложки из погребения, обнаруженного около деревни Аносово, с бронзовыми ложками из Ордоса^[111]. Предположение, что шаманизм возник в Сибири самостоятельно на базе развития более древних верований, не только не доказано, но, по-видимому, и не может быть доказано; наоборот, культурные связи Сибири и Дальнего Востока прослеживаются с бронзового века.

Описание культуры и общественного строя рыболовецких племен Прибайкалья имеет для нашей темы второстепенное, но существенное значение. Хунны тысячу лет впитывали в себя и перерабатывали эту культуру, и самостоятельный облик хуннской культуры, столь отличный от китайского и даже противоположный ему, есть следствие этого факта. Почти все отмеченные обряды мы встретим с некоторыми изменениями в державе Хунну во II в. до н. э. Поэтому исследования и выводы А. П. Окладникова приобретают особую ценность: они выясняют второй исток того творческого своеобразия, которое нашло свое воплощение в создании державы Хунну и кочевой культуры.

ПРОДВИЖЕНИЕ ХУННОВ НА СЕВЕР

А. П. Окладников выделил в особый этап шиверскую культуру, возникшую от соприкосновения древних хуннов с древними тунгусами. От предшествующего глазковского этапа она отличается бурным развитием металлической техники и появлением «удивительной близости к особенностям примитивных топоров кельтов и архаического Китая иньской (или шанской) династии»^[112]. Наконечники копий также повторяют иньские, а кинжалы и ножи принадлежат к архаическим вариантам карасукских плоских кинжалов.

Учитывая прослеженный нами ход событий, мы можем с уверенностью датировать эту культуру началом I тысячелетия до н. э. Ведь хунны были врагами Чжоу и, следовательно, друзьями Шан-Инь^[113]. Будучи выбиты из Китая У-ваном в самом конце XII в., они перенесли заимствованные у китайцев навыки и формы в Сибирь; таким образом, для Сибири вещи, сходные с аньянскими, должны датироваться эпохой, непосредственно следующей за гибелью царства Шан-Инь. Но это не следует распространять на область идеологии, так как разница в быте и хозяйственном укладе у кочевников и китайцев исключала прямое заимствование.

Итак, мы вправе констатировать, что шиверский этап прибайкальской культуры и карасукская культура не только синхронны, но и возникли по одной и той же причине. Однако судьба их была различна.

Западный отряд хуннов, переваливший за Саяны, оказался окруженным воинственными динлинами и изолированным от основной массы своих соплеменников. Как бы ни шла борьба, но победили динлины^[114].

Тагарская культура мощно перекрыла карасукскую, местная традиция восторжествовала над пришлой. По новейшим измерениям, карасукские черепа напоминают больше всего черепа узбеков и таджиков (сообщено В. П. Алексеевым), а это значит, что, как и в Средней Азии, монголоидный компонент был поглощен европеоидным.

Карасукская культура была распространена гораздо шире, чем антропологический тип ее носителей^[115]. Она широко взаимодействовала с предшествовавшей андроновской культурой и оставила след на последующей тагарской. Это позволяет допустить, что внедрившиеся с юга пришельцы быстро установили с аборигенами мирные отношения и, оплодотворив их культуру своей, растворились в их массе.

Не то было на востоке. Близкие по крови к хуннам и менее организованные прибайкальские племена подчинились им, и к III в. до н. э. вся Центральная Монголия и степное Забайкалье составили основную территорию хуннов. Борьба за степные просторы заняла, видимо, около 300 лет, и в Китае все это время про хуннов не было слышно. В эти 300 лет формировался новый народ, смешиваясь с аборигенами и совершенствуя свою культуру (например, технику бронзы). А в Китае за это же время династия Чжоу разложилась и пришла в упадок. Но, кроме китайцев, у хуннов было еще немало других соседей.

Жуны занимали территорию, весьма однородную по ландшафту и монолитную: на северо-западе они населяли оазис Хами^[116], где граничили с индоевропейскими чешисцами, обитавшими в Турфане; на юго-западе они владели берегами озера Лобнор и Черчен-Дарьи, примыкая к Хотану и горам Алтынтага, где кочевали тибетцы — жокянь (или эррянь); жунам принадлежало также плоскогорье Цайдам, а родственные им племена ди жили в северной Сычуани. Но главная масса жунских племен группировалась в Северном Китае. В провинции Хэбэй жили племена: бэйжун (они же шаньжун), цзяши (ответвление племени чиди), сяньлюй, фэй и гу (ответвления племени байди), учжун. Общее их название было — бэйди. На западе жили племена, получившие общее название жунди. Они обитали среди китайского населения, не смешиваясь с ним, в провинциях: Шэньси — дажуны, лижуны, цюаньжуны; Ганьсу — сяожуны; Хэнани и Шаньси — маожуны, байди, чиди, цяньцзюжуны, луши, люсюй и дочэнь^[117]. К жунскому племени принадлежали кочевые племена лэуфань и баянь. Лэуфань вначале помещались в Шаньси (в области современной Тайюань)^[118], но потом мы застаем их в Ордосе. Очевидно, именно их имел в виду Птоломей, рассказывая о народе серов, живущих по соседству с синами — китайцами.

Самое восточное из жунских племен — шаньжуны жили в южном Хингане, соседствуя с дунху и хуннами. Местопребывание хуннов в древности точно определено в «Цзиньшу», гл. 97^[119]. Хуннская земля на юге соединялась с уделами Янь и Чжао (современные провинции Хэбэй и Шаньси), на севере достигала Шамо, на востоке примыкала к северным и, а на западе доходила до шести жунских племен, т. е. древние границы распространения хуннов совпадали с современными границами Внутренней Монголии без Барги. Впоследствии они сузились, так как степи к востоку от Хингана заселили дунху, точнее хоры, народ монгольской расы. Необходимо отметить, что северокитайский тип весьма разнится от монгольского. Китайцы узколицы, худощавы, стройны, а монголы широкоскулы, низкорослы, коренасты. В степи мы наблюдаем оба типа: чистых монголов китайцы называли дунху, т. е. восточные ху, а среди ху-хуннов преобладал китайский узколицый тип с примесью динлинских черт, например высоких носов^[120]. Разумеется, хунны и дунху-хоры на протяжении веков смешивались, и это смешение определило в значительной степени характер хуннов: динлинская неукротимость сочеталась с китайской любовью к системе и с монгольской выносливостью.

К северу от хуннов обитали динлины. Они населяли оба склона Саянского хребта от Енисея до Селенги. На Енисее помещались кыргызы (по-китайски — «цигу») — народ, возникший от смешения динлинов с неизвестным племенем гянь-гунь, а на запад от них, на северном склоне Алтая, жили кипчаки (по-китайски — «кюеше»), по внешнему виду похожие на динлинов и, вероятно, родственные им.

Начиная с V в. до н. э. в китайских хрониках появляется упоминание о юэчжах, кочевом народе, жившем в Хэси, т. е. в степях к западу от Ордоса. Территория их определяется «от Дуньхуана на север, от Великой стены при Ордосе — на северо-запад до Хами»^[121]. Однако эта территория не могла быть родиной многочисленного юэчжийского народа, так как в эту же эпоху китайская география помещает сюда усуней и чиди-уйгуров. До V в. о юэчжах китайцы не пишут, чего не могло быть, если бы те занимали столь близкую к Китаю область. Отсюда вытекает, что юэчжи овладели Хэси в V в. до н. э., имея уже вполне освоенную базу для наступления; такой базой могла быть только Джунгария, ибо Центральная Монголия была уже занята хуннами, а западная — кипчаками и гяньгунями^[122].

Переходим к последнему и наиболее загадочному белокуруму народу — северным бома.

Бома населяли северные склоны Саяно-Алтая^[123]. Известно о них следующее: «Они ведут кочевой образ жизни; предпочитают селиться среди гор, поросших хвойным лесом, пашут лошадьми; все их лошади пегие, откуда и название страны — Бома (пегая лошадь).

К северу их земли простираются до моря. Они ведут частые войны с хагасами, которых очень напоминают лицом; но языки у них разные, и они не понимают друг друга. Дома строят из дерева. Покровом деревянного сруба служит древесная кора. Они делятся на мелкие кланы и не имеют общего начальника»^[124]. В переводе Н. Я. Бичурина находим некоторые отличия: так, например, масть лошадей — саврасая, верхом бома не ездили, а держали лошадей только из-за молока, войско бома исчислено в 30 000 человек^[125].

Итак, это был народ по сибирским масштабам крупный. К счастью, мы имеем подлинные названия его в китайской передаче: бице-бике и олочже^[126]. Отсюда становится понятно, что бома — просто кличка, и сопоставление сибирских бома с ганасуйскими необосновано, тем более что они пишутся разными иероглифами^[127]. Этнонимы их совпадают с бикинами, древним племенем, упомянутым Рашид-ад-Дином, и алакчинами, о которых Абулгази пишет, что «у них все лошади пегие, а очаги золотые». Страну Алакчин он помещает на Ангаре^[128]. Таким образом, мы не можем причислять бома ни к дили, ни к динлинам.

Локализовав алакчинов, обратимся к антропологии Прибайкалья. Там в неолитическую эпоху, вероятно, очень затянувшуюся, намечаются три типа: 1) эскимоидный — на среднем течении Ангары, где нет европеоидной примеси; 2) палеосибирский — на верхнем течении Ангары и Лены и 3) европеоидный, просочившийся из Саяно-Алтая и смешавшийся с аборигенами. Область распространения этого типа в Прибайкалье ограничивается южными его районами, прилегающими к островкам степей или черноземных почв, цепочка которых тянется от Минусинского края до Канской степи примерно вдоль линии нынешней железной дороги^[129]. Сходную картину мы наблюдаем и в Красноярском крае^[130].

Итак, наличие северных бома, вернее, алакчинов и бикинов подтверждается. Этническое различие их с динлинами при расовом сходстве не должно нас ни удивлять, ни поражать. Распространены они были, вероятно, очень широко: от Алтая до Байкала, рассеянными группами, как многие другие сибирские племена.

ПЕРВОЕ ВТОРЖЕНИЕ ХУННОВ В КИТАЙ

Кончался IX век. В Китае чжоуские ваны уже теряли свою мощь, и ван Сюань стал опасаться недовольства своих подданных, склонных к мятежу.

В это время впервые показали себя миру хунны, которых китайская поэзия окрестила «небесными гордецами», а грубая проза — «злыми невольниками».

Первое поэтическое известие о хуннах, уже обновленных, сформировавшихся и потому грозных, относится к 822 г. до н. э. В одной из од «Книги песен» описывается вторжение хуннов^[131] в Китай:

В шестой месяц^[132], какое смятение!
Боевые колесницы стоят наготове,
В каждую запряжено четыре статных коня,
Они снаряжены, как это обычно делается.
Хунну яростно вторглись,
Поэтому мы должны были спешно выступить;
Чтобы освободить столицу,
Царь^[133] приказал выступить в поход.
Мы победили Хунну,
Проявив великую храбрость...
Хунну плохо рассчитали,
Заняв Цяо и Ху,
Захватив Хао и Фэнь^[134],
Дойдя до северной части реки Цзинь.
Наши знамена, украшенные изображениями птиц,
Развевались своими белыми складками.
Десять военных колесниц мчались впереди...
Мы победили Хунну.
Это пример для десяти тысяч (т. е. многих) стран^[135].

Данные слишком скудны, чтобы оценить поход хуннов по достоинству. Не совсем ясно, был ли это просто удачный грабительский набег или серьезная война, рассчитанная на захват территории. Первое вероятнее, но и в этом случае, видимо, действовали большие и организованные массы. Для отражения противника потребовалась мобилизация, и все-таки война была нелегкой.

Тем более странно, что после этого хунны опять не упоминаются около 500 лет. Очевидно, их оттеснили на север жуны^[136].

БОРЬБА ЖУНОВ И КИТАЙЦЕВ

Власть чжоуских ванов держалась «на острие копья». Это положение не могло длиться бесконечно. В 842 г. до н. э. население столицы восстало против Ли-вана и штурмовало дворец. Ли-ван бежал. Власть взяли в свои руки сановники Чжоу-гун и Чжао-гун, которые пошли навстречу требованиям восставшего народа. Эпоха их регентства (842–827) получила характерное название «Всеобщее согласие» (Гунхэ). Этой ценой была спасена династия, но мощь ее не восстановилась, несмотря на удачное отражение хуннов и победоносную войну с царством Сюй на юго-востоке Китая.

Пока феодальных и удельных владений в Китае было много, размер их был очень мал. Поэтому ван (царь) имел бесспорное преимущество перед любым из своих князей. Но когда владения укрупнились, пропорционально выросла сила отдельных князей, и ванам пришлось с ними считаться. Однако это не всегда было так: нередко личные интересы и страсти вмешивались в политические расчеты и опрокидывали их. Так, например, Ю-ван, влюбившись в красавицу Бао-сы, стал пренебрегать своей законной супругой, дочерью князя Шэня. Последний вступился за оскорбленную дочь; возник конфликт между феодалами, причем обиженный вельможа попросил помощи у соседних племен «варваров». Тут и начали контрнаступление жуны и ди. В 771 г. гуаньжуны вмешались в феодальную войну и вторглись в Китай. Ю-ван пал в битве, и гуаньжуны осели на китайских землях. Они заняли область между реками Гин и Вэй «и продолжали утеснять Серединное Государство» ^[137]. Пин-ван из дома Чжоу, не сумев отбиться от наседавшего врага, ушел на восток в Лоян, но гуаньжунов отразил князь Сян в 770 г. до н. э. С этого времени начинается фактический распад княжества Чжоу.

Несколько позднее активизировались на востоке шаньжуны. В 706 г. они прорвались сквозь княжество Янь и княжество Ци и разбили князя Ци под стенами его столицы. Только через 44 года Хуань-гун, князь удела Ци, выгнал их из пределов Китая ^[138]. Однако распри по-прежнему мешали китайцам объединять свои силы, и в 644 г. жуны разорили удел Цзинь, князь которого был главою имперского союза. В 642 г. они пришли на помощь своему бывшему врагу — мятежному князю удела Ци, и произвели опустошительный набег на удел Вэй.

Но наибольших успехов жуны достигли в 636 г. до н. э. Великий князь Сян-ван из политических соображений женился на княжне из жунов. Однако молодая княгиня стала участницей заговора против него одной из придворных клик. Они привели своих соплеменников, а ее друзья отворили им ворота столицы, и великому князю пришлось бежать. Четыре года грабили жуны беззащитный Китай, пока Вэнь-гун, князь удела Цзинь, добивался согласия имперского сейма на вручение ему полномочий на изгнание жунов и восстановление порядка. Только в 632 г. он изгнал их из столицы и казнил изменника, узурпатора — князя удела Дай. Тогда же циньский Му-гун (659–621) уничтожил 12 владений жунов на западе и вернул Китаю земли Чжоу.

Однако жуны не были разбиты, и борьба продолжалась до 569 г., когда они заключили мир с уделом Цзинь ^[139]. В V в. перевес склонился на сторону китайцев. Чжао-ван, князь удела Цзинь, завоевал царство икюйских жунов в Шэньси и восточном Ганьсу. Ву Лин, князь Чжао, покорил в Ордосе лэуфань и линьху, а Цинь Кай, полководец княжества Янь, «внезапным нападением разгромил Дун-ху» ^[140].

Каким образом окончательная победа досталась китайцам, убедительно показано ими самими. Жуны занимали огромную территорию и делились на множество больших и малых племен. «Все сии поколения рассеянно обитали по горным долинам, имели своих государей и старейшин, нередко собирались в большом числе родов, но не могли соединиться» ^[141]. До тех

пор, пока в самом Китае царил феодальный раздробленность, жуны могли иметь частные успехи, но как только владения укрупнились и князья стали царями, централизованная сила победила храбрых жунов. Каменные замки оказались более надежными убежищами, чем горные ущелья. Икюйские жуны попробовали было подражать китайцам и построили ряд крепостей. Но китайцы уже владели осадной техникой и без труда взяли их замки. Кроме того, мы не знаем, каковы были отношения между жунами и хуннами. Вряд ли они были друзьями. А если так, то положение жунов должно было быть трагично: зажатые между Китаем и Великой степью, они не имели тыла, а горные долины, где они пытались укрыться от наступавшего врага, оказались ловушками, не имевшими выхода, не убежищем, а местом гибели.

В результате пятивековой борьбы жуны были разделены на две части: основная была оттеснена на запад, к горному озеру Кукунор, а другая — на восток, в горы Хингана, где и растворилась среди восточных ху^[142], затаив вражду против китайцев. В результате в III в. до н. э. сложился племенной союз дунху, захвативший гегемонию в восточной части Великой степи. В это же время вновь ожили и вернулись к активной исторической жизни народы западной части Степи.

В 250 г. до н. э. парфяне, возглавив иранское освободительное движение, выгнали из Мидии завоевателей македонян, а родственные им сарматы завоевали Скифию, т. е. причерноморские степи^[143].

Как будто каким-то мощным толчком были приведены в движение степные народы в середине III в. до н. э.

В то время когда китайцы и жуны уничтожали друг друга в истребительных войнах, в степях Центральной Монголии и Южного Забайкалья сложилась оригинальная культура, которой предстояло большая будущность. Это так называемая «культура плиточных могил», а по сути дела — ранний этап самостоятельной хуннской культуры. Она исследована Г. И. Боровкой ^[144] и Г. П. Сосновским ^[145], но законченное описание ее принадлежит А. П. Окладникову ^[146]. Эти могилы, вытянутые цепочками с юга на север, содержат великолепные изделия из бронзы. Описание их я опускаю, так как оно имеется в работах указанных авторов, и, опираясь на характеристику культуры плиточных могил, данную А. П. Окладниковым, попробую перейти к интерпретации.

Судя по дошедшим до нас материалам, основным занятием людей, оставивших плиточные могилы, было скотоводство; к тому же они в совершенстве владели техникой литейного дела. В могилах обнаружены раковины-каури из Индийского океана, белые цилиндрические бусы из пиррофиллита, фрагменты сосудов-триподов китайских форм. Это указывает на широту культурных связей, которые простирались от Китая до Алтая, Минусинской котловины и Средней Азии. Однако еще незаметно следов классового расслоения: «расположение могил указывает на прочность общинно-родовых связей» ^[147]. Это не значит, конечно, что не было богатых или бедных семей, но и те и другие находились в рамках патриархального рода. Патриархальный род — это строй аристократический. Заслуженные воины, старейшины и вожди составляют его верхушку, и их могилы должны иметь отличие от могил рядовых их соплеменников. Таковыми являются «оленные камни», т. е. плиты, украшенные изображениями оленей, солнечного диска и оружия. На изготовление их затрачивался труд настолько большой, что он был непосилен одной семье покойника. Очевидно, это было общественным делом ^[148]. Антропологический тип на протяжении всего I тысячелетия до н. э. не менялся; именно в эту эпоху складывался и сложился характерный палеосибирский тип, справедливо приписываемый хуннам ^[149].

В чем же различие культуры плиточных могил ^[150] и последующей, непосредственно примыкающей к ней хуннской культуры? Во-первых, хунны широко использовали железо, которое в плиточных могилах встречается редко. Этот факт получает крайне простое объяснение. Первоначально степняки получали железо с юга от тибетцев-кянов ^[151]. Сомкнулись они с ними около 205 г. до н. э. ^[152], и только тогда железо потекло в Степь широким потоком. Во-вторых, у хуннов мы обнаруживаем царские могилы. И это понятно, так как лишь в 209 г. до н. э. произошла консолидация родов и была установлена твердая центральная власть, а до этого хунны были просто конфедерацией родов. Значит, появление царских могил — не что иное, как этап истории одного народа. Все прочие черты совпадают, и, следовательно, вышеприведенная характеристика относится к раннехуннскому обществу, точнее, к становлению его в IX–IV вв. до н. э. В IV в. хунны усилились настолько, что перешли обратно на южную сторону Гоби ^[153], и китайцы, только что одержав победу над бэйди, были вынуждены защищаться от нового врага, учитывая его особую стратегию и непривычную тактику. Памятники этого столкновения — Великая китайская стена и плиточные могилы во Внутренней Монголии ^[154].

Вопросу о языке, на котором говорили хунны, посвящена большая литература, ныне в значительной степени потерявшая значение^[155]. Сиратори доказывал, что известные нам хуннские слова — тюркские и единственная хуннская фраза, дошедшая до нас, — тюркская^[156]. Исследования финских ученых поставили вопрос о хуннском языке в несколько иную плоскость: Кастрен^[157] и Рамстедт^[158] высказали мнение, что хуннский язык был общим для предков тюрков и монголов. Пельо отметил, что он включает в себя элементы еще более древнего слоя^[159]. Лигети оставляет вопрос о хуннском языке открытым, ссылаясь на то, что хуннское слово, обозначающее «сапоги», известное нам в китайской транскрипции, звучит «сагдак» и не имеет аналогий ни в тюркских, ни в монгольском языках. Приведенное им сопоставление с кетским словом «сегди» не удовлетворяет самого автора^[160].

Однако это слово имеет прямое отношение к старорусскому слову «сагайдак», т. е. колчан со стрелами и луком. Оно тюрко-монгольского происхождения и было в употреблении в XVI–XVII вв. Связь его с хуннским словом «сагдак» совершенно очевидна, так как хунны затыкали за голенища стрелы, которые не помещались в колчане^[161], как впоследствии делали русские, затыкая туда ножи. Итак, слово «сагдак» восходит, возможно, к той же тюрко-монгольской языковой стихии, которая в I тысячелетии до н. э. была еще, очевидно, слабо дифференцирована; но возможно также, что общность известных нам хуннских и монгольских слов объясняется культурным обменом между народами, которых тесно связывала историческая судьба. Несмотря на приведенные соображения, можно думать, что сомнение в тюркоязычии хуннов несостоятельно, так как имеется прямое указание источника на близость языков хуннского и телеского^[162], т. е. уйгурского, о принадлежности которого не может быть двух мнений. Сам Лигети указывает, что сомнения в тюркоязычии хуннов основаны на анализе специальных «культурных слов», которые очень часто оказываются заимствованными, в чем нет ничего удивительного, так как общение хуннов с соседями было продолжительным и интенсивным.

Победа, которую предки китайцев одержали над окружавшими их со всех сторон враждебными племенами (жунди, кянов, маней, юэ и пр.), далась им очень нелегко и стоила недешево. Но даже после того, как внутри китайских земель были уничтожены жунские княжества и подчинены племена, граничившие непосредственно с царствами, образовавшимися в результате укрупнения феодальных княжеств, китайцы чувствовали себя на своей земле, как на острове, окруженном враждебной стихией.

Об этом весьма красочно повествует стихотворение Цюй Юаня «Призывание души» [\[163\]](#). Изложенная там географическая концепция заслуживает внимания.

Восточной стороне не доверяйся,
Там великаны хищные живут
И душами питаются людскими;
Там десять солнц всплывают в небесах
И расплавляют руды и каменья,
Но люди там привычны ко всему...

Любопытно, что о море нет ни слова. В эпоху Цюй Юаня восточные юэ — «хищные великаны» — еще держались в Цзяннани и доставляли китайцам больше неприятностей, чем не освоенное для плавания море. О юге сказано следующее:

И в южной стороне не оставайся!
Узорами там покрывают лбы,
Там человечину приносят в жертву
И стряпают похлебку из костей.
Там ядовитых змей несметно много,
Там мчатся стаи великанов-лис;
Удавы в той стране девятиглавы.
Вся эта нечисть там кишмя кишит,
Чтоб пожирать людей себе на радость.

Эта мрачная картина кое в чем находит подтверждение. Ло Гуан-чжун также сообщает, что у южных маней-лесовиков практиковались человеческие жертвоприношения [\[164\]](#). Фантастическая зоология остается на совести Цюй Юаня. Но это все пустяки по сравнению с западом:

Про вредоносность запада послушай:
Повсюду там зыбучие пески,
Вращаясь, в бездну льются громовую.
Сгоришь, растаешь, сгинешь навсегда!
А если чудом избежишь несчастья,
Там все равно пустыня ждет тебя,
Где каждый муравей слону подобен,
А осы толще бочек и черны.

Там ни один из злаков не родится
И жители, как скот, жуют бурьян,
И та земля людей, как пекло, жарит...
Воды захочешь — где ее найти?
И помощь ниоткуда не приходит.
Пустыне необъятной нет конца...

Тут описана не пустыня Такла-Макан, как можно было бы подумать: в III в. до н. э. китайцы так далеко не проникали. Это всего-навсего сухая степь в предгорьях Наньшаня и по реке Эдзин-Голу. Описание степного вихря вполне реалистично. О севере сказано:

На севере не вздумай оставаться:
Там громоздятся льды превыше гор,
Метели там на сотни ли несутся...

Еще мрачнее описание зенита и надира. Поэтому желание отгородиться от такого «страшного мира» вполне естественно. Но пограничные племена не давали китайцам забыть о себе. Летописи наполнены рассказами о нападениях жунов. С VIII по III в. до н. э. между ними шла упорная борьба с переменным успехом^[165]. И только в 214 г. до н. э. войска объединенного Китая окончательно подавили сопротивление жунов.

Победа над жунами принесла северокитайским княжествам больше вреда, чем пользы, поставив их в непосредственную близость со степными хуннами; последние оказались гораздо более свирепыми и опасными врагами. Уже в 307 г. Ву Лин, великий князь из дома Чжао, разгромив племена линьху и лэуфань, принужден был построить пограничную крепость Яймынь и оборонительную стену у подошвы хребта Иньшань, исконной территории хуннов. Его примеру последовал полководец Цинь Кай в княжестве Янь, который воздвиг оборонительную линию, прикрывающую Ляоси и Ляодун от набегов дунху^[166]. Однако эти частные мероприятия не останавливали хуннских набегов; к тому же выяснилось, что лучше терпеть небольшие потери от грабежа со стороны соседей, чем строить столь громоздкие сооружения, не приносящие ожидаемого эффекта. Поэтому князья предпочли организовать легкую конницу для отражения хуннских набегов, и впоследствии этот план борьбы расценивался как лучший из всех применявшихся^[167].

В III в. до н. э. хуннские нападения на Китай усилились. Сыма Цянь сообщает, что Ли Му, полководец княжества Чжао (в Шаньси), отражал постоянные набеги хуннов^[168]. Он занимал оборонительную позицию: «Как только хунны вторгнутся в наши владения и начнут грабить, немедленно уходите в лагерь и обороняйтесь, — предупреждал он своих воинов. — Всех, кто посмеет брать пленных, буду казнить!»

При такой тактике он не нес потерь, но вызывал естественное недовольство своего вана, который предложил ему либо изменить тактику, либо уйти в отставку. Ли Му выбрал второе, но его преемник, принявший бой с противником, понес такие потери, что лишился возможности оборонять границу. Снова был назначен Ли Му с огромными полномочиями. Тактика хуннов заключалась в молниеносных набегах маленькими отрядами. Такие отряды рыскали по всем пограничным районам, но встречали отпор со стороны расположенных там китайских гарнизонов. Чтобы обезопасить себя от них, хунны стали увеличивать численность отрядов, а этого только и хотел Ли Му. Он добился того, что шаньюй «во главе неисчислимых полчищ»

напал на его обученное войско. Силы Ли Му определились в 1300 колесниц, 13000 всадников, 50000 «воинов ста золотых»^[169], 100000 лучников, особо обученных им самим. Эти цифры не надо понимать буквально. Две первые близки к действительности, а две последние — синонимы множества, но ясно, что главной силой Ли Му были лучники. Он построил войско «наподобие крыльев», т. е. охватил фланги противника. Очевидно, «неисчислимы полчища» хуннов численно уступали китайской армии. Полуокружением Ли Му заставил врага отказаться от маневрирования и принять бой, в котором хунны понесли большие потери и были разбиты. Было уничтожено племя даньянь, разгромлено дунху и сдалось племя линьху. Из указанного видно, что хунны уже стояли во главе племенного объединения, но это поражение лишило их гегемонии в Степи, и позднее она перешла к их восточным соседям — дунху.

Но княжество Чжао недолго наслаждалось лаврами своих побед. В 226 г. до н. э. оно было покорено царством Цинь, через пять лет объединившим весь Китай.

ПОСТРОЕНИЕ ВЕЛИКОЙ СТЕНЫ

В древности княжество Цинь было пограничным уделом, боровшимся с жунами. После подчинения 12 жунских племен княжество включило их в свой удел и в значительной мере усвоило их обычаи. Присоединив же к себе княжество Бо (в Шэньси), основанное беглецами из царства Шан-Инь, Цинь восприняло не чжоускую, а шанскую линию китайской культуры. Оба эти обстоятельства настолько отличали Цинь от остальных княжеств, что те считали Цинь жунским владением и не всегда соглашались на его участие в общекитайских съездах и союзах^[170]. Однако победы на юге и западе, отдавшие в руки циньских князей огромную территорию с воинственным населением, сделали Цинь наиболее сильным княжеством Китая.

На севере Цинь установило связи с кочевыми юэжжами. От циньских князей юэчжи получали великолепные ткани и зеркала, сохранившиеся до нашего времени в горноалтайских курганах^[171], а циньцы заимствовали у юэчжей конный строй, упразднив громоздкие неповоротливые колесницы^[172]. Небезынтересно также отметить, что, по-видимому, через юэчжей в Иране и Индии узнали о существовании китайского государства на востоке, которое с тех пор до наших дней именуется у индийцев и иранцев «Чин» или «Мачин» (Великое Цинь)^[173].

Военная реформа весьма усилила боевую мощь династии Цинь и облегчила ей победы над царствами Восточного Китая. Создателем мощи царства Цинь был сановник Шан Ян, который провел ряд реформ, упразднивших общинное землевладение, обессиливших старинные аристократические роды и превративших Цинь в централизованное государство, осуществившее объединение Китая. Восточные китайцы сопротивлялись отчаянно. Около 200 лет длилась война. Эта эпоха и получила в китайской историографии название «Брань царств». Циньская дипломатия искусно ссорила восточных ванов между собой, а циньская армия наносила им жестокие поражения. Наконец князь Ин Чжэн завершил покорение восточных царств и принял титул общекитайской династии Цинь — Цинь Ши-хуанди. Не ограничившись этим, он совершил поход на юг и заставил южных юэ признать верховную власть империи. Затем был завоеван Ордос, а хунны отогнаны от Иньшаня. Располагая огромными средствами, Ши-хуанди решил обезопасить свою северную границу и предпринял сооружение Великой стены, отделившей Китай от евразийских степей. Уже существовавшие разрозненные стены было решено соединить в единую мощную цепь укреплений. Работы велись днем и ночью; когда выяснилось, что людей не хватает, на строительство отправили военнопленных и осужденных преступников. Условия работы были исключительно тяжелы, и много трупов похоронили в земляной насыпи стены. Но вот строительство закончилось. Стена протянулась на 4 тыс. км. Высота ее достигала 10 м, и через каждые 60-100 м высились сторожевые башни. Но когда работы были закончены, оказалось, что всех вооруженных сил Китая не хватит, чтобы организовать эффективную оборону на стене. В самом деле, если на каждую башню поставить небольшой отряд, то неприятель уничтожит его раньше, чем соседи успеют собраться и оказать помощь. Если же расставить пореже большие отряды, то образуются промежутки, через которые враг легко и незаметно проникнет в глубь страны. Крепость без защитников — не крепость. Многие китайские вельможи отрицательно отнеслись к постройке стены. В 11 г. н. э. Ян Ю в своем докладе писал: «Цинь Ши-хуанди, не перенося и малейшего стыда, не дорожа силами народа, сбил Долгую стену на протяжении 10000 ли. Доставка съестных припасов производилась даже морем. Но только кончилось укрепление границы, как Серединное государство совершенно истощилось, и Дом Цинь потерял престол»^[174]. Действительно, стена не остановила хуннских набегов, и династия Хань вернулась к системе маневренной войны.

Однако постройку Великой стены нельзя считать бессмыслицей. Если бы у Китая хватило средств на содержание постоянных гарнизонов на стене, то коннице хуннов было бы затруднительно ее форсировать. Но не только цели обороны преследовало циньское правительство, возводя стену. В докладе чиновника Хоу Ина указывается, что пограничные племена, угнетаемые китайскими чиновниками, невольники, преступники и семьи политических эмигрантов только и мечтают бежать за границу, говоря, что «у хуннов весело жить»^[175]. Через стену же, даже неохраняемую, нельзя было перетащить лошадей, без которых передвижение в азиатских просторах было невозможно. Это же обстоятельство препятствовало набегам небольших отрядов кочевников, стесняя их в выборе путей для нападения на оседлые области Китая. Для охраны стены использовали иногда преступников, заменяя им наказание военной службой на границе, но это были ненадежные войска, склонные к дезертирству. Иногда вокруг стены селили крестьян, которым вменялась в обязанность охрана границы, но из этого также ничего не получалось, так как крестьяне не имели военной выучки. В конце концов охрану предоставили пограничным кочевым племенам — потомкам жунов и остаткам племени ху. Несмотря на то, что эти пограничники сами были не прочь пограбить или изменить и перейти на сторону хуннов, они все-таки были более надежной пограничной стражей.

ВОЙНА ХУННОВ С ГОСУДАРСТВОМ ЦИНЬ

После разобранного выше краткого сообщения о хуннах китайская история не упоминает о них до конца III в. до н. э. Можно лишь догадываться, что в этот период хунны потеряли большую часть своих позиций на западе, где юэчжи в победоносном наступлении дошли до Алашаня, и на востоке, где гегемонию захватили древние монголы — дунху. Зависимость хуннов от дунху выражалась, по-видимому, лишь в уплате дани, так как у хуннов были собственные вожди, которые вели самостоятельную внешнюю политику. Дунху, собственно говоря, не было государством, а скорее союзом племен, где управление осуществлялось выдвинувшимися из массы старейшинами или вождями, не отличавшимися от своих соплеменников ни богатством, ни положением. Хунны же в это время уже имели шаньюя, который был, как можно думать, не абсолютным монархом, но постоянным, даже пожизненным, вождем. Поэтому вхождение хуннов в сферу влияния дунху можно объяснить лишь тем, что они перед этим терпели серьезные неудачи, может быть, в борьбе с юэчжами или саянскими динлинами и поэтому были не в состоянии оказать должное сопротивление своим восточным соседям. Не исключена возможность, что на положение хуннов повлияли и внутренние социальные изменения, о которых будет сказано ниже.

Усиление Китая также весьма неблагоприятно отозвалось на хуннах. В 214 г. Цинь Ши-хуанди отправил на север полководца Мэнь Тяня со 100-тысячным войском ^[176]. Мэнь Тянь завоевал Ордос, построил по берегам Желтой реки 44 городка и оставил там гарнизоны из сосланных преступников. Пограничные горы были использованы как крепости: пологие скалы, превращенные в отвесные, ограничивали возможность перехода кочевников через них. И наконец войска Мэнь Тяня перешли Желтую реку и заняли предгорья Иньшаня. Хунны потеряли лучшие земли в горах, «привольные лесом и травой, изобилующие птицей и зверем», где они могли заготавливать луки и стрелы и откуда было легко совершать набеги ^[177], и ордосские степи, населенные тангутскими племенами лэуфань и баянь, которые были под их властью. Незадачливый хуннский шаньюй Тумань вместе со своим народом откочевал в Халху, спасаясь от копий китайской пехоты в просторах пустыни Шамо. Но даже там для обеспечения покоя ему пришлось отдать в заложники своим соседям юэчжам старшего сына Модэ. Казалось, что с хуннами покончено и что их соседи разделят между собой хуннские степи. Но история судила иначе! Кто теперь знает о юэчжах или дунху, тогда как имя хунну широко известно.

ПАДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА ЦИНЬ

Цинь Ши-хуанди умер в 210 г. до н. э. У него было два сына. Старший, Фу Су, находился в Ордосе в ставке полководца Мэнь Тяня, главы военной партии. Канцлер Ли Сы, возглавлявший легистов, и евнух Чжао Гао, влиятельный представитель придворной клики, опасались Фу Су и были склонны выдвинуть младшего сына императора — Ху Хая. Ху Хай был неумен, безволен и всецело находился под влиянием Чжао Гао. Чтобы избавиться от законного наследника, Чжао Гао послал царевичу Фу Су фальшивый приказ якобы за подписью императора-отца, предписывающий ему покончить жизнь самоубийством. Несмотря на уговоры Мэнь Тяня, царевич остался верен долгу сына и китайским обычаям и перерезал себе горло. На престол вступил Ху Хай, приняв титул Эр Ши, что значит второй в роду император ^[178]. Всю власть при молодом монархе захватил Чжао Гао, который воспользовался ею для того, чтобы избавиться от соперников. Мэнь Тянь и Ли Сы были казнены ^[179]. Для широких слоев китайского общества Чжао Гао был наиболее одиозной фигурой в циньском правительстве. Он не стремился ни в одной из идеологических систем оправдать свой режим ^[180]; уверенный в силе своих латников и арбалетчиков, он открыто угнетал народ. Но его деспотизм вызвал резкое противодействие. Первое восстание подняли Чэн Шэн и У Гуан. Хотя оно было подавлено регулярными войсками, но оказалось искрой в пороховом погребе. По всем провинциям вспыхнули мятежи. Самым грозным из них было восстание в области Чу (Хубэй), во главе которого стал Сян Юй. Он происходил из простой семьи, но, по словам биографа, с детства был обуреваем честолюбием и мечтал о троне. В смутных временах Сян Юй нашел свою стихию. В качестве программы он выдвинул восстановление старых добрых времен независимости княжества Чу и, отыскав потомка старинных князей, пасшего овец, провозгласил его Хуай-ваном. Помощником его стал Лю Бан: впоследствии основатель династии Хань.

Циньскому правительству пришлось защищаться. Новый главнокомандующий Ван Цзян обрушился на княжество Чжао (Шаньси). Чуские войска пришли на помощь Чжао, и Сян Юй вступил в упорные бои с Ван Цзяном. В это время Лю Бан двинулся на циньскую столицу Сяньян и, пользуясь тем, что большая часть войска ушла в поход, взял город. Во время борьбы была уничтожена ненавистная народу придворная клика, а с нею погибла и династия Цинь (206 г.). Лю Бан хотел удержать Сяньян, но Сян Юй подошел к городу и приказал очистить его. Лю Бан был вынужден подчиниться и согласиться на скромный удел в Сычуани и на титул Хань-вана. Сян Юй стал подлинным хозяином Китая и принял титул Ба-вана.

Сян Юй был незаурядным полководцем и храбрым человеком, но он был политически близорук и поэтому не провел никаких реформ, которых так жаждал народ. Этим воспользовался Лю Бан. В своем сычуаньском захолустье он объединил всех недовольных, поддержавших его на пути к трону. Чжан Лян составил для него политическую программу. Сяо Хэ, великолепный администратор, упорядочил управление, а полководец Хань Синь обеспечил военный успех. Честолюбивые замыслы Лю Бана не укрылись от Сян Юя, и он решил напасть на Сычуань. Тогда в целях обороны Лю Бан разрушил все мосты на горных дорогах и превратил свою область в крепость без входов и выходов. Этим ему удалось обмануть бдительность Сян Юя. А в то же время по единственной горной тропе вышло ханьское войско под командованием Хань Синя. Хань Синь совершил головокружительный рейд: взяв Чан Сын, он прошел в уделы Цзинь (Шаньси) и Ци (Шаньдун), провозгласив там новую династию Хань и ее политическую программу. В эту программу входили уменьшение налогов, отмена жестоких законов, упрощение судопроизводства и свобода для ученых и философов всех школ и направлений. Войско Хань Синя росло, как снежный ком, так как к нему присоединялись представители всех слоев

населения, а силы Сян Юя таяли. Следом за Хань Синем вышел Лю Бан и вступил в бой с отрядами Сян Юя у реки Хайшуй. Сян Юй заставил отступить ханьское войско и загнал его в реку. Лю Бан бежал. Однако, собрав новые силы, он снова окружил Сян Юя. Последний, видя безнадежность дальнейшей борьбы, покончил с собой. В Китае утвердилась династия Хань.

О ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ МЕТОДИКЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ

Лю Бан достиг победы и власти в 202 г. до н. э., но традиционная китайская историография считает датой оснований династии Хань 206 г., потому что последний император династии Цинь сдался Лю Бану в конце 207 г. Это нельзя считать хронологической неточностью, так же как нельзя называть ложью огромные преувеличения численности войск или то, что прибытие посла из далекой страны именовалось «принятием в подданство». Тут мы имеем систему выражений, которую нельзя понимать буквально. Поэтому, прежде чем перейти к дальнейшему изложению событий, уместно обратить внимание на некоторые особенности китайских исторических материалов — нашего главного источника.

В задачу автора не входит описание развития самой китайской исторической науки. Для нас важны лишь определение степени достоверности сведений, содержащихся в династийных хрониках, и те их особенности, которые существенны для истории хуннов.

Историография занимала почетное место в Китае. Историческая память считалась совестью нации, и в руках составителя хроники была репутация самого властного императора. Нередко императоры ублажали своих летописцев, боясь, чтобы они не скомпрометировали их в глазах потомков.

Согласно традиции, династическая хроника публиковалась только после прекращения династии. Но поскольку историография была важным государственным делом, к составлению хроник допускались лишь люди, в политических симпатиях которых не было сомнений. Из всего этого видно, что китайская историография выполняла правительственный заказ и не могла не быть в какой-то мере тенденциозной. Первой задачей исследователя в таком случае является определение характера искажения действительности. Возвеличение роли Китая, его значения и военных успехов должно было входить в задачу историка, поэтому к сообщениям такого рода нужно относиться с сугубой осторожностью. Наоборот, сведения о поражениях и неудачах китайцев, по всей видимости, преуменьшались, и им можно верить условно. Количество войск, как своих, так и чужих, почти всегда преувеличивалось, причем обязательно давались круглые числа: 100000, 300000, 400000, 1000000; это не реальные количества, а просто манера выражаться, вроде древнерусской «тьмы».

Постоянно встречающиеся преувеличения цифр в китайских исторических произведениях — явление неслучайное. Оно имеет свое основание и свою закономерность, а следовательно, и свое объяснение. Прежде всего необходимо отметить, что цифры до 10000 чел. даются, как правило, без преувеличения. Для древних китайцев 10000 было не просто число, а понятие множества неисчислимого — то же, что для наших предков «тьма тьмущая», а для современных математиков «бесконечность». Поэтому числа сверх 10000 даются приближенно, как лежащие за пределами возможного измерения или исчисления. Но оперировать с такими числами приходилось часто, и их стали давать, но не в сравнении с измеримым отрезком до 10000, а в соотношении между собой и с округлением. Если, допустим, армия А имеет численность 13000, то, значит, можно определить ее как $10000 + X = 2? 10000 = 20000$. Армия В в четыре раза сильнее армии А, значит, армия В равна 80000. Для более позднего времени — эпохи Тан — удалось произвести несколько раз проверку этой системы счета и установить средний приблизительный коэффициент преувеличения. Он равен 9. Так как традиция исторической науки за это время не прерывалась, то надо думать, что для древности действителен тот же коэффициент. Но это еще не все.

Китайцы — народ, весьма способный к абстрактному мышлению. При исчислении армии

их интересует именно ее сила, а она не всегда совпадает с численностью, ибо боеспособность у разных войсковых соединений различна. Например, если в армии А есть 30 богатырей-всадников, из которых каждый расценивается в 100 рядовых пехотинцев, то расчет идет так: 30 человек = 3000 единиц боевого действия, где за единицу принимается боеспособность одного солдата самого слабого вида войск. Если при этом в армии А есть 8000 рядовых, то численность ее будет рассчитана так: $8000 + 30 \times 100 = 10000 + X = 20000$ вместо фактических 8030 человек или 11000 единиц боевого действия.

К этому надо прибавить, с одной стороны, гордость, заставлявшую историка преувеличивать боеспособность своих воинов, а с другой — страх перед хуннами, заставлявший преувеличивать их число и доблесть. Отсюда и вырастают огромные по численности армии, как свои, так и чужие. Разумеется, абсолютные числа далеки от истинных, но относительные не очень далеки, и пропорциональность сохранена. Поэтому, хотя мы не в состоянии внести поправку в источник, мы можем следить за ходом событий с точностью в пределах вероятности.

Цифры полученной добычи обычно взяты из рапортов китайских полководцев и вряд ли могли быть преувеличены, так как контроль и учет трофеев проводили гражданские чиновники, которые принимали их. Полководец скорее мог, утаив часть добычи, уменьшить ее количество, чем преувеличить, так как он должен был бы восполнить недостачу из своего кармана. Хвастовство и обман в рапортах карались лишением чинов и даже смертью.

Сведения о внутреннем состоянии кочевых народов китайские историки получали из сводок китайской разведки. Здесь точность несомненна, но, к сожалению, эти сведения чрезвычайно немногословны, так как разведчики интересовались лишь тем, что имело практическое значение, главным образом боеспособностью, а религия, культура, нравы и т. п. описываются между прочим.

Большой интерес представляют подлинные документы, доклады в Государственном совете, письма, отчеты, приводимые часто полностью, а иногда с сокращением. Но, как правило, историк приводит лишь тот доклад, с которым он сам согласен, а мнение оппонентов дает в сокращении. Однако это не мешает исследователю самому оценить события.

При составлении истории хуннов необходимо иметь в виду, что китайцы, весьма подробно описывая свои отношения с ними, чрезвычайно бегло повествуют о войнах, которые хунны вели на западе и севере, так как китайских историков эти события интересовали крайне мало.

Попытки анализа событий, вообще довольно робкие, сводятся к указанию на волю и характер исторических персон, а роль народных масс упускается из виду. При этом историк произвольно объясняет поведение кочевых вождей такими же мотивами, как если бы это были китайские вельможи.

Упомянутые ошибки весьма распространены; ими же страдала и европейская эрудитская школа. Разумеется, нельзя требовать от древних китайцев владения материалистическим методом, но, используя их сочинения, следует всегда искать причины исторических событий, разбирая их ход и логику. Так как почти на всем протяжении нашего исследования мы не имеем параллельных текстов для применения сравнительного метода, единственным приемом исторической критики будет анализ связей между событиями. Это способ трудный, но единственный, так как греко-римские сведения по интересующей нас теме скудны, отрывочны и заслуживают доверия меньше, чем китайские; степные же народы никаких документов о своем прошлом не оставили. Ни в коей степени нельзя доверять и фольклору, ибо у нас нет ни малейших данных утверждать или даже предполагать, что известные нам варианты тюркских былин имеют столь большую давность, да и сами события в устной передаче искажаются до неузнаваемости.

Итак, мы видим, что китайские источники, имея ряд несомненных достоинств, как то:

точность в хронологии, осведомленность и отсутствие фантастических вымыслов, вместе с тем требуют критического отношения к себе, и при этом условии дефекты источников не введут нас в заблуждение.

V. Свистящие стрелы

ШАНЬЮЙ МОДЭ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДЕРЖАВЫ ХУННУ

Шаньюй Тумань имел двух сыновей от разных жен. Для того чтобы обеспечить престол любимому младшему сыну, он решил пожертвовать старшим — Модэ и отдал его в заложники юэчжам. Напав на последних, Тумань надеялся, что они убьют его сына. Но Модэ оказался человеком решительным. Ему удалось похитить у юэчжей коня и вернуться к отцу, о предательстве которого он, конечно, знал. Тумань, искренне восхищенный удалью Модэ, не только не убил его, но дал ему в управление тюмень, т. е. 10000 семейств. Модэ немедленно начал обучать военному делу свою конницу и научил ее пользоваться стрелой, издававшей при полете свист^[181]. Он приказал всем пускать стрелы лишь вслед за его свистящей стрелой; невыполнение этого приказа каралось смертной казнью. Чтобы проверить дисциплинированность своих воинов, Модэ пустил свистящую стрелу в своего аргамака и не выстрелившим в великолепного коня приказал отрубить головы. Через некоторое время Модэ выстрелил в свою красавицу-жену. Некоторые из приближенных в ужасе опустили луки, не находя в себе сил стрелять в беззащитную молодую женщину. Им немедленно были отрублены головы. После этого Модэ на охоте направил стрелу в аргамака своего отца, и не было ни одного уклонившегося. Увидев, что воины подготовлены достаточно, Модэ, следуя за отцом на охоту, пустил стрелу в него, и шаньюй Тумань в ту же минуту превратился в ежа — так утыкали его стрелы. Воспользовавшись замешательством, Модэ покончил с мачехой, братом и старейшинами, не захотевшими повиноваться отцеубийце и узурпатору, и объявил себя шаньюем (209 г. до н. э.). Дунху, узнав о междоусобице, решили воспользоваться ею и потребовали замечательного коня — сокровище хуннов и любимую жену Модэ. Старейшины в негодовании хотели отказать, но Модэ сказал: «К чему, живя в соседстве с людьми, жалеть для них одну лошадь или одну женщину?» — и отдал то и другое. Тогда дунху потребовали полосу пустыни (на юго-запад от Калгана), неудобную для скотоводства и необитаемую. Земля была, собственно говоря, ничья; пограничные караулы стояли по окраинам ее: на западе хунны, на востоке дунху. Старейшины хуннов сочли, что из-за столь неудобной земли незачем затевать спор: «Можно отдавать и не отдавать». Но Модэ заявил: «Земля есть основание государства, как можно отдавать ее?!» — и всем, советовавшим отдать, отрубил головы. После этого он пошел походом на дунху. Они не ожидали нападения и были наголову разбиты. Вся их территория, скот и имущество достались победителю. Остатки дунху поселились у гор Ухуань и в дальнейшем стали известны под названием ухуань. Вся степная часть Маньчжурии оказалась в руках Модэ. По возвращении из похода против дунху он не распустил войска, а напал на юэчжей и прогнал их на запад. С этого времени началась длительная война между хуннами и юэчжами, подробности которой нам неизвестны. Около 205–204 гг. Модэ покорил ордосские племена лэуфань и баянь и совершил первые набеги на Китай, где только что пала династия Цинь и свирепствовала гражданская война. Численность войска Модэ определялась в 300 000 человек. Таковы подробности основания хуннской державы, сообщаемые Сыма Цянем^[182]. Многое здесь, возможно, прибавлено и приукрашено и самим историком и его осведомителями, но главное, видимо, верно: Модэ объединил 24 хуннских рода и создал державу, настолько сильную, что китайцы сравнивали ее со Срединной империей.

ПЕРВАЯ ВОЙНА ХУННУ И ХАНЬ

В 203–202 гг. Модэ вел войну на северной границе, где подчинил владения: хуньюй — племени, родственного хуннам, кюеше — кипчаков (динлинского племени, обитавшего на север от Алтая), их восточных соседей — динлинов, живших на северных склонах Саян, от верхнего Енисея до Ангары, гэгунь — киргизов, занимавших территорию Западной Монголии, около озера Кыргызнор^[183], и неизвестного народа цайли. Обеспечив свой тыл, Модэ обратил внимание на Китай. В 202 г. гражданская война в Китае закончилась победой Лю Бана, основателя династии Хань, известного в китайской истории как Гаоцзу. Но страна еще не оправилась от разрухи, и в это время с севера хлынули хунны. Они осадили крепость Май, и комендант ее, князь Хань Синь, вынужден был сдаться. По китайской традиции, сдача равнялась измене и означала переход в подданство победителя. Никакие обстоятельства не извиняли сдавшегося, так как предполагалось, что он мог покончить жизнь самоубийством, а раз этого не сделал, то изменил долгу. Поэтому для князя Хань Синя все пути отступления были отрезаны, и он стал верно служить новому хозяину^[184]. Хунны успешно двинулись на юг и, перейдя хребет Гэучжу, зимою 200 г. подошли к столице северной Шаньси — городу Цзиньян. Гаоцзу лично повел войска против них, но в результате сильных холодов около трети ратников обморозили руки.

Модэ применил обычный прием кочевников: притворным отступлением он завлек лучшие китайские части в засаду и окружил авангард китайской армии вместе с императором в деревне Байдын, недалеко от города Пинчэн. Любопытно, что Модэ имел уже четыре войсковых подразделения, определявшихся мастью лошадей: вороные, белые, серые и рыжие. Семь дней китайское войско оставалось в окружении без пищи и сна, выдерживая беспрестанные нападения хуннов. Наконец китайский лазутчик добрался до жены Модэ и сумел подкупить ее. Она стала советовать мужу помириться с Гаоцзу, «человеком гениальным»^[185]; она говорила, что, приобретя для себя китайские земли, хунны все равно не смогут на них жить. Это соображение, а в еще большей степени подозрение в неверности князя Хань Синя, не приславшего своевременно обещанного подкрепления, заставили Модэ отказаться от дальнейшей борьбы, и он приказал открыть проход войскам Гаоцзу. Китайское войско прошло через открытый проход с натянутыми и обращенными в сторону хуннов луками и соединилось со своими главными силами, а Модэ повернул назад. Этот поход хуннов — один из крупнейших, но, если взглянуть на карту, он поражает тем, насколько неглубоко могли проникнуть хунны в Китай. Вся кампания развернулась в Шаньси: города Май и Пинчэн лежали в 90 и 40 км от границы, а Цзиньян (современный Тайюань) в 250 км. Под Пинчэном у деревни Байдын^[186] сосредоточились все военные действия, причем Сыма Цянь определял численность китайской армии в 320 тыс. воинов (и это реально, так как в это число включалась войсковая обслуга, нередко составлявшая в восточных армиях от половины до четырех пятых личного состава), число же хуннов — в 400 тыс. всадников, что явно преувеличено. Эти 400 тыс. человек должны были располагаться в горной котловине 30x40 км, т. е., если даже считать, что у хуннов не было заводных лошадей, на каждого всадника приходилось 30 м² а считая, что в середине стоял и отбивался китайский отряд, — еще меньше. Абсурдность очевидна. Вероятно, Сыма Цянь преувеличил хуннские силы в 10–20 раз. Но если принять этот коэффициент и предположительно определить силы Модэ в 20–40 тыс. всадников, становится понятно, почему он искал мира: ведь огромная китайская армия, растянувшаяся почти на 600 км, даже при полной потере авангарда была сильнее его. Гаоцзу и Модэ заключили договор «мира и родства» (дипломатическая формула капитуляции).

Договор «мира и родства» состоял в том, что китайский двор, выдавая свою царевну за иностранного владетеля, обязывался ежегодно посылать ему условленное в договоре количество даров. Это была замаскированная дань. Хотя Модэ принял царевну и дары, но продолжал поддерживать Хань Синя и других перебежчиков-мятежников. Фактически война продолжалась. Хань Синь и его сторонники опустошали северные области Китая. В 197 г. на сторону Хань Синя перешел Чэнь Си — начальник войск уделов Чжао и Дай. Он заключил с хуннами союзный договор. Но вскоре императрица Люй Хоу сумела заманить Хань Синя в столицу, где ему отрубили голову^[187].

Китайское войско под предводительством Фань Куая после двухлетней войны подавило мятеж, но не решилось выступить за границу, так как возник новый мятеж в княжестве Янь (область Хэбэй). Вождь повстанцев Лу Гуан перешел к хуннам, и набеги распространились уже на восточные области Китая. В китайских войнах измены военачальников стали частым явлением. Измученный неудачами Гаоцзу умер в 195 г. За малолетством наследника регентшей стала императрица-мать Люй Хоу, при которой междоусобица усилилась^[188]. В 192 г. Модэ сделал императрице предложение вступить с ним в брак. По его понятиям это означало, что китайская империя должна пойти в приданое за супругой, и он надеялся таким образом приобрести весь Китай. Императрица так разгневалась, что сначала хотела казнить послов и возобновить войну, но ее уговорили не обижаться на «дикаря», и Модэ был послан вежливый ответ, где отказ мотивировался престарелостью невесты. Вопреки опасениям китайских министров хуннский владыка удовлетворился ответом и не обрушил на истощенный и обессиленный смутами Китай свои грозные войска. Ужас, наведенный хуннами в минувшую войну, еще не прошел. В песнях пели: «Под городом Пьхин-чен подлинно было горько; семь дней не имели пищи, не могли натягивать лука»^[189]. С тех пор прошло восемь спокойных лет, и силы юной империи было недостаточно для отражения внешнего врага, и все-таки Модэ, зная это, не начал войну. Но причиной было отнюдь не его миролюбие. На западной границе не прекращалась упорная война с юэчжами (ее подробности в имеющихся источниках не отражены). Насколько легко дались Модэ победы над дунху и саяно-алтайскими племенами, настолько тяжелой оказалась борьба с западными кочевниками. Здесь решались судьбы Азии; поединок между юэчжами и хуннами на 2 тыс. лет определил преобладание монгольского элемента в великой евразийской степи, что имело огромное значение для этно- и расогенеза.

Модэ, не желая распылять силы, оставил Китай в покое. Этим он дал возможность ханьской династии воспрянуть и укрепиться. Правительство императрицы-регентши расправилось с фрондирующими пограничными воеводами, большая часть которых погибла в борьбе, а наиболее упорные бежали в северо-западную Корею. Насколько для хуннов был важен мир на востоке, видно из следующего факта. В 177 г. один из пограничных хуннских князей напал на Китай. Император Вэнь-ди мобилизовал конницу и колесницы (85 тыс.) для отражения врага, но хунны не приняли боя и отступили. Вэнь-ди собирался перенести войну в степь, однако восстание пограничного воеводы Син Гюя^[190] заставило его отказаться от немедленного выступления. В это время от хуннов явилось посольство с извинениями и сообщило, что провинившийся князь был убран с границы и послан на запад. Там он искупил свою вину победой над юэчжами. Китайский двор, учитывая силу хуннов, принял извинения и несколько позднее восстановил с ними мирные отношения. Согласно договору, хуннская держава была признана равной с китайской империей, и государи именовали друг друга братьями. Это был беспрецедентный успех для хуннов: до сих пор ни один кочевой князь не мечтал равняться с китайским императором. Из письма хуннского шаньюя мы узнаем, что в 177 г. хуннским войскам, стянутым со всей страны, удалось разбить юэчжей. Результаты победы были весьма ощутимы: хунны захватили все княжества Восточного Туркестана, Усунь и земли кянов.

КОЧЕВЫЕ ТИБЕТЦЫ-КЯНЫ

На западной границе Китая, по соседству с уделом Цинь, обитали уцелевшие от истребительных войн жуны (предки тангутов) и кяны — тибетцы. Цинь Ши-хуанди, закончив завоевание Восточного Китая, расправился с жунами. Его полководец Мэнь Тянь в 225 г. «прогнал жунов»^[191], очевидно, в горные степи Цайдама, ибо в дальнейшем независимые от Китая тангуты жили именно там. Избавившись от старинных врагов — жунов, китайцы столкнулись с кочевыми тибетцами-кянами, обитавшими в верховьях Желтой реки.

В то время это был немногочисленный и бедный народ, не рисковавший нападать на великую империю. Падение династии Цинь лишило китайцев только что добытой гегемонии в этом районе, и хунны, подчинив себе тибетцев, охватили китайскую границу с запада. Как для Хунну, так и для Китая обладание горным районом верховьев Желтой реки имело лишь стратегическое значение, но кяны с этого времени вступили на путь интенсивного развития, причем они стали союзниками хуннов^[192], как и их соседи — усунь.

Вопрос об усунях весьма сложен. Древняя усуньская земля, по сведениям китайского путешественника Чжан Цяня, лежала между Дуньхуаном и Циньяньшанем, но здесь же размещались и юэчжи. Сиратори удивлялся^[193], как два самоуправляющихся народа живут смешанно на одной территории. Даже если распространить их территорию на запад до Лобнора и на северо-восток до нижнего течения Эдзин-Гола^[194], то пустынная земля не могла прокормить два многочисленных народа^[195]. Но, видимо, эти народы владели указанной территорией по очереди. Подтверждением предлагаемой точки зрения является текст из «Шицзи», который гласит, что в области Гуачжоу — западная часть современной провинции Ганьсу — до Дуньхуана «в период Циньской и Ханьской династий обитал народ усунь, потом юэчжи и, наконец, прогнавшие их хунны»^[196]. Чередование народов здесь очевидно. В. Успенский предлагает гипотезу, согласно которой древние обитатели этого района были предки тибетцев — сижунуны, и кочевые усунь вытеснили их в горы в эпоху Чжаньго^[197]. Успенский расходится с Бичуриным, утверждавшим, что в это время кяны (т. е. тибетцы) занимали весь нынешний Хухунор^[198], а это, по-видимому, соответствует действительности. Разногласие возникло из-за того, что Успенский считал жунов тибетцами, тогда как на самом деле это был особый народ, а усунь произошли от жунов^[199]. Таким образом, отпадает необходимость в миграционной гипотезе и подтверждается основательность термина «Шицзи» — «древняя усуньская земля» — применительно к предгорьям Наньшаня.

В конце III в. усунь бежали из долины реки Данхэ. По-видимому, виновниками этого были юэчжи^[200]. По мнению Грумм-Гржимайло, усунь бежали в Западную Хулху^[201]. Там они вступили в бой с воинами Модэ-шаньюя, причем государь их был убит^[202]. Хунны отнеслись милостиво к побежденным усуням. Они не были ни перебиты, ни разогнаны. Сына убитого владетеля шаньюй Модэ взял в ставку и воспитал, а затем вручил ему управление его народом с титулом гуньмо^[203]. Усуням была поручена охрана «границы при Западной стене»^[204]. Грумм-Гржимайло считает «Западной стеной» укрепленное ущелье Гао-кюйесай в северо-западном углу Ордоса, где в это время не было надобности в границе, так как там жили верноподданные Модэ племена лэуфань и баянь. Вероятнее всего, что здесь подразумевалась западная граница Хунну, где обитали неприятели усуней — юэчжи. Это объясняет факт (породивший несколько гипотез)^[205] появления усуней в Западной Джунгарии и Семиречье и согласуется с версией из биографии Чжан Цяня, где говорится, что молодой гуньмо, получив разрешение шаньюя отомстить юэчжам за поражение, вторгся в Или и прогнал их на запад. Итак, в эпоху Модэ усунь выступали как вассалы хунну^[206].

На высших ступенях первобытно-общинного строя родовые и племенные союзы неоднократно создавали весьма высокие формы общественной организации. Они отличались от классовых обществ, по существу являясь плодом деятельности всего общества, а не его отдельной части. «Мы видим господство обычаев, авторитет, уважение, власть, которой пользовались старейшины рода... но нигде не видим особого разряда людей, которые выделяются, чтобы управлять другими и чтобы в интересах, в целях управления систематически, постоянно владеть известным аппаратом принуждения, аппаратом насилия, каковым являются в настоящее время... вооруженные отряды войск, тюрьмы и прочие средства подчинения чужой воли насилию»^[207].

Хунны управлялись своими родовыми старейшинами, опиравшимися не на войско, а на народное ополчение. Шаньюй был просто главным среди прочих и не имел никакой реальной власти, кроме личного авторитета. Когда же его деятельность не вызывала уважения соплеменников, а следовательно, и их поддержки, ведение шаньюем крупных войн, естественно, было почти невыносимо. Роль личности в ходе исторических событий не всегда одинакова, но при отсутствии аппарата власти способности вождя подчас решают исход исторических событий, определяемых сочетаниями случайностей^[208]. Именно этим объясняется, что хунны, а не юэцзи и не дунху оказались ведущим племенем в степной Азии, хотя общий ход событий не был бы нарушен в случае поражения хуннов.

К. Маркс отмечает: «...общинная собственность... может... проявляться либо таким образом, что мелкие общины прозябают независимо одна возле другой... либо таким образом, что единство может распространяться на общность в самом процессе труда, могущую выработаться в целую систему, как в Мексике, особенно в Перу, у древних кельтов, у некоторых племен Индии»^[209]. Но это относится не только к земледельческим, оседлым народам. Кочевое пастушеское хозяйство хуннов в I тысячелетии до н. э. было значительно более высоко организовано, чем хозяйство их оседлых соседей. «...У туранцев главной отраслью труда сделалось сначала приручение и лишь потом уже разведение скота и уход за ним. Пастушеские племена выделялись из остальной массы варваров: это было первое крупное общественное разделение труда. Пастушеские племена производили не только больше, чем остальные варвары, но и производимые ими средства к жизни были другие... Это впервые сделало возможным регулярный обмен»^[210]. Развитие экономики повлекло за собой усложнение форм общественного бытия. Аилы, разобценные в условиях полукочевого отгонного скотоводства, при переходе к круглогодичным перекочевкам стали образовывать спаянные группы. «У кочевых пастушеских племен община всегда на деле собрана вместе; это общество спутников... караван, орда, и формы субординации развиваются из условий этого образа жизни»^[211]. Возникла потребность в организации этих мелких общин для обороны от врагов и для поддержания порядка внутри племени. Осуществить такую организацию могли только отдельные члены общин, облеченные доверием. Этот зародыш государственной власти оказывается более древним, чем институт государства, основанный на насилии одного класса над другим. Указанное отмечено еще Энгельсом, равно как и различие власти в доклассовом и классовом обществах: «В каждой такой общине существуют с самого начала известные общие интересы, охрану которых приходится возложить на отдельных членов, хотя бы и под общим контролем: разрешение споров и подавление правонарушений со стороны отдельных лиц, надзор за орошением... некоторые религиозные функции. Подобные должности встречаются в первобытных общинах во все времена... Они облечены... известными полномочиями и

представляют зародыш государственной власти... Нам важно только установить здесь, что в основе политического господства повсюду лежало отправление общественной... функции и что политическое господство сохранялось надолго лишь в том случае, когда оно эту общественную... функцию выполняло»^[212].

Высказывания основоположников марксизма о характере общества на стадии родового и племенного строя целиком применимы к хуннам III в. до н. э. В 209 г. до н. э. хунны консолидировали свои 24 рода, а последующие события поставили конфедерацию 24 хуннских родов на более высокую степень общественного развития: союз превратился в «державу».

Политическая система, социальный строй и культура хуннов эпохи Модэ и его преемников значительно отличались от их предшествующего образа жизни. Поэтому мы вправе предполагать, что развитие хуннского общества прошло большой путь, прежде чем приняло ту форму, в которой хуннов застаёт история. Вместе с тем надо помнить, что создание Модэ хуннской державы запоздало по сравнению с развитием хуннского народа и общества. Модэ лишь усовершенствовал и немного реформировал существовавший строй.

Обычно принято рассматривать кочевые державы как племенные союзы или как ордыскопища людей, подчиненных военной дисциплине. В отношении хуннов и то и другое неверно. Хунны были единым племенем, разделенным на роды; это отличало их от племенного союза. Они имели свою внутреннюю родовую организацию, что не позволяет считать их ордой. Политическая система хуннов сложна. Для того чтобы разобраться в этом вопросе, исследуем с предельным вниманием источник и, разобрав все его детали, попробуем объяснить своеобразную систему хуннского общества.

Шаньюй. Во главе хуннской державы стоял шаньюй, что в переводе означает «величайший»^[213]. Само название показывает, что это не царь, противопоставленный подданным, а первый между равными прочими старейшинами, которых было двадцать четыре. Власть шаньюя была велика, но отнюдь не абсолютна. Ее ограничивала родовая аристократия — старейшины, из коих каждый имеет вооруженную дружину численностью от 2 тыс. до 10 тыс. всадников^[214]. Первоначально шаньюй был как будто выборным (возможно, поэтому китайцы затруднялись определить порядок наследования до Модэ), и впоследствии следы выборности сохранялись как в формуле возведения на престол («поставлен»), так и в некоторых, хотя редких, фактах избрания (например, в 102 г. «по малолетству сына его хунны шаньюем поставили младшего дядю его...»^[215]; подобные же случаи были в 85 и 60 гг., когда созывались собрания князей для выбора нового шаньюя^[216]). Но институт избрания имел лишь условное значение. Престолонаследование стало обычаем очень поздно. Главной формой передачи власти было завещание, хотя чаще всего шаньюй передавал престол сыну. Думается, что здесь мы наблюдаем постепенную трансформацию обычая, заключавшегося в том, что выборы перестали быть свободными и постепенно превращались в просто санкционирование воли покойного шаньюя. Кроме военных и дипломатических функций на шаньюе лежали еще и культовые обязанности: храм для ежегодных жертвоприношений находился при ставке шаньюя, и сам он дважды в день совершал официальные поклонения солнцу и луне.

Знатные роды. Знатных родов у хуннов в эпоху Модэ было три: Хуань, Лань и Сюйбу^[217]. Хуань — тюркское слово, означает «заяц»; сюйбу также тюркское слово — «край»; лань — слово китайское и значит «орхидея» — национальный цветок китайцев в древности^[218]. В сочетании этих родов можно различить след происхождения хуннов: от Шун Вэя идут Лань, а Хуань и Сюйбу являются потомками древних ху. Китайцы называли главу рода Хуань не князем

(гун), а царем (ван)^[219], что ставит представителей этого рода выше родственников шаньюя. Род, к которому принадлежали шаньюи, назывался Си Люань-ди^[220]. Власть делили все указанные фамилии, так как жен шаньюем мог брать только из названных родов, и высшие чины в государстве были наследственными, т. е. принадлежали исключительно знати, например, государственный судья был всегда из рода Сюйбу^[221]. Наряду с этими знатными родами было много простых, но управлявшихся собственными князьями. Называть их старейшинами нельзя, так как они не были выборны, а получали власть по наследству. Иногда они пытались играть самостоятельную роль, но правящая олигархия всегда подавляла сепаратистские тенденции и фронду. Равным образом она ограничивала власть шаньюев, так как каждый из членов знатного рода имел столько защитников, что его жизнь была практически в безопасности от произвола центральной власти, и он мог делать все, что не противоречило интересам его рода.

Система чинов. Аппарат управления у хуннов был чрезвычайно громоздок и сложен. Можно даже выделить несколько классов чиновников или, вернее, вельмож, разделявшихся на восточных и западных. Понятия «восточный» и «западный» значили также «старший» и «младший». Первый класс — чжуки-князь (слово «чжуки» означает «мудрый»). Восточным чжуки-князем должен был быть наследник престола, но это правило часто нарушалось. Второй класс — лули-князь; третий — великий предводитель; четвертый — великий дуюй; пятый — великий данху. Эти высшие чины всегда были членами шаньюева рода. Все они не имели родовых потомственных уделов, но получали их вместе с занимаемой должностью. При повышении менялся удел соответственно степени родства с шаньюем. Принцы крови занимали свои посты исключительно по признаку аристократизма. Признак этот далеко не всегда совпадал с талантом и пригодностью. Поэтому наряду с аристократией крови существовала аристократия таланта, служившая знать (не родственники шаньюя). Название их было «гудухэу», они были «помощниками» высших вельмож и выполняли всю работу по управлению. Подобно высшим вельможам, они были связаны не с отдельными родами, а с центральной системой управления. Все вельможи имели личные дружины: высшие — по 10 тыс. человек, а низшие — по несколько тысяч. Кроме 24 вельмож была родовая знать: князья, связанные с родами, своеобразные начальники кланов. Таковы были Хучжюй и Хуньше — князья, кочевавшие в предгорьях Алашаня; Сижу, Гуси — на восточной границе и другие. В эпоху Модэ значение их было ничтожно, но позднее, при упадке центральной власти, оно выросло, и при дальнейшем изложении мы столкнемся с ним.

Итак, мы установили три категории хуннской аристократии: принцы крови, служившая аристократия и родовая знать. С такой мощной силой шаньюи были вынуждены считаться, так как обходиться без нее они не могли. Вельможи и старейшины опирались не только на традиции, но и на свои дружины, и часто шаньюи ничего не могли поделать с неугодными им князьями. Это, конечно, отчасти связывало руки правительству, так как ограничивало власть шаньюев и мешало им превратиться в деспотов. Из приведенных материалов видно, что хуннская держава по существу была олигархией, возникшей в условиях патриархального строя.

Законы. Аристократическое общество хуннов имело свою собственную систему обычного права, причем китайцы отмечают, что «законы их легки и удобоисполнимы»^[222]. Важные преступления, в том числе обнажение оружия, каралось смертью; кража наказывалась конфискацией не только имущества, но даже семейства вора; за мелкие преступления делали порезы на лице. Суд протекал не более 10 дней, и число одновременно содержащихся под стражей не превышало нескольких десятков человек. Наряду с обычным правом со времен Модэ возникло государственное право, каравшее смертью нарушение воинской дисциплины и

уклонение от воинской повинности. Эти чрезвычайные законы весьма способствовали консолидации хуннов и превращению их в сильнейшее государство Азии. В гражданском праве мы наблюдаем общую многим кочевникам систему владения угодьями — «каждый имел отдельную полосу земли и перекочевывал с места на место, смотря по приволью в траве и воде»^[223]. Но на основании имеющегося текста мы не вправе сделать окончательный вывод о том, кто владел полосой земли — род, возглавляемый князем, или отдельная семья. За второе предположение говорит аналогичная формулировка, примененная к тюркам VI–VII вв.^[224], и поясняющаяся текстом: «В сей стране (куда тюрки переселили. — Л. Г.)... паствы обширны, почва наилучшая; почему тукюесцы со спором делились»^[225]. Однако не исключена возможность, что в хуннское время каждый из 24 родов владел своей полосой земли; это предположение находит некоторое подтверждение. Так, до середины I в. н. э. во всех внутренних войнах роды выступают как целое, что может служить косвенным доводом, подтверждающим родовое владение пастбищными угодьями. Обладание горными лесами было, по-видимому, совместным, так как об удержании лесистых хребтов на границе с Китаем заботились сами шаньюи, а пользовались ими «низшие князья», т. е. их родовичи^[226]. Владение же пустыми и неудобными землями принадлежало всему хуннскому народу: «земля есть основание государства»^[227], — сказал Модэ, и это выдерживалось на протяжении всей дальнейшей истории Хунну. Рабство хунны знали, но у них не было долгового закабаления, столь характерного для Ближнего Востока. В неволю попадали главным образом пленники и пленницы, использовавшиеся, по-видимому, на хозяйственных работах^[228]. Никаких признаков работорговли за всю историю хуннов мы не находим, хотя рабы очень ценились хуннами, и набеги последних на Китай всегда сопровождались угоном людей в степи.

Воины. Реформы Модэ превратили патриархальное племя хуннов в военную державу Хунну. Каждый хунн стал воином, имел начальника и был обязан строго подчиняться ему. Однако старая родовая система не была нарушена, и во главе боевых подразделений стояли не выходцы из низов, как случилось позднее у монголов при Чингисхане, а принцы крови и родовые старейшины. Разделение власти между шаньюями и знатью ограничивало произвол и тех и других. Такие реформы Модэ, как введение поголовной воинской обязанности, безусловного подчинения начальникам и создание системы чинов, а главное — взгляд на территорию как на основу государства, следует понимать как консолидацию племени, которая предотвратила разложение родового строя, законсервировала его на много веков.

Рядовой хунн, родившись воином, должен был быть только им и никем иным. Но, хотя честолюбие при этом страдало, он получал надежные гарантии того, что его положение не ухудшится, так как род не мог его оставить на произвол судьбы. Богатеть он мог за счет добычи, которая была его неотъемлемой собственностью. Жизнь рядового хунна в мирное время состояла из перекочевков (2–4 раза в год), военных упражнений и отдыха во время весеннего и осеннего приволья. Не случайно китайские министры отмечали высказывания пограничных рабов, что у хуннов воинам «весело жить». Поэтому китайцы нередко стремились перебежать к ним.

Войско. Общую численность хуннского войска китайцы исчисляли в 300 тыс. человек. Кажется, это несколько завышенная цифра, так как, если даже принять, что все мужчины были в войске (а нам известно, что боеспособные мужчины составляли 20 % населения), то всего на территории Монголии получится 1.5 млн. человек, т. е. вдвое больше, чем сейчас. Скорее всего здесь одно из обычных преувеличений старых китайских хроник.

Основным оружием легковооруженного хуннского всадника был лук. Этот всадник не может выдержать рукопашной схватки ни с пехотинцем, ни с тяжеловооруженным всадником, но превосходит их в мобильности.

Тактика хуннов состояла в изматывании противника. Например, под городом Пинчэн хунны окружили авангард китайского войска. Хунны численно превосходили китайцев. Китайцы были истомлены морозом, непривычным для жителей юга, и голодны, так как были отрезаны от своих обозов. И несмотря на это, хунны не отважились на атаку. Однако тут дело не в трусости или чрезмерной осторожности. Рукопашная схватка была хуннам не нужна. Неустанно тревожа блокированного противника, они стремились добиться полного утомления врага, такого утомления, при котором оружие само выпадает из рук и ратник думает не о сопротивлении, а лишь о том, чтобы опустить голову и заснуть.

Будучи нестойкими в бою, хунны восполняли этот недостаток искусным маневрированием. Притворным отступлением они умели заманивать в засаду и окружали самонадеянного противника. Но если враг решительно переходил в наступление, хуннские всадники рассыпались, «подобно стае птиц», для того чтобы снова собраться и снова вступить в бой. Отогнать их было легко, разбить — трудно, уничтожить — невозможно.

Так как военная служба была долгом каждого хунна, за нее не полагалось никакого вознаграждения. Убив врага, воин получал «кубок вина и право на всю захваченную им добычу». Надо думать, добыча, захваченная без боя, поступала в дележ (дуван) с отчислением в пользу шаньюя, ибо иначе трудно объяснить приведенную цитату. Война приносила хуннам немалый доход и была сравнительно безопасна, так как задачей хуннского воина было застрелить врага из лука с изрядного расстояния или, измучив его до полусмерти, связать и привести домой как раба.

Хунны — народ кочевой; они в изобилии имели продукты скотоводства, но весьма нуждались в продуктах земледелия и тканях. При меновой торговле китайские и согдийские купцы надували неискушенных кочевников. Но зато потерянное в торговле возмещалось при удачном налете, и «справедливость» торжествовала. Военные успехи хуннов обеспечили экономическое развитие кочевого скотоводческого хозяйства. Племенная консолидация способствовала уменьшению внутренних столкновений и постоянных грабежей, связанных с существованием независимых племен.

Доходы. Для содержания шаньюев и вельмож требовались средства, которые не взыскивались с народа. Патриархальному обществу чуждо понятие налога; свободный воин не согласен никому ничего платить, так как в факте уплаты он усматривает ущемление свободы. Эти средства поступали от несвободных, т. е. подчиненных племен в виде дани и от врагов в виде военной добычи. Покоренные дунху уплачивали дань воловьими и лошадиными шкурами и овчинами^[229]. Большие подати платили богатые земледельческие районы оазисов Восточного Туркестана^[230]. Оттуда же, по-видимому, хунны получали железное оружие, так как его изготовлением славились тангуты, обитавшие около озера Лобнор, в княжествах Жокянь и Лэулань (Шань-шань)^[231]. Меха поступали, вероятно, с северной границы — от кипчаков, динлинов и хакасов. Но наряду с покоренными отсталыми племенами важным источником дохода шаньюев был Китай. Прямую дань китайцы категорически отказывались платить, считая это для себя унижительным. Вместе с тем они посылали хуннам подарки, что было замаскированной формой дани. Так, например, когда Модэ в 176 г. послал с посольством в Китай скромный подарок: одного верблюда, двух лошадей и две конские четверки, он получил взамен с ответным посольством богатейшие дары: вышитый кафтан на подкладке, длинный парчовый кафтан, золотой венчик для волос, золотом оправленный пояс и носороговую пряжку

к нему, десять кусков вышитых шелковых тканей темно-малинового и зеленого цвета [\[232\]](#).

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ХУННОВ

На высшей ступени варварства старейшины резко отличаются от военных вождей^[233]. Так было у ирокезов, где оба института уживались, не мешая друг другу; у германцев, где военные вожди, герцоги, за время Великого переселения народов совершенно вытеснили родовую знать — конунгов. Борьбу этих же начал мы наблюдаем в Спарте. Там военные вожди-цари были подчинены совету старейшин — герусии, но и те и другие подчинялись народному собранию. В Афинах мы видим полное торжество народного собрания над старейшинами-архонтами, а базилевсы — цари-военачальники — были вовсе упразднены. Таким образом, наблюдаются разнообразные формы совмещения родового строя с существованием сильной военной державы. Как же решили этот вопрос хунны? В эпоху Модэ хуннский род был патриархальным, т. е. дети принадлежали к роду отца, а не матери. Вдова старшего брата становилась женой младшего, который обязан был о ней заботиться, как о своей любимой жене^[234]. Круговая порука рода подразумевалась как обязательное условие. Это видно из того, что за преступление, совершенное одним членом семьи, несла ответственность вся семья^[235]. Эти черточки показывают, что род был крепок и отнюдь не разлагался. С отцовским родом всегда бывает связана экзогамия, и у хуннов она налицо, так как жен полагалось брать исключительно из чужого рода, что видно на примере брачного права шаньюев.

Чтобы разобраться вопрос о том, кем был по существу родовой князь, мы должны обратиться к сравнительной этнографии. Форма общежития в виде большой семьи, управляемой патриархом, сохранялась до XIX в. у южных славян (задруга). Управлял ею домачин, который «отнюдь не обязательно должен быть старейшим»^[236]. В римской патриархальной семье понятие familia означало всех принадлежащих одному человеку рабов^[237], т. е. все имущество. Сходной формой была семейная община еврейских патриархов, например Авраама, описанная в книге «Бытие». Все эти формы не являются залогами хуннского рода, значительно более развитого, но могут быть рассматриваемы как исходные формы геронтократии. Хуннский родовой князь был представителем интересов рода и пользовался полной его поддержкой. Такую систему позднее можно было обнаружить в Монголии, но лишь в тех родах, которых не коснулись военные реформы Чингисхана, порвавшие родовые связи и заменившие их военной субординацией. Отсюда становится также понятно, каким образом шаньюев род пользовался непререкаемой властью в огромной державе. Эта власть была основана не на узурпации прав общины, а на привычном авторитете родового старшинства. По отношению к покоренным народам шаньюй был владыкой, более или менее суровым, а по отношению к своему народу — отцом, более или менее добрым.

Итак, установив наличие родового строя у хуннов, мы должны определить в нем место военных вождей. Отличительное их качество — несвязанность с системой рода; выбирались они независимо от происхождения и исключительно по способностям. У хуннов они назывались гудухэу. Они были низшим командным составом, всецело подчиненным родовой знати. А. Н. Бернштам в своей книге «Очерки истории гуннов» предположил, что шаньюй узурпировали право рода^[238], но это мнение основано на невнимательном чтении источника. Шаньюй и вся высшая знать сами были членами рода, они представляли его, как глава семьи представляет собой всю семью и говорит от ее лица. Строй, установленный Модэ и его преемниками, консервировал систему родовых отношений и может быть определен как геронтократия — власть старейших в роде. Разумеется, при развитой системе рода личный возраст значения не имел, так как в родовых системах ведется сложный счет старшинства, при котором новорожденный ребенок может оказаться «старше» глубоких стариков. Захватив всю власть в

свои руки, родовая знать заменила народное собрание съездами родовых князей. Народное собрание нигде не встречается в истории Хунну, тогда как съезды родовых князей и вельмож собирались регулярно дважды в год ^[239]. Консолидация знатных родов, очевидно, была на столь высокой ступени, что мы вправе определить хуннскую державу как родовую империю. Однако создать такую сложную и оригинальную систему было нелегко; необходимо было не только высокое происхождение ее основателя, но и большой военный талант его. Именно это сочетание мы видим у Модэ, который спас своих стесненных врагами сородичей, увеличив силу привычного уважения к старшим военной дисциплиной. Как мы видели выше, в начале своего правления он принужден был переступить через трупы отца и брата, но сочувствие соплеменников было на его стороне. Когда же он столкнулся с нарушением дисциплины и противодействием отдельных представителей своего народа, то тут покатились головы нерадивых. Урок был, видимо, дан основательный, потому что после этого ни о каких нарушениях дисциплины не упоминается.

Год 209 до н. э. был для всего хуннского народа роковым: решалась его судьба. Если бы не ум и энергия Модэ, хунны истратили бы свои силы в родовых распрях, как кельты, или в военном наемничестве, как германцы и самниты, или в бессистемных грабежах и истребительных войнах с соседями, как скандинавы и ирокезы. В любом случае они не вышли бы из ряда полудиких кочевых племен, смыслом деятельности которых было бы разрушение и самоистребление. Но общий ход исторического развития кочевых племен и в этом случае не был бы нарушен. Место исчезнувших хуннов заняли бы либо восточные монголы-дунху, либо южные тибетцы-кяны, либо западные арийцы-юэчжи, либо северные угры, предки ненцев. Изменились бы только детали хода событий, направление культурного развития, этнический состав. Однако от этих второстепенных моментов зависела жизнь всех хуннов. Поэтому для них реформы Модэ имели огромное значение. Важны они и для историка, восстанавливающего картину реального прошлого, а не только общие закономерности развития человечества.

Разумеется, Модэ создал державу не из ничего. Консолидация кочевых племен была предрешена всем историческим процессом развития скотоводческого хозяйства. Но деятельность и способности Модэ не могут быть оставлены без внимания. За его свистящей стрелой устремились уже не охотники до чужого добра, а воины, верящие в своего вождя и подчиненные сознанию долга. Модэ умер в 174 г., достигнув такого величия, о котором в начале жизни он и не помышлял. Его дело просуществовало 300 лет, хотя ни один из его потомков не мог сравниться с ним по таланту.

Сын Модэ, Гиюй, вступивший на престол под именем Лаошань-шаньюя, получил в наследство великую державу и несколько сложнейших задач. Задачи эти нужно было решить незамедлительно. Первой и главной стала защита западной границы. Юэчжи были выброшены с захваченной ими территории, но еще крепко держались в своих родных степях к северу от Тяньшаня. Небольшая часть их, отколовшись от основной массы народа, осталась в Наньшане под названием «малых юэчжей», но большая часть продолжала упорно сопротивляться. Наконец правитель юэчжей Кидолу^[240] пал в борьбе с хуннами. Он был убит, труп его достался врагам, а из его черепа Лаошань-шаньюй сделал кубок. Невозможно определить точную дату окончательного поражения юэчжей, но произошло оно в промежуток между 174 и 165 гг. до н. э. В 165 г. наследник Кидолу с остатками своего народа перешел Сыр-Дарью^[241] и на берегах Аму-Дарьи столкнулся с населением Греко-Бактрийского царства — осколками империи Александра Македонского. За 150 лет мирной жизни потомки завоевателей мира «среброщитных фалангитов и неукротимых пельтастов» потеряли свою боевую доблесть. Так, в военном отношении их крайне низко оценивали китайцы: «народ слаб и боится войны»^[242]. Юэчжи без особого труда овладели Бактрией^[243] и больше не помышляли о возобновлении войны с хуннами, от которой им пришлось горько.

Территорию, оставленную юэчжами, — Семиречье — заняли усунь, перемешавшиеся с саками и остатками юэчжей^[244]. Усилившийся усуньский властитель считал возможным «после смерти шаньюя»^[245] отказаться от поездок в Хунну, т. е. фактически отделиться. Попытка хуннов восстановить свою власть над усунями не имела успеха. Когда же это произошло? Это могло быть только после победы над юэчжами, которых усунь громили совместно с хуннами, т. е. после 165 г. Значит, под умершим шаньюем подразумевался Лаошань. Он умер в 161 г., и, следовательно, отложение усуней должно было произойти в пятидесятых годах II в. до н. э., примерно между 158 и 154 гг., когда хунны вели войну в Китае и не имели достаточных сил для борьбы на западе.

У усуней мы не находим такого общественного строя, который составлял силу хуннов. Это видно из следующего. У усуней на 120 тыс. кибиток приходилось 630 тыс. человек, т. е. на одну кибитку — немногим более пяти душ. Это не род, а нормальная парная семья. Жена считалась собственностью мужа, который мог передать ее кому угодно; одну китайскую царевну усуньский владетель подарил своему внуку; другой владетель передал жену своему двоюродному брату. У усуней было явно выражено имущественное неравенство: так, в источнике упоминаются богатые владельцы четырехтысячных табунов лошадей.

Политическая система усуней была значительно проще хуннской. Во главе народа стоял владетель, носивший титул гуньмо. По китайским источникам, у усуней было всего 16 чиновников, а войска — 188800 человек. Это была грозная сила. Однако усунь в то время жили в согласии с хуннами. Их лояльность, очевидно, была вызвана враждебными отношениями с западными соседями.

С запада к Усунь примыкало владение Кангюй, расположенное в Голодной степи. Оно было вдвое слабее Усунь и служило буфером между хуннами и юэчжами. Господство хуннов над Кангюем было, по-видимому, номинальным, но оно обеспечивало западную границу Хуннской империи и развязывало хуннам руки на востоке. Лежавшая южнее Усунь и Кангюя Согдиана хотя и не подчинялась хуннам, но вследствие раздробленности (она делилась на 70 самостоятельных владений) не могла быть опасна. Итак, мы видим, что, разгромив юэчжей, Лаошань-шаньюй полностью обезопасил западную границу и захватил гегемонию над

княжествами «Западного края» (тогдашнее китайское название Синьцзяна — Сиюй), экономические возможности которых должны были играть немаловажную роль в формирующемся хозяйстве новорожденной империи.

«Основать империю, сидя на коне, можно, но управлять ею с коня нельзя», — сказал однажды Елюй-Чуцай — гуманный государственный деятель эпохи Чингисхана. Это понимал еще основатель Хуннской империи Модэ-шаньюй. К концу своего правления он стал широко пользоваться услугами китайских перебежчиков, составлявших для него дипломатические послания к китайскому двору. Лаошань-шаньюй шел по отцовскому пути, и когда евнух Юе, насильно посланный к нему в составе посольства из Китая, захотел перейти на его сторону, то был принят и обласкан. «Юе научил шаньюевых приближенных завести книги, чтобы по числу обложить податью народ, скот и имущество» ^[246]. Это мероприятие произвело огромный переворот во внутренних делах хуннского общества. Налоги, поступавшие шаньюю и его приближенным (а все они были его родовичи), выделяли шаньюев род из числа прочих и давали в его руки такие возможности, о которых сам Модэ не мог мечтать. Прямым следствием этого было принятие шаньюем титула «Рожденный небом и землею, поставленный солнцем и луною, хуннский Великий шаньюй...» ^[247]. Тут мы уже видим, что право на власть определяется «милостью божией», причем родовичи обязаны повиноваться, а не сопротивляться. Новые прерогативы шаньюя столь противоречили старому порядку, что, казалось бы, народные массы должны были возмутиться и воспротивиться, но этого не произошло. Наоборот, власть шаньюев пользовалась непререкаемым авторитетом. Дело в том, что недаром уступили хунны свою древнюю свободу. Они получали за нее такую цену, которая, видимо, удовлетворяла их. Доходы от добычи и дань с покоренных племен не целиком попадали в казну шаньюя. Значительная часть их оставалась в руках воинов, и многие хуннские женщины сменили одежды из овчины на шелковые платья. Наряду с кумысом и сыром на столе у хуннов появились вино, хлеб и китайские лакомства. Источники подчеркивают, что в хуннском обществе наступила эпоха изобилия и роскоши, но вместе с тем и упадка нравов.

Проницательный Юе, искренне преданный новому господину, указывал на опасность, возникавшую от этих перемен. «Численность хуннов, — говорил он Лаошань-шаньюю, — не может сравниться с населенностью одной китайской области ^[248], но они сильны потому, что имеют одеяние и пищу отличные и не зависят в этом от Китая. Ныне, шаньюй, ты изменяешь обычаи, любишь китайские вещи. Если Китай употребит только одну десятую своих вещей (на подкуп. — Л. Г.), то до единого хунны будут на стороне Дома Хань. Получив от Китая шелковые и бумажные ткани, дерите одежды из них, бегая по колючим растениям, и тем показывайте, что такое одеяние прочностью не дойдет до шерстяного и кожаного одеяния. Получив от Китая съестное, не употребляйте его и тем показывайте, что вы сыр и молоко предпочитаете им» ^[249].

Программа Юе была невыполнима. Не столько шаньюй был причиной упадка нравов, сколько изменение экономики и быта. «Сила вещей» влекла хуннов по пути увеличения потребностей, а следовательно, и изменения быта. Но для того, чтобы последствия этого процесса четко сказались, нужно было немало времени: два, а то и три поколения (50–75 лет), а пока все, казалось, обстояло благополучно. Так как большая часть продуктов, столь приятных хуннам, шла из Китая, то вполне естественно возникло стремление увеличить приток их. При Модэ и Лаошане они попадали к хуннам в небольшом количестве в виде «подарков» шаньюю, который делился ими со своими подданными. Чтобы избежать этого необходимого дележа, шаньюй решил наладить меновую торговлю с Китаем, но встретил резкое противодействие китайского правительства.

Дом Хань установил внутри Китая систему налогового обложения, которая должна была выкачать из населения как можно больше продуктов, чтобы на эти средства содержать армию

солдат и чиновников. Понятно, что сосредоточение внешней торговли в руках двора было необходимо, так как оно давало ему нужные доходы. От этой системы страдало в первую очередь китайское податное население, а во вторую — хунны, получавшие значительно меньше тканей и хлеба, чем им было нужно. И тем и другим хотелось наладить прямой обмен, но тогда доходы ушли бы из казны китайского правительства, которому пришлось бы конкурировать с собственными подданными. Это противоречие не могло разрешиться без войны, и она не заставила себя ждать.

ВОЙНА С КИТАЕМ ЗА СВОБОДУ ТОРГОВЛИ

Покончив с юэчжами и развязав себе тем самым руки, Лаошань-шаньюй пошел на Китай. В 166 г. он с 140 тыс. конницы вторгся в Северо-Западный Китай, «захватил великое множество народа, скота и имущества» и сжег летний дворец императора. Конные разъезды хуннов шныряли в сорока верстах от столицы Чанъани. Император объявил мобилизацию и собрал тысячу колесниц, 100 тыс. конницы^[250] и три вспомогательных корпуса, но пока войска готовились к выступлению; хунны ушли со всей добычей, не потеряв ни одного человека^[251]. После этого хунны в течение четырех лет производили набеги и разорили все пограничные области (особенно пострадал Ляодун). Основной удар был нанесен с запада, из недавно завоеванных хуннами земель, и через области, населенные некитайцами. Военные действия развернулись в Бэйди (восточнее Ганьсу) — стране икюйских жунов, покоренных лишь в III в. до н. э.^[252]. Напрашивается мысль, что только благодаря помощи местного населения сошло хуннам с рук вторжение в центр Китая. Сам по себе поход мало что дал, но он оттянул китайскую конницу на запад, а в это время хунны из Иньшаня разграбили всю восточную границу. Наконец в 162 г. император Вэнь-ди обратился к Лаошань-шаньюю с просьбой о заключении мира; шаньюй с ответом послал данху (невысокий чин), что само по себе выражало пренебрежение. Данху привез китайскому императору в подарок двух лошадей, о качестве которых китайский летописец не упоминает. Несмотря на это, Вэнь-ди счел за благо не обижаться, принял дар и заключил мир. Для Китая этот мир был тяжелым и позорным. Китай и Хунну признавались двумя равными государствами, причем Китай «из сочувствия» к холодному климату в стране своего соседа обязывался ежегодно отправлять на север, к хуннскому шаньюю, «известное количество проса и белого риса, парчи, шелка, хлопчатки и разных других вещей»^[253]. Это была завуалированная дань. Согласно договору, старые перебежчики не возвращались, но новые переходы возбранялись под страхом смертной казни. Договор показал несомненный политический перевес Хунну над Китаем, но о свободной торговле в нем не говорится ни слова.

Лаошань-шаньюй умер в 161 г., оставив своему сыну Гюньченю неразрешенную проблему торговли с Китаем. Гюньчень четыре года сохранял мир, но, ничего не добившись, в 158 г. возобновил войну. Два хуннских отряда, по 30 тыс. каждый (?!), ворвались в Китай с севера и с запада и, произведя грабежи, ушли. Пограничная огневая сигнализация своевременно известила о начале набега, но быстро мобилизовать армию китайское правительство не сумело, и, когда его войска подошли к границе, хунны были уже далеко в степи. Следующие годы сулили хуннам успехи. В 157 г. Вэнь-ди умер, и в 156 г. на престол вступил Цзин-ди. Междоусобица сопровождалась острой борьбой кланов. Победенных ожидала расправа, и они, восстав, обратились за помощью к хуннам. Однако новое правительство справилось с внутренними затруднениями. В 154 г. восстание было подавлено, так как хунны его не поддержали. За это они получили то, к чему стремились: по договору 152 г. были открыты пограничные рынки для свободного обмена и, сверх того, шаньюю была отправлена в жены китайская царица с большой данью. 152 год был кульминационным пунктом хуннского могущества.

На востоке и северо-востоке хуннские шаньюи были полными хозяевами. Дунху покорились, оказав незначительное сопротивление в 209 г., и с тех пор осколки некогда могущественной орды стали верноподданными новых хозяев. Самое название «дунху» исчезло; потомки их стали называться ухуани. Они обитали в степях Южной Маньчжурии по соседству с китайской границей. К северу от ухуаней, в Западной Маньчжурии и Барге, жили родственные им сяньби, а в Восточном Забайкалье, на берегах Аргуни, — косоплеты-тоба. Все это были монгольские племена.

Многообразие племенных названий не должно вводить в заблуждение читателя. В Евразии целые народы часто меняли имена, называясь то по имени государя, то по месту жительства, то по кличке. Родовой строй, составлявший опору хуннской державы, был менее развит к востоку от Хингана. Ухуани жили стойбищами (аилами), т. е. отдельными семьями, но стойбища в целях безопасности объединялись в общины от 100 до 1000 юрт^[254]. Они управлялись выборными старейшинами, причем имя старейшины становилось названием общины. Для того чтобы стать старейшиной, нужно было быть «храбрым, сильным и умным»^[255]. Здесь мы наблюдаем иной путь развития, нежели у хуннов. У древних монголов слагались не роды и племена, а орды. Орда была высшей формой военной демократии. Слово «орда» означает некоторое количество совместно живущих людей, определенным образом организованных. Орда может состоять из самых разнородных элементов по крови, языку, религии, нравам, но организация для орды — необходимое условие. Во главе орды стоял хан (сяньбийское слово ^[256]), причем, как правило, ханы выбирались или утверждались на курултае — общем собрании полноправных членов орды. Вместо родового, аристократического принципа хуннов у древних монголов господствовал демократический принцип. Разумеется, орда не могла быть столь устойчива, как родовая держава. Она быстро процветала при энергичных вождях и гибла при бездарных. Но благодаря демократическому принципу потенция ее значительно больше. Орда как государственная система оказалась в конце концов наиболее жизнеспособной формой политической жизни кочевников. Однако во II в. до н. э. сложение монгольских орд только намечалось, и хунны могли беспрепятственно командовать разобщенными общинами древних монголов. Они брали с них дань овчинами, а у тех, кто уклонялся от нее, отнимали жен и детей. Чтобы завершить характеристику древних монголов, отметим некоторые этнографические особенности их. Ухуани и сяньби не знали, что такое домашние слуги: «от старейшины до последнего пастуха каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе»^[257], демократический принцип проводился даже в семейной жизни. Женщина пользовалась уважением: ее нельзя было ударить; девушка выходила замуж по любви и сама была хозяйка приданого; все дела, кроме военных, разрешались женщинами. Религия отличалась от хуннской отсутствием человеческих жертвоприношений. Законы также были мягче: смерть полагалась лишь за ослушание на войне, а при воровстве и убийстве разрешалось откупаться скотом. Нередко практиковалось изгнание преступников; изгнанных никто не имел права принимать. Короче говоря, мы наблюдаем жизнь гуманного, но весьма примитивного народа с большими возможностями, еще не претворенными в действительность, с высокой моралью, но низким уровнем культуры. Китайцы очень мало считались с этим народом.

Лесные племена Маньчжурии и Приамурья в то время не были известны китайцам, и о них никаких сведений не сохранилось. По-видимому, на лесные массивы власть хуннов не простиралась.

В 205–204 гг. до н. э. забайкальские и прибайкальские степи входили в державу Хунну ^[258]. Модэ подчинил несколько племен, обитавших в Южной Сибири. Эти племена уже пережили бронзовый век и начали осваивать железо (тагарская культура в ее третьей и последней стадии) ^[259]. Занятием их было земледелие и оседлое скотоводство. Судя по большому количеству оружия, находимого в курганах, они были народом воинственным. Комплексные захоронения показывают, что социальной основой их строя был род, так же как у их соседей хуннов, но следов высокой организации и зачатков государственности не обнаружено. Искусство их стилистически связано с искусством Алтая и Скифии, так что мы вправе причислить их к западному культурному комплексу, но их нельзя рассматривать как носителей периферийной провинциальной культуры. «Мощный минусинский культурный очаг оказывал влияние в широкой подтаежной области Западной Сибири и, по-видимому, даже в Восточной Европе (ананьинская культура)» ^[260]. Археология констатирует факт, но бессильна его раскрыть. Обратимся к палеоантропологии, делающей следующие выводы:

1. «Основным типом населения был долихокранный, европеоидный, филогенетически связанный с протоевропейским». Потомки динлинов.

2. «Кроме того, отмечается брахикранный европеоидный тип неясного происхождения», может быть, ди.

3. «В общем небольшом проценте примешивается также брахикранный монголоидный тип, относящийся к сибирской ветви азиатского ствола». Известны всего два черепа; примесь может быть случайной.

4. «Возможно сохранение следов проникших в Минусинский край в карасукское время представителей дальневосточной расы» ^[261].

Итак, за исключением двух случаев (два монгольских черепа), все население Минусинской котловины состоит из тех же компонентов, что и тысячу лет назад, но разница, и весьма существенная, в том, что они уже успели слиться в единую народность, породившую самобытную культуру. Бронзовые изделия тагарской эпохи поражают изяществом отделки и богатством сюжетов с преобладанием зоологической тематики.

К сожалению, абсолютно неизвестны те формы жизни, которые установились у динлинов в связи с хуннским завоеванием, но ясно, что культурный обмен между ними и хуннами протекал интенсивно. В результате его возникла новая культура — таштыкская, в которой удельный вес азиатского компонента резко увеличился ^[262]. Связанные с ней вопросы будут разобраны ниже.

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В ДЕРЖАВЕ ХУННУ

Сходство обнаруженных археологами на территории от Иньшаня до Саяно-Алтая древностей, датированных V–III вв. до н. э., показывает нам тогдашние границы распространения хуннов^[263].

Археологически эта культура характеризуется преобладанием бронзы, «звериным стилем» в искусстве и так называемыми плиточными могилами^[264]. В конце этого периода в могилах начинает попадаться железо, с которым хуннов познакомили западные жуны^[265]. Наряду с охотой и скотоводством занятием хуннов было примитивное земледелие, на что указывают находки зернотерок как в Северной Монголии, так и в районе Великой китайской стены^[266].

Хунны этого времени весьма отдаленно напоминают своих предков, описанных выше. Теперь это совсем другой народ. За 800 лет на окраине Сибири произошло то смещение, в результате которого возник антропологический тип хуннов, названный Г. Ф. Дебецем «палеосибирским». Археология констатирует у хуннов развитие меднолитейного мастерства, что предполагает наличие литейщиков-специалистов^[267]. Накопление богатств шло у хуннов, очевидно, не только в виде собирания сокровищ. Так, Дегинь на основании изучения Сыма Цяня отметил, что «пленные составляли главное богатство хуннов, они их использовали как домашний скот»^[268].

Выше мы уже видели, что у предшественников хуннов — глазковцев было развито патриархальное рабство. Рабы выполняли тяжелые работы в домашнем хозяйстве, собирали дрова, носили воду. Они не допускались до ведущих отраслей хозяйства: облавной охоты, пастьбы скота, войны; они не определяли способа производства. Наличие их не разрушало патриархального родового строя.

Хозяйство хуннов покоилось на использовании особенностей лесостепного ландшафта. Им были необходимы не только зеленые степи, но и покрытые лесом горы. Лесом с гор они пользовались для изготовления юрт и телег^[269], а также стрел, причем ценился горный лес, где живут орлы, «перья которых употребляются на опушку стрел»^[270]. Перелески укрывали скот во время буранов и доставляли пастухам дрова для костров в то время, когда кизяк был присыпан снегом. Именно невозможность обойтись без горного леса заставляла хуннов вступать в борьбу с китайцами за обладание склонами Иньшаня и Циляншаня (в Ганьсу) и с юэчжами за Монгольский Алтай и Тяньшань.

Обычно, сравнивая между собой древние культуры, уровень развития их измеряют наличием материальных остатков: сооружений, письменности, произведений искусства и т. п. Методика эта порочна, так как учитываются лишь уцелевшие памятники, т. е. каменные сооружения и металлические вещи. Вследствие того, что сохранность памятников в странах с сухим климатом неизмеримо выше, чем в странах влажных, возникает первая ошибка. Затем, если учесть, что люди строят дома для того, чтобы в них жить, а не для того, чтобы их тысячу лет спустя выкопал археолог, надо признать, что деревянные постройки подчас не хуже каменных, и говорить о низком уровне культуры на том основании, что не обнаружено каменных строений, — вторая ошибка. Равным образом не могут быть установлены красота и ценность одежды, так как сохраняются лишь металлические детали, которые не для всех народов характерны. Допустим, что у какого-нибудь народа искусство проявляло себя в вышивках и достигло большой высоты, а у другого — в изготовлении каменных амулетов, очень грубых и заимствованных у первого. Получится, что в первом случае искусства не было вовсе, а

во втором обнаружится оригинальный стиль. То же самое с письменностью: есть народы, у которых имеются огромные библиотеки переводов, пересказов, компиляций и очень мало оригинальных произведений, например у монголов, маньчжуров. В то же время «Илиада» и «Калевала» были устным творчеством еще неграмотных народов.

Короче говоря, сравнение древних культур не только возможно, но и необходимо, а для этого должны быть в первую очередь учтены и выявлены оригинальные черты развития изучаемых народов и их потребности, и разная сохранность материальных остатков не должна мешать этому.

Основным достижением хуннов было освоение степных пространств Монголии. Ранее Великая Степь, как море, разделяла обитаемые лесостепные полосы: южносибирскую и северокитайскую. Обитатели обеих полос — земледельцы, оседлые скотоводы и лесные охотники — не имели возможностей для передвижения по степи, и степные травы пропадали попусту. Хунны развели достаточное количество лошадей и подъяремных быков, создали кибитку — дом на колесах — и первые занялись кочевым скотоводством и вместе с тем применили облавную охоту, которая неизмеримо продуктивнее индивидуальной; они уже в III в. до н. э. знали соколиную охоту.

Жилище их — кибитка на колесах — было удобно: во-первых, шатер значительно лучше защищает от ветра и мороза, чем промерзающие стены земляного или каменного дома, и, меняя стоянку, всегда можно найти место, обеспеченное топливом; во-вторых, в жилище на колесах жить более безопасно, так как со всем имуществом можно уехать от врага, что хунны и делали.

Кожаная одежда их была прочна, легка и удобна. Их питание состояло из мяса и молока, имевшихся в изобилии, так как стада были огромны. Отсутствие изнурительного труда и постоянное занятие охотой способствовали физическому развитию, частые военные походы закаляли мужество и волю.

К тому же эти походы играли большую роль в экономике хуннов. На ранних ступенях исторического развития возникала примитивная система приобретения недостающего продукта путем систематического захвата запасов у соседей. В этой стадии война была опасным, но доходным промыслом, и добыча становилась народным достоянием. Подобно многим народам, хунны прошли эту стадию, но уже при первых шаньюях основным источником их доходов стало обложение покоренных данью.

Таким образом, мы должны признать, что хунны на заре своего существования были не лучше и не хуже, чем, скажем, франки, готы, арабы, славяне и древние греки.

Обращение с пленными и перебежчиками было весьма гуманным, поэтому китайцы опасались не столько набегов хуннов, сколько постоянных переходов к ним в степь своего населения.

Участие женщин в политике показывает, что они отнюдь не были принижены, как это наблюдалось в Китае, Индии, Иране.

Самым сильным аргументом против утверждения, что хунны имели собственную развивающуюся культуру, служит указание на отсутствие у них письменности, основанное на том, что она до сих пор не обнаружена. Предположение, что хунны имели письменность, не дошедшую до нас, так как найти древние записи на коже, бересте или бумаге не всегда возможно, отвергалось как несовместимое с уже составленным мнением. Однако и это предвзятое мнение разбивается накоплением новых сведений. Так, в «Истории Троецарствия» сообщается об обмене посольствами между Китаем и Фуаном, древнейшим царством в Камбодже. Китайское посольство посетило Камбоджу между 245 и 250 гг., и, вернувшись, участник его. Кань Тай, сообщая сведения о царстве Фуан, заявил: «Они имеют книги и хранят их в архивах. Их письменность напоминает письменность хуннов»^[271]. Фуанцы употребляли

индийский шрифт. Это сообщение чрезвычайно интересно. Китайский дипломат говорит о хуннской письменности в придаточном предложении как о вещи абсолютно известной и нужной лишь для сравнения и пояснения. Еще важнее то, что он подчеркивает индийское происхождение хуннской письменности, следовательно, держава Хунну имела культурные связи с Западом. Может быть, потому китайцы эпохи Хань и считали хуннов диким народом, ибо признавали единственным источником культуры только свою страну. К сожалению, фольклор^[272] и прочие проявления хуннской духовной культуры безвозвратно утеряны, но уровень их культуры, в частности искусства, может быть установлен при расширении археологических работ в Монголии и Ордосе; современное же хуннам саяно-алтайское искусство великолепно.

Когда заходит речь о религии, то ставятся два вопроса: во что веруешь и как веруешь? Хунны ежегодно весной приносили жертву «своим предкам, небу, земле и духам». Ежедневно шаньюй дважды совершал поклонение: утром — восходящему солнцу, вечером — луне. Мероприятия начинались, «смотря по положению звезд и луны»^[273].

Если вдобавок учесть титул шаньюя — «рожденный небом и землею, поставленный солнцем и луною», то будет ясно, что одним из объектов поклонения был космос; поскольку хунны имели идола, изображающего его, космос был уже персонифицирован. Подобное космическое божество было известно в греческой мифологии (Уран, отец Сатурна), в индийской (древнейший из богов — Варуна), в древнескандинавской (Один). Исходя из этого, лучше всего допустить, что пышный культ персонифицированного космоса был заимствован хуннами у западных соседей, юэчжей или динлинов, так как восточноазиатские монголоиды не имели такого культа, а были полиспиритуалистами. Полиспиритуализм на Востоке всегда точно разграничивал духов предков и духов природы. Считалось, что тех и других можно вызвать или отогнать, рассердить или задобрить. Духи эти, с точки зрения китайца или тибетца, были отнюдь не божества, а живые существа, только имеющие природу, отличную от людей: они сильны, но не всесильны, не добры и не злы по природе, но могут быть часто вредны и иногда полезны. Короче говоря, общение с духами трудно даже назвать религией. Хунны также верили в духов. Верили они и в загробное существование, причем примитивное сознание кочевника рисовало его продолжением жизни. Отсюда пышные похороны в двойном гробу; чтобы покойнику не было холодно — облачение из парчи и драгоценных мехов; для службы ему в загробном мире — несколько сот соумирающих друзей и наложниц. Но этот жестокий обычай «сопровождения» шаньюя или вельможи в загробный мир не исчерпывал всех случаев человеческого жертвоприношения. «В жертву воинам»^[274], очевидно, прадедам, приносились храбрые пленники, и духи требовали жертву через уста волхвов. Отсюда видно, что человеческие жертвоприношения были связаны с сибирской струей хуннской религии, с очень древним китайским шаманизмом и, возможно, тибетской религией бон. Эта религиозная система не предполагает существования единого бога, а ограничивается почитанием демонов, существ ограниченных и злобных. С этой системой вели борьбу как конфуцианцы, почитавшие предков, так и буддисты, а позднее — христиане и мусульмане, но, несмотря на это, она удержалась до XX в. в Тибете и в несколько измененных формах у тунгусов в Восточной Сибири. Любопытно, что там она вначале также была связана с человеческими жертвоприношениями, которые потом прекратились»^[275].

На первый взгляд кажется странным, что демонолатрия и космический культ, столь различные по происхождению и содержанию, уживались вместе, но это становится понятным, если учесть, что сферы их в мирозерцании хуннов были четко разграничены; они просто не мешали друг другу. Космическое божество было так огромно, что не замечало демонов, а демоны делали свои дела, не касаясь мироздания; такое мировоззрение еще не так давно бытовало среди сибирских народов и даже в Поволжье, где маришцы не могли понять, почему русский бог не уживался с Кереметью^[276], и приносили одному свечи, а другому — жертву. Интересно другое: хунны вбирали в себя культурные представления Востока и Запада и сочетали их в оригинальных формах. Больше того, хунны воспринимали даже концепции далекой Индии. Золотой идол, отбитый у них китайцами, многими учеными считается буддийским образом из оазисов Западного края^[277].

Разумеется, нет оснований думать, что среди хуннов были буддисты, но важно, что они о

буддизме знали и интересовались им. Это указывает на широкий кругозор, несовместимый с низким уровнем культурного развития; можно ли при этом считать их дикарями? А если прибавить стройную систему администрации и гуманные формы быта, привлекавшие даже просвещенных китайцев, то вопрос о «дикости» хуннов III–I вв. до н. э. должен отпасть.

VII. Взлет дракона

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ХУННО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ

Китай процветал. Режим династии Хань выгодно отличался от режима ее предшественницы Цинь. Прекращение внутренних распрей, отказ от грандиозных сооружений вроде Великой стены положительно повлияли на развитие земледелия и ремесел, на распространение торговли и на рост народонаселения. Несмотря на хуннские и тангутские набеги, богатство страны росло не по дням, а по часам, и возможности Китая казались неисчерпаемыми. Китайцы были предприимчивым и отважным народом, уверенным, что будущее принадлежит им. У-ди, вступивший на престол в 140 г. до н. э., понял потребности своей страны. Враги окружали ее, и главными из них были хунны. Император У-ди не осмелился сразу порвать унижительный мирный договор, признававший Хунну и Китай равными империями, а фактически ущемлявший интересы Китая; он даже подтвердил договор о свободной торговле, несмотря на ее убыточность. Но он немедленно начал готовиться к войне. Во второй год царствования он послал своего приближенного Чжан Цяня с заданием отыскать юэчжей и убедить их напасть на Хунну одновременно с китайскими войсками. Однако У-ди выступил, не дождавшись Чжан Цяня.

Другой лазутчик — Нйе И, родом из города Май, по приказу императора будто бы тайно доставлял хуннам китайские вещи и, вкравшись в доверие к шаньюю, предложил ему разграбить свой родной город. Шаньюю, соблазненным богатствами Май, поверил лазутчику и с войском 100 тыс. копий вступил в 133 г. в пределы Китая.

Этого и ждали китайцы: 300 тыс. солдат, готовых к бою, были спрятаны в окрестностях Май, чтобы, лишь только хунны возьмут город и захватят добычу, окружить и истребить их.

Хунны шли форсированным маршем, стремясь не дать опомниться противнику. Вдруг еще за 100 ли (около 40 км) от Май они увидели в поле множество скота; пастухов не было. Очевидно, местные жители, узнав от китайских солдат, скрытых в засаде, об ожидаемом приближении хуннов, бросили свое имущество и спрятались, чтобы сохранить свободу и жизнь. Но шаньюю знал, что никто не мог предупредить пастухов о его появлении, так как никто из китайцев не в силах был обогнать скачущих хуннов. Поэтому отсутствие жителей заставило его насторожиться.

Иногда ход событий меняется из-за пустяков. Один китайский командир (юйшы), проезжавший по границе, захотел отстоять укрепленный пост. Хуннские всадники окружили его, и бедный юйшы вынужден был забраться на дозорную башню. За ним полез хунн с копьем, чтобы заколоть несчастного для забавы товарищей, стоявших кругом^[278]. Китаец испугался, спустился вниз и сдался хуннам, которые, торжествуя, притащили его в ставку и как первую добычу преподнесли шаньюю. Шаньюю, уже настороженный, строго допросил пленника, и тот, спасая жизнь, рассказал ему про засаду. Шаньюю немедленно скомандовал отступление и, выйдя за границу, сказал: «Я обязан своим спасением Небу, оно послало мне этого юйшы». В благодарность за спасение он освободил своего единственного пленника, но, зная, что на родине тому грозит смерть, оставил его при себе и дал ему титул «небесный князь».

Китайские полководцы ожидали вступления хуннов в город Май и потому не двигались с места. Разгневанный У-ди решил предать суду главного полководца Ван Кая, но тот опередил палачей своего государя, покончив жизнь самоубийством. Китаю предстояла тяжелая и упорная война. Несмотря на самоубийство полководца, китайская армия могла вторгнуться в хуннские земли, но не сделала этого. Как же объяснить такой странный, но спасительный для хуннов оборот событий? В 131 г. до н. э. Хуанхэ, прорвав дамбу у селения Хуцзэ (провинция Шаньдун), изменила свое русло. В стихотворении, посвященном этому событию, есть такая строфа^[279]:

О, сколь немилосерден был Хопэй^[280].
В волнах погибли тысячи людей.
Сожрав Санфу^[281], наполнил он Хуай
И не вернулся в свой родимый край.

Для ликвидации огромной бреши император послал 100 тыс. человек^[282]. Очевидно, в их числе были и солдаты, ожидающие врага на границе. Хунны получили передышку.

Карта. Срединная Азия около 135 г. до н. э. (по данным путешественника Чжан Цяна)

После описанного события о мире не могло быть и речи, но первые четыре года ни та, ни другая сторона не предпринимала крупных операций. Летучие отряды хуннов производили грабежи в разных областях Северного Китая, китайцы ограничивались обороной. Но особенно интересно, что рынки, расположенные в степи за границами Китая, торговали весьма интенсивно, и хунны отнюдь не посягали на китайских купцов, продававших им шелка и лакомства. Опасность угрожала купцам с другой стороны. В 129 г. китайский двор решил положить конец утечке национальных средств к врагам и запретить свободную торговлю. Для этого были направлены четыре девятитысячных конных корпуса. Вот тут-то хунны показали себя.

Талантливый китайский полководец Вэй Цин ухитрился застать врагов врасплох и захватил в Лунчэне 700 пленных. Кто были эти пленные — хунны или китайские купцы — хроника не сообщает. Следующий полководец, ничего не добившись, ушел обратно без потерь. Третий потерял 7 тыс. из 10 и отступил с остатками своих разбитых войск, а четвертый даже сам попал в плен к хуннам, но впоследствии бежал и возвратился на родину. Два последних полководца были преданы суду, но это не поправило дела на фронте.

Окрыленные успехами, хунны усилили набеги, а в следующем, 128 г., их двадцатитысячное войско вторглось в Ляоси, уничтожило стоявшие там войска, затем, перейдя в Яймынь к западу от Пекина, разгромило эту область и ушло, уведя 3 тыс. пленных. В ответ на этот набег против хуннов снова выступил Вэй Цин с 30 тыс. всадников, которым удалось захватить несколько тысяч пленных.

Вэй Цин ворвался в Ордос и покорила обитавшие там племена лэуфань и баянь, захватив пленных и множество скота. Для усиления Ордоса китайцы восстановили старые крепости по берегам Желтой реки и построили новую крепость Шофан. В ответ на это хунны захватили область Цзаоян — восточный участок Великой стены.

Зимой 126 г. умер Гюньчень-шаньюй, внук Модэ. Он не уронил достоинства державы, созданной его дедом, и выдержал шестилетнюю борьбу с противником, который был во много раз сильнее. Потеря Ордоса не была для хуннов тяжелой, так как его населяли тангуты, чуждые хуннам. Зато собственно хуннские земли в Иньшане даже расширились, торговля продолжалась, а китайские пограничные области были разорены, и китайские войска оказались в бою слабее хуннских. Но У-ди был человек упорный и продолжал войну.

Смерть Гюньчень-шаньюя вызвала междоусобицу. Его брат, восточный лули-князь Ичисйе, «сам объявил себя шаньюем» и разбил сына Гюньчень-шаньюя Юйби «в сражении» ^[283]. Юйби бежал в Китай, где был принят и обласкан, но вскоре умер. Распря князей закончилась в несколько дней и отрицательных последствий для Хунну не имела. Ичисйе с удвоенной энергией продолжал войну с Китаем. Летом и осенью 126 г. были разграблены северо-восточные области Китая (современные провинции Хэбэй, Ляоси и Ляодун), так как именно здесь хунны имели опору в лесистых отрогах Иньшаня. И на западе было неспокойно. В 125 г. западный чжуки-князь ворвался в Ордос, разрушил Шофан и увел много «пленных из чиновников и народа».

Тогда У-ди применил новую тактику ведения войны, которая хотя и была осуждена и раскритикована впоследствии, но все-таки принесла плоды. Для борьбы с конным противником стали создаваться конные легковооруженные отряды, снабженные провиантом. Этим отрядам надлежало перенести войну в хуннские степи. Подготовка таких отрядов была делом трудным и дорогим. Кроме того, они не годились для обороны и не спасали страну от ответных набегов

озлобленного противника, но придумать что-либо лучшее было невозможно^[284].

Предводителем конной наступательной армии был назначен тот же Вэй Цин. Весной 124 г. китайская армия численностью 100 тыс.^[285] человек выступила из Ордоса и, напав на западные кочевья хуннов, застала их врасплох. В ставке западного чжуки-князя шло веселье и пьянство, когда китайская конница, пройдя форсированным маршем 700 ли (около 300 км), ночью окружила ставку. Сам чжуки-князь спасся бегством, но в плен попали более 15 тыс. человек, в том числе десять низших князей.

Осенью того же года хунны отплатили за набег, ворвавшись в Дайгюнь (западный Хэбэй). Китайские пограничные войска были разбиты, и хунны увели с собой тысячу пленных.

В 123 г. Вэй Цин совершил еще два набега на восточные кочевья, но успехи были значительно меньше, а потери — больше. Один из его отрядов, блокированный хуннами, принужден был сдаться. Командир этого отряда Чжао Синь был из числа низших хуннских князей, убежавших в Китай во время последней распри. Ичисйе-шаньюй, захватив его, не вспомнил старого зла, а, наоборот, женил его на своей сестре и советовался с ним по всем вопросам, связанным с Китаем. Чжао Синь посоветовал шаньюю отнести свою ставку на север, за пустыню Гоби, чтобы китайцы не могли застигнуть его врасплох; равно предполагалось заманивать китайские войска в глубь степей и потом, пользуясь их усталостью, уничтожить их. Шаньюй согласился с этим мнением и откочевал на север. Одновременно он пытался продолжить активные боевые действия, но набег 122 г. мало что дал.

Тем временем У-ди закончил реорганизацию армии, и весной 121 г. китайцы снова перешли в наступление. Полководец Хо Цюй-бин с десятитысячной конницей напал на западные кочевья хуннов, разгромил их, захватив много пленных и золотого идола, которому хунны приносили жертвы. Летом того же года Хо Цюй-бин напал на хуннские кочевья у подножий Тяньшаня; были захвачены 30 тыс. пленных, в том числе 70 низших князей и предводителей.

Потерпев полное поражение на западе, хунны усилили наступление на востоке. Они окружили брошенный против них китайский отряд (4 тыс. копий и сабель), половина которого погибла в бою. Только немедленная помощь других китайских войск спасла от истребления остатки разбитого отряда.

Борьба становилась все более ожесточенной. В 120 г. хунны опустошили области Юбэйпин и Динсян (в Шаньси) и увели много пленных. Пламя войны разгоралось с каждым днем.

Ичисйе-шаньюй допустил крупную ошибку. Разгневанный неудачами на западной части фронта, он — справедливо или нет — возложил ответственность за них на князей родов Хючжуй и Хуньше и решил их казнить. Поняв безнадежность своего положения, Хуньше-князь предпочел измену смерти. Он убил колебавшегося Хючжуй-князя, увлек за собой свой и его народ и перешел на сторону Китая. Всего перешедших было 120 тыс. человек^[286]. Предательство Хуньше-князя радикально изменило положение на фронте. Набеги хуннов на Северо-Западный Китай (Хэси) стали более редкими. Это позволило У-ди снять половину обученных ратников с северо-западной границы и заменить их бедными крестьянами из Гуандуна, которых превратили в военнопоселенцев^[287]. Хорошо обученные войска понадобились предприимчивому императору для осуществления нового плана, который при удаче сулил скорое завершение затянувшейся войны.

БОРЬБА ВЭЙ ЦИНА С ХУННАМИ

У-ди решил поразить шаньюя в самое сердце. Для этого была собрана большая конная армия (100 тыс.?!), с полуторным числом заводных лошадей (140 тыс.) и обозами с продовольствием. В задачу этой армии входило перейти Гоби и захватить ставку шаньюя, как перед этим были захвачены ставки алашаньских князей.

Задачу эту нельзя назвать невыполнимой, так как хуннские кочевья передвигались в кибитках, запряженных волами, т. е. чрезвычайно медленно, и настичь такое кочевье коннице врага было нетрудно. К тому же главное богатство хуннов составляли овцы, а крупный рогатый скот и лошади были на втором месте. Уберечь же от неприятельской конницы отару овец невозможно. Следовательно, появившись в степях Халхи, китайцы надеялись вызвать хуннов на решительное сражение и сокрушить их одним ударом. Однако при неудаче не было никакой надежды спасти армию в таком удалении от границы. Поэтому экспедиция была тщательно продумана и подготовлена.

У-ди не считался с затратами на вооружение, обмундирование и продовольствие, вследствие чего «Серединное государство изнурилось»^[288], но ожидаемый результат должен был покрыть все издержки. В 119 г. китайская армия выступила в поход двумя отрядами под командованием Вэй Циня и Хо Цюй-бина, но сохранить тайну китайцам не удалось.

Пока китайские войска переходили песчаную пустыню Гоби, Ичисье-шаньюй отправил свою кочевую столицу далеко в тыл, а сам с отборным войском стал ожидать врага на северной окраине пустыни. Вэй Цин встретился с ним, произошел бой, который длился целый день, но не дал результатов. К вечеру поднялся сильный степной ветер, который нес густую пыль, слепящую глаза. Стрелять из лука в такую погоду было невозможно, так как ветер отклонял летящую стрелу. Хунны лишились преимущества, которое им давало их искусство в стрельбе, и китайцы этим немедленно воспользовались. Растянув фланги, они окружили хуннов и пошли врукопашную. Шаньюй не растерялся. Лично возглавив отборную дружину из нескольких сот удальцов, он прорвал китайские цепи и, пользуясь темнотой наступающей ночи, оторвался от противника.

Ветер и тьма скрыли расположение обеих ратей. Хуннские воины смешались с китайскими ратниками, и в глубоком мраке ночи происходили кровавые поединки. Большая часть хуннов последовала за шаньюем, но сразу собрать и реорганизовать армию ему не удалось. Число хуннских потерь Сыма Цянь определяет в 19 тыс. человек, но эта цифра, безусловно, неточная — где уж там было считать!

Вэй Цин попытался продолжить наступление и дошел до городка Чжао-Синь-чен, построенного для себя окитаившимся хунном, перебежчиком Чжао Синем. О захвате городка источник не сообщает, но отсюда началось отступление китайской армии. Потеря лошаадьми достигла 100 тыс., а потерю личного состава китайский историк не рискнул показать в своем официальном труде. Вэй Цин одержал победу, но победа была пирровой. Действовавший на востоке Хо Цюй-бин достиг несколько больших результатов. Он разбил восточного чжуки-князя и, по-видимому, захватил его ставку, так как пленных было 70 тыс. человек. После этого хунны очистили Иньшань и отступили за песчаную пустыню, в Халху.

Ухуани вышли из подчинения хуннов и поселились вдоль китайской границы (в Маньчжурии). Китайское правительство немедленно перевело на вновь приобретенные земли 60 тыс. военнопоселенцев. Для орошения полей были проведены каналы; местных кочевников выселяли, чтобы отобрать у них лучшие земли. Оседлость в лице зависимого крестьянина, солдата и чиновника надвигалась на вольного степняка и его родового старейшину. Границей

между Китаем и Хунну стала пустыня Гоби.

УСПЕХИ КИТАЙСКОГО ОРУЖИЯ

Кампания 119 г. так обессилила обе стороны, что ни хунны, ни китайцы не могли продолжать войну. Ичисйе-шаньюй сделал попытку начать мирные переговоры, но китайцы предложили ему стать их пограничным вассалом. Шаньюй счел это оскорблением и задержал посла. У-ди также задержал хуннское посольство и снова начал набор войска и лошадей, но они понадобились ему для другого дела. На западной границе Китая, около горного озера Кукунор, усилились тибетцы. Победа китайцев и захват ими предгорий Алашаня и Наньшаня были для тибетцев столь же неприятны, как и для хуннов. Китайцы же, учитывая всю важность одержанной победы, поспешили укрепить завоеванную территорию, «чтобы преградить хуннам путь к сообщению к кянами»^[289]. Тибетцы немедленно начали войну, и в 117 г. У-ди отправил против них войска, собранные для того, чтобы покончить с хуннами. Хунны получили передышку на 12 лет и, действительно, успели оправиться.

В 112–111 гг. китайским войскам удалось отогнать тибетцев за Желтую реку и ее приток Хуаншуй, но в ответ на это примирились три больших тибетских рода, вступили в союз между собой и, связавшись с хуннами, перешли в контрнаступление. Китайцам понадобилась новая огромная армия, чтобы разбить их, но покорить горцев не удалось. Они отошли на запад и поселились около озера Кукунор, а новая граница легла по горному хребту одной из южных цепей Наньшаня^[290]. Война закончилась в 107 г.

Так путем огромных усилий У-ди разделил северных и южных кочевников. Но это был успех исключительно стратегический: была приобретена страна без жителей, которую должны были постепенно занять китайские военнопоселенцы, однако это мероприятие осталось невыполненным.

В 114 г. умер Ичисйе-шаньюй, и власть перешла к его сыну Увэю. Последний был, по-видимому, человек тихий и невоинственный. У У-ди были развязаны руки на севере, и он обратился на юг. На юге с Китаем граничили два княжества Юе, расположенные в Гуандуне и Индокитае. В 113 г. У-ди покорил их, а голову владетеля Юе в Индокитае вывесил в клетке перед северными воротами императорского дворца^[291]. Менее удачны были походы в страны Суй и Кхун-мин (Бирма), где воинственное население в непроходимых джунглях остановило китайское продвижение.

Победа над Юе окрылила У-ди, и он послал две армии в Халху, но обе вернулись, даже не встретив хуннов.

В 110 г. император устроил смотр своей северной армии. В крепости Шофан было собрано 180 тыс. конницы. Эта демонстрация военной мощи должна была, по мнению У-ди, утратить шаньюя и заставить его признать себя вассалом Китая. Но шаньюй отказался даже обсуждать китайские предложения и отрубил голову церемониймейстеру, допустившему к нему в юрту китайского посла. Вместе с тем хунны не возобновляли войны; боевые лошади отдыхали, ратники занимались охотой на крупного зверя. Это было затишье перед бурей. Но и на этот раз не удалось У-ди двинуться против хуннов. Новые осложнения возникли на востоке и отвлекли его внимание от основной задачи. Возникли трения с северокорейским государством Чаосянь, которое не только принимало китайских политических эмигрантов, но даже переманивало их^[292].

В 109 г. У-ди направил против Чаосяни войска и флот. Корейцы разбили китайцев на суше и на море и вступили в переговоры о почетном мире. Послом со стороны Кореи был наследник престола; он прибыл в китайский стан и был предательски убит. В следующем году война возобновилась. Усиленные подкреплениями^[293] китайские войска обложили столицу Чаосяни с

суши и моря, но генерал и адмирал ссорились и потому успеха не имели. Наконец китайцам удалось переманить на свою сторону некоторых корейских вельмож. С их помощью был предательски убит чаосяньский князь, и Чаосянь подчинилась Китаю. Война закончилась в 108 г. Но, несмотря на ее удачный конец, нельзя было думать о немедленном продолжении серьезной войны с хуннами, так как китайские войско и полководцы показали столь низкие боевые качества, что полководцев пришлось судить, а войско реорганизовать.

В 107 г. закончилась война китайцев с тибетцами, а в 105 г. умер «тихий» Увэй-шаньюй, передав престол молодому и воинственному сыну Ушилу.

История китайских географических открытий сложна и интересна. Мир открывался не только с запада, но и с востока, и имя путешественника Чжан Цяня должно стоять в одном ряду с именами Геродота и Страбона.

До возвышения династии Хань и в начале ее правления китайцам была известна весьма ограниченная территория: собственно Китай от Тибетского нагорья до Желтого моря, прилегающие степи и пустыня Гоби, джунгли к югу от реки Янцзы и Корея. Естественно, что китайцы в то время считали свою страну центром мира.

Толчок к открытию новых земель дала внешняя политика: в поисках союзников для борьбы с Хунну китайское правительство вспомнило о юэчжах, и к ним был послан чиновник Чжан Цянь. Он отправился с одним рабом по имени Тяньи и по выходе за границу немедленно был схвачен хуннами. Десять лет прожил Чжан Цянь у хуннов и, улучив время, бежал на запад в Давань (Фергану). Там он был хорошо принят, так как слава о богатстве и могуществе Китая докатилась до Средней Азии. Ему дали проводника, и он проехал через Согдиану во владение юэчжей. Его дипломатическая миссия не имела успеха, ибо юэчжи не собирались возобновлять войну с хуннами. На обратном пути Чжан Цянь был снова задержан хуннами, но бежал и вернулся в Китай в 120 г. до н. э.

Рассказы Чжан Цяня открыли китайцам новый неизвестный мир. Огромный интерес Китая к западным странам сравним лишь с тем, который возник в Европе после путешествия Колумба. Чжан Цянь рассказывал о горных скотоводах-усунях, о кочевом государстве Кангюй, расположенном в Голодной степи, о Яньцае ^[294] — государстве на отлогих берегах большого северного моря (Каспий), и об Аньси — большом, многолюдном, оседлом государстве (Парфия). Понаслышке Чжан Цянь узнал о богатой западной стране Тяочжи, лежащей на берегу Западного моря (Месопотамия), и о чудесной стране Шеньду, или Инду (Индия).

Китайский император был в восхищении и щедро наградил путешественника. Богатства западных стран сулили огромные возможности для китайской торговли, а храбрость иноземцев была приятна императору, так как их можно было использовать против хуннов.

Был организован ряд посольств в Аньси (Парфию), Яньцай (Сарматия), в Тяочжи (Месопотамия), Шеньду (Индию) и даже в Лигань (Рим). Луций Анней Флор, историк II в. н. э., упоминает в своей «Истории» ^[295] о посольстве серов к Августу, которому даже приписано намерение покорить этот народ ^[296]. Крупные посольства, отправляемые в иностранные государства, состояли из нескольких сот, а малые — не меньше чем из 100 человек. Китайский двор в иной год отправлял более десяти, а в иной — от пяти до шести посольств. Посланники возвращались по прошествии многих лет ^[297].

Путешествия были сопряжены с большими опасностями, так как хунны, тибетцы и южные мани грабили путешественников. Для обеспечения безопасности последних потребовались военные экспедиции и постройка крепостей по караванным путям, что увеличивало расходы. Все-таки китайцам удалось организовать Наньлу — южный караванный путь, который шел мимо озера Кукунор, очевидно, долинами рек Бухаин-Гол и Данхэ, на Хотан и Яркенд ^[298]. Дальше южный путь на западе переходил через Цунлин и выходил к Большим Юэчжи (Бактрия) и Аньси (Парфия) ^[299].

Что такое Цунлин? Переводчик текста карты Н. В. Кюннер дает буквальный перевод: «Луковые горы», и интерпретацию: «Памир» ^[300]. Однако в данном случае под Луковыми горами приходится понимать Алтайский хребет, так как северный путь от Кашгара (Сулэ) на Фергану тоже «переходит через Цунлин» ^[301]. Очевидно, южный путь шел от Кашгара на Ташкурган и

Гилгит, а оттуда — на Сринагар и в современный Таджикистан^[302], а северный — через невысокий перевал, от Кашгара в Ферганскую долину (Давань) и оттуда в Кангюй (современный Казахстан) и Яньцай (прикаспийские степи)^[303].

Северный путь был проложен и освоен позднее южного, только после того, как разбитые хунны отступили за песчаные пустыни Шамо и китайское влияние утвердилось в Хами и Чэши (Турфанская котловина). До Кашгара он шел вдоль южного склона Тяньшаня, где гораздо больше оазисов, чем на юге. Постепенно южный путь оказался заброшенным и потерял былое значение тяжелой, но безопасной дороги. Попытка найти юго-восточный путь в Индию через Аннам и Бирму потерпела неудачу, так как китайцам не удалось подавить сопротивление бирманцев. Только позднее благодаря развитию мореходства китайцы стали попадать в Индию, огибая Малакку^[304].

Посольства на запад отправлялись в течение 150 лет и порядком надоели западным владетелям. Прокорм многолюдных караванов стал тяжелой повинностью, но и китайским послам нередко отказывали в пище. Те же, «томимые голодом, иногда ожесточались до того, что дело доходило до взаимных сшибок»^[305], но разобщенность Западного края выручала китайцев.

Дипломатические путешествия, обогатив китайскую науку, дали возможность китайским ученым составить исторические карты Западного края. Они изданы в виде приложения к указателю третьего тома второго издания «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» Н. Я. Бичурина, но интерпретация этих карт А. Н. Бернштамом неудовлетворительна. Каждая из карт состоит из двух половин: восточной — от реки Эдзин-Гол и озера Кукунор (меридиан 100) до середины Тяньшаня и до Тарбагатай (меридиан 84) — и западной — от 84 до 68 меридиана (долгота Ташкента). На карте нанесены горы (рисунком) и реки (двойной линией), причем довольно точно. Допущена только курьезная ошибка в масштабе: юго-восточный угол нанесен крупно, а по мере удаления масштаб мельчит. Это ошибка перспективы: предметы вдали кажутся меньше близких. В юго-восточном углу изображена часть среднего течения Эдзин-Гола и слияние рек Сулэхэ и Данхэ, впадающих в озеро Харанур. На юге протянута цепь гор — Наньшань и Алтынтаг; на севере соединены Бэйшань и Тяньшань, который назван также Циляншань. Нанесены оба больших озера Лобнор и Баграчкуль и впадающие в них Тарим и Кончедарья. Любопытно, что реки, ныне пересыхающие, показаны полноводными.

Действительно, в древности, когда климат Центральной Азии был более влажным, эта область могла прокормить большое количество населения. Реки аридной зоны, имеющие постоянный характер, не доставляли неприятностей обитателям их берегов. Кроме того, в предгорьях Алашаня и Наньшаня было много озер, хотя отчасти и зараставших камышом, но служивших прекрасными местами водопоя для скота. Озера эти питались горными ручьями и речками, такими, например, как Эдзин-Гол, Сулэхэ и Данхэ. Здесь развивались скотоводство, облавная охота; эти занятия были не очень трудоемки и обеспечивали людей достаточным количеством мясной пищи.

Большую часть Западного края (Сиюй) занимала пустыня Такла-Макан, деля ее пополам: с севера и с юга ее окаймляли цепочки зеленых оазисов, питавшихся водой, сбегавшей с горных цепей. Крупнейшие из этих оазисов: Хотан, Ташкуртан и Яркенд — на юге и Хами, Турфан, Карашар, Куча, Курля, Аксу и Кашгар — на севере. На западе от Яркенда был перевал, который вел в Среднюю Азию, в благословенную Ферганскую долину; от Ташкуртана высокий горный перевал вел в Ваханскую долину и в Афганистан, но этот путь был чрезвычайно труден, дорога шла по горным тропинкам и висячим мостам над пропастями, и поэтому ею редко пользовались. Самый удобный путь на запад проходил через Джунгарские ворота, по северной стороне Тяньшаня. Это была та дверь, через которую Средняя Азия общалась с Казахстаном и Средней Азией, т. е. с западным миром.

После того как влажность в Центральной Азии упала на 100–150 мм, многие степные озера высохли, а ручьи ушли в недра земли под раскаленный щебень и песок пустыни Такла-Макан. Оскудела растительность Алашаньской степи, разбежались уцелевшие звери, и человек уже не мог там жить. Горячие вихри занесли песком руины крепостей и храмов, и теперь некоторые ученые даже не хотят верить, что здесь были цветущие места, где ключом била жизнь.

И ныне песчаная пустыня Такла-Макан — одна из самых страшных в мире. Раскаленные солнцем пески совершенно лишены растительности. Бури поднимают в воздух тучи песка и переносят его на огромные расстояния, резко меняя рельеф местности.

Одной из загадок этой удивительной страны является знаменитая Люкчунская впадина, лежащая ниже уровня моря, в которой расположен Турфанский оазис. Эта впадина открыта одновременно двумя экспедициями — М. В. Певцова и братьев Грумм-Гржимайло. Один из них

так описывал ее: «Нет другого более знойного уголка в Центральной Азии, чем Турфанская область; зависит же это от орографических особенностей этой страны. В Притяньшанье господствуют два ветра: северо-западный, дующий преимущественно зимой и летом, и северо-восточный — осенью и зимой. От первого Турфан защищен снеговым массивом Богдо-ола, второй перекачивается свободно через пониженную часть Тяньшаня. Оттого климат Турфана очень сух и зимой сравнительно очень суров, а летом очень зноен. Крайности континентального климата здесь увеличиваются. Солнечные лучи всей своей силой накаляют горы Туз и Куш-тау и, отражаясь, значительно возвышают летнюю температуру, которая и без того высока благодаря вечно безоблачному небу, чрезвычайной сухости воздуха и отрицательной высоте места» [306]. Разность давления июля и января здесь равна 30 мм, т. е. наибольшая для всего Земного шара, а средняя температура июля очень близка к температуре Сахары. Воды также мало: на всю котловину четыре убогих ручья.

Казалось бы, в этой безотрадной долине не могла развиваться никакая культура. Однако именно здесь существовала цитадель особого восточного варианта среднеазиатской культуры. Г. Е. Грумм-Гржимайло доказал, что первые известные обитатели Турфанской котловины были восточные иранцы [307], вернее согдийцы, знавшие систему кяризного орошения и умевшие оживлять пустыню. До Турфана китайцы смогли добраться лишь во II в. до н. э. и обнаружили там немногочисленный, но самостоятельный народ, который называли чеши. Чеши и их потомкам принадлежит слава создания городов и храмов, которые ныне пленяют археологов. Однако чеши вряд ли обосновались бы в Турфанском оазисе, если бы там был современный климат. О его значительной влажности в прошлом говорит наличие большой высохшей реки и многих также высохших ручьев. Высохли они уже в историческое время, так как на берегу сухого русла стоят развалины буддийского монастыря [308]. Кроме того, Г. Е. Грумм-Гржимайло нашел к югу от дороги между Хами и Пичаном ряд тростниковых займищ, по-видимому, связанных между собой [309]. Приходится признать, что в условиях континентальной Азии климат играл роль гораздо более активную, нежели в прибрежной Европе.

Оседлые земледельцы устраивали свои поселения в небольших оазисах, например, Заднее Чеши у склона Тяньшаня, Пулэй у озера Баркуль и т. е. Дикими и ненаселенными оставались сыпучие пески в Восточной Джунгарии.

Джунгарию и Семиречье китайские географы знали. На уже упомянутой китайской карте Сиюй (Западный край) изображен относительно точно. На север от Тяньшаня, в Джунгарии, показаны реки Манас и Урунгу, но монгольского Алтая нет. На своем месте озеро Баркуль. На левой половине карты отмечены довольно точно притоки Тарима: Хотандарья, Яркенддарья, Кашгардарья и др. Показано скопление гор на месте Памира и там же истоки большой реки, очевидно, Пянджа, но продолжения его нет. К югу от Памира изображен, по-видимому, исток Инда, но весьма неточно. Западный Тибет не был изведен китайцами. Хребет Цунлин отмечен дважды. Он тянется в широтном направлении и по расположению соответствует Алаю. Хотя Ферганская долина (Давань) отмечена, но Сыр-Дарья почему-то нет. Чу показана вытекающей из озера Иссык-Куль. Ныне эта река теряется в песках, а на карте в этом месте помечено большое озеро. Река Или совершенно правильно показана впадающей в Балхаш. Этими пределами ограничивались сведения китайского картографа.

Что знали об этом крае западные географы? В «Географии» Птолемея содержатся сведения о «Скифии Заимайской», «Серике» и «Земле Саков», касающиеся тех самых территорий, которые описаны китайцами под названием Сиюй [310]. Подобно китайскому картографу, Птолемей допустил одну ошибку; он считал, что Яксарт (Сыр-Дарья) вытекает с Памира (Комедских гор), и поэтому загнул истоки Яксарта к югу, а Памир передвинул на запад,

вследствие чего у него получился разрыв между Памиром и Имайскими горами, отделяющими восточную половину Средней Азии от западной^[311]. Только эта ошибка отличает его карту от современных. Названия географические и этнографические у греков и китайцев звучат по-разному, но поддаются отождествлению. В. В. Григорьев удачно сопоставил названия: Хата и Хотан, Сага и Согюй (Яркенд), Хаса и Кашгар (хотя в китайской географии это название появляется только в VII в. н. э.), область Ауксайская и Аксу (китайское Вынь-су). Опираясь на эти отождествления, В. В. Григорьев установил, что Исседон Серский соответствует городу Юйтянь, т. е. Хотану, Исседон Скифский — Куче, А Дмана — Карашару. Ему же принадлежит приоритет в сопоставлении фрунов Страбона и Дионисия Периегета и фруров Плиния с тибетцами-кянами, а ифагуров — с тохарями^[312]. По-видимому, совершенно правильно отождествление народа конеедов, помещенного Птолемеем к северу от Ауксайских гор (Тяньшаня), с усунями.

Совокупность сведений восточных и западных авторов позволяет нам восстановить этнографическую и политическую карту бассейна Тарима с достаточной для историка точностью^[313]. Край был населен очень редко. Оазисы, отделенные друг от друга пустынями, жили обособленной жизнью. До тех пор, пока китайцы не проложили Великий караванный путь, в Западном крае общение было затруднено. Это усугублялось еще этническим многообразием: кочевые племена были тибетского происхождения, полукочевые — жунского, оседлые земледельцы — тохары — говорили на индоевропейском языке, сходном с фракийско-фригийским и армянским, но на двух весьма несходных диалектах — северном в Турфане и южном в Куче и Карашаре. Тохарские тексты писались индийским алфавитом — брахми. В Хотане и прилегающих к нему с востока предгорьях Алтынтага говорили на архаическом восточноиранском языке, близком к сакскому^[314]. Китайцы считали, что хотанцы похожи на них^[315], а тохаров относили к иному физическому типу, т. е. к европеоидам^[316]. Такое этническое, языковое и культурное разнообразие мешало объединению страны, делало ее легкой добычей как для кочевой державы хуннов, так и для растущей китайской империи. Это учел и использовал император У-ди.

Глубокий перелом, который произошел при У-ди во внешней и внутренней политике Китая, был подготовлен всей историей предыдущих лет и определил катастрофу, наступившую через столетие. Он коснулся всех сторон жизни, но отчетливее всего дал себя знать в области идеологии и внешней политики.

Мы уже видели, что реакция против централизаторской политики Цинь Ши-хуанди помогла династии Хань захватить престол. Ее первые представители осуществили чаяния своих сторонников. В качестве официальной идеологии была принята так называемая философская система Хуан-Лао — органическое сочетание воззрений, приписанных Хуан-ди — легендарному правителю древнейшего Китая, и великого Лао-цзы^[317]. Идеал этой системы был чисто эвдемонический — счастье человека, но оно мыслилось как приближение к покою, самодовольству и самоусовершенствованию. Во внешней политике это означало отказ от наступательных войн, во внутренней — сокращение числа законов, уменьшение налогов и терпимость к инакомыслию. Наиболее почетным членом общества, согласно Хуан-Лао, считался крестьянин. Именно его интересы предполагалось охранять, но, разумеется, императорская фамилия не забывала и себя. В соответствии с этими установками император Вэнь-ди (179–156 гг.) отменил привилегии ванов — феодальной аристократии, и власть была сосредоточена в руках государственных чиновников.

Но именно эта группа населения была враждебна духу Хуан-Лао. В самом деле, при свободе и экономической независимости населения чиновнику негде было развернуться. Все успешно развивалось: сельское хозяйство и ремесло, искусство и наука^[318], религия и магия, и все уходило из-под государственного контроля. Правительство знало, что в стране таятся колоссальные силы, но не могло мобилизовать их на решение государственных задач. А задачи возникали, и рост национального богатства увеличивал необходимость поисков решений. Легкие победы на юге, востоке и западе окрылили У-ди и его окружение. В то самое время, когда на Западе Сципион и Марий железной рукой построили «рах Романа», на Востоке совершенно самостоятельно возникла идея установить «рах Sinica». Тут система Хуан-Лао оказалась не только негодной, но прямо вредной.

Как только ощутилась необходимость в мобилизации ресурсов, была отброшена традиция Лао-цзы, который считал финансовую деятельность правительства общественным злом: «Народ голодает оттого, что слишком велики поборы и налоги»^[319]. Китайское правительство обратилось к системе Кун-цзы. Дело в том, что кадры чиновников вербовались из людей образованных, а китайская интеллигенция издавна была в орбите конфуцианских идей. К тому же учение о священном долге служения государству как нельзя более отвечало настроениям правительства. У-ди запретил все философские системы, кроме конфуцианства, и одновременно начал борьбу против старых религиозных традиций. Он увеличил налоги — на полученные доходы содержалась большая армия, умножил число законов. Жизнь населения ухудшалась. Возросло количество преступников, которых под названием «молодые негодяи» отправляли служить в армию.

Вместо астрологии начала развиваться история. Проводились поиски старых книг, комплектовались библиотеки, для них составлялись обширные каталоги, началось критическое изучение и сличение текстов. История — краеугольный камень конфуцианства, ибо она воспитывает национальную гордость и патриотизм. Начали поговаривать о возвращении к системе колодезных полей и налоге на богатых, но это У-ди не решился осуществить. Еще резче был поворот во внешней политике и военном искусстве, но об этом ниже.

У-ди имел сторонников в лице легистов, которые указом 141 г. до н. э. лишены были права служить на государственной службе^[320], однако сумели перестроиться и найти для себя применение. «На грани II и I вв. до н. э. у власти стоял Сан Хун-ян со своими приспешниками. Это был легист новой формации»^[321]. Его клика по-своему использовала древний экономический трактат «Гуань-цзы», в котором предлагалось уничтожить все налоги на население, заменив их правительственной монополией на соль и железо. Сан Хун-ян и его сторонники в целях обогащения казны сохранили всю систему обложения, добавив к ней доходы от соли и железа^[322]. Это вызвало оппозицию со стороны ортодоксальных конфуцианцев, уже после смерти У-ди нашедшую отражение в диспуте «Об управлении соли и железа». Диспут состоялся в 81 г. до н. э., после того как неумеренная погоня за прибылями привела к тяжелому экономическому кризису.

Победа над хуннами сулила Китаю значительное политическое и экономическое усиление^[323], и деньги для этого изыскивались всеми способами.

Существует мнение, что внешняя политика У-ди «отвечала интересам рабовладельцев и развившегося товарного производства»^[324]. Китайские ученые Го Мо-жо и Фань Вэнь-лань отрицают наличие рабовладельческого строя в ханьское время, но признают, что рабов в Китае было много — как казенных, так и частных. Использовались они главным образом как прислуга. Раб стоил больше, чем вол, но дешевле коня^[325]. Го Мо-жо указывает, что ряды рабов пополняло разоренное крестьянство, продававшее своих детей купцам, ростовщикам и крупным землевладельцам^[326]. Конечно, наряду с китайцами рабами становились военнопленные, например хунны, однако реляции о военных успехах не говорят о значительных захватах людей. В самом деле, насколько легко было отбить стадо тихоходных баранов, настолько трудно было захватить верховых пастухов. Го Мо-жо отмечает, что захват хуннов в плен расценивался как заслуга, за которую прощалось преступление, влекшее смертную казнь^[327].

Признавая войны императора У-ди наступательными, мы считаем, что они возникли в результате усложнения политической ситуации, определявшейся бурным развитием экономических возможностей Китая. Если бы накопленные в Китае силы не были направлены вовне, то они могли бы проявиться стихийно внутри страны. Почва для сепаратизма в стране с натуральным хозяйством есть всегда. Разнообразие философских систем, т. е. мировоззрений, усиливало рознь, и честолюбцы не могли использовать ситуацию в своих целях. Если бы У-ди не затеял внешние войны, в Китае могли возникнуть внутренние; если бы «молодые негодяи» не отправлялись в далекие походы, они совершали бы преступления у себя дома. Путь завоеваний был подсказан той самой логикой событий, которая раньше обеспечила победу миролюбивой идеологии Хуан-Лао. И надо признать, что У-ди не заблуждался, считая свои силы огромными. Но правильно ли он оценил своего противника, покажет дальнейшее изложение событий.

VIII. «Небесные кони»

Несмотря на успехи, достигнутые на юге (Индокитай) и на востоке (Корея), У-ди должен был признать, что главная проблема — хуннская — отнюдь не разрешена. Колоссальным напряжением сил была создана полевая армия; она одерживала победы, захватывала пленных, покоряла земли, но хуннская держава была по-прежнему неуязвима и в любой момент могла перейти в контрнаступление. Причин к этому было несколько, и одна из них лежала в военной технике Китая. Для полевой войны У-ди создал большое конное войско, но китайская лошадь, малорослая, слабосильная, тихоходная и маловыносливая, не могла равняться с крепкой неприхотливой хуннской лошадейю.

Военная тактика в I в. до н. э. переживала настоящую революцию. На западе парфяне и сарматы ввели в употребление тяжелую кавалерию. Тело всадника и коня покрывал чешуйчатый панцирь, голову защищал высокий остроконечный шлем. Всадник получал на вооружение длинную тяжелую пику и двуручный меч. Воины, вооруженные таким образом, строились в линию и сметали толпы легковооруженных противников. Так, сарматы легко расправились со скифами в черноморских степях, а парфяне остановили продвижение римских легионов, отбросив их от Тигра к Евфрату. Но для того, чтобы иметь такое войско, нужно было приобрести соответствующих лошадей. Чжан Цянь рассказал императору У-ди, что в стране Давань (Фергана) есть «добрые лошади (аргамаки), которые происходят от небесных лошадей и имеют кровавый пот». Происхождение их описывается следующим образом: «В даваньском владении находятся высокие горы. На этих горах водятся лошади, которых невозможно достать: почему выбирают пятишерстных, т. е. пестрых, кобылиц и пускают при подошве гор — для случки с горными жеребцами. От сих кобылиц рождаются жеребята с кровавым потом, и посему называются жеребятами породы небесных лошадей»^[328]. У-ди решил во что бы то ни стало добыть из Давани жеребцов-производителей и развести в Китае «небесных лошадей».

Но даваньцы сами весьма ценили аргамаков и отнюдь не стремились снабжать ими Китай, которого они не без основания опасались. Повышенный интерес Китая к западным странам показался там весьма подозрительным. Сначала китайские посольства комплектовались почтенными чиновниками, а потом в них стали набирать людей «без разбора состояний», что вело к расхищению подарочных вещей^[329]. Местные жители принимали их недружелюбно^[330]. Летучие отряды хуннов то и дело нападали на посольства. Престиж Китая, столь необходимый ему, падал.

Чжан Цянь представил императору остроумный план борьбы с хуннами: он предложил привлечь на сторону Китая усуней, опираясь на них, «склонить в подданство Дахя (Бактрию) и другие владения на западе» и этим отсечь «правую руку у хуннов»^[331]. Но усуньи по образу жизни определенно тяготели к Хунну, а согдийские владельцы несравненно приветливее принимали хуннских послов, нежели китайских. Для того чтобы подействовать на них, Китаю необходимо было продемонстрировать военную мощь, а для этого нужно было добыть в Давани «небесных коней». Создавался порочный круг.

В 105 г. китайский посол Че Лин пытался приобрести за золото и серебро несколько жеребцов, но получил категорический отказ. В досаде он обругал даваньских старейшин, «толкнул золотого коня» и ушел. Оскорбленные даваньцы напали на его караван, вырезали посольство и овладели товарами. Тогда У-ди перешел к решительным действиям.

После ухода Хуньше-князя степи между Ордосом и Лобнором оставались пустыми. Хотя верховная власть здесь принадлежала китайцам, они не имели средств для ее поддержания и обуздания хозяйничавших там тангутов. Базой последних было небольшое полузависимое (от

Хунну) княжество Шаньшань, расположенное неподалеку от юго-восточного берега озера Лобнор. Шаньшань было владение маленькое, всего 14 100 душ, из них 2912 человек строевого войска, но жители его считали грабеж караванов нормальным источником дохода. Китайский посол Ван Кай был ограблен шаньшаньцами, и это побудило У-ди принять меры против них. В 108 г. полководец По-ну с конницей из зависимых владений пошел против княжества Гуши (Чеши). По дороге с отрядом из 700 легковооруженных всадников он завернул в Шаньшань и захватил его владетеля. В Китае владетелю сделали выговор и отпустили, с тем чтобы он отдал сына в заложники и заплатил дань. Хунны, узнав об этом, поставили в Шаньшани гарнизон и взяли в заложники другого сына владетеля. У-ди вызвал к себе для объяснений злосчастного владетеля, а тот сказал: «Небольшое государство, находящееся между двумя сильными державами, если не будет подчиняться обоим, не сможет наслаждаться спокойствием». У-ди посмеялся и отпустил его, не сочтя Шаньшань достойным завоевания.

Княжество Гуши, расположенное в плодородной долине, было связано с Хунну тесными экономическими узами. Хунны отсюда черпали необходимые им предметы ремесла и продукты земледелия и рассматривали Гуши как свой опорный пункт в Синьцзяне. После разгрома Гуши военачальником По-ну оно сменило название на Чеши; это, видимо, означало смену династии. Однако удерживать завоеванные земли китайцы не могли. Цель у них была одна: поднять свой престиж, нагнать страх на Усунь и Давань ^[332]. После военных мероприятий У-ди перешел к дипломатическим: старый опытный Чжан Цянь был направлен послом в Усунь. Он предложил престарелому гуньмо (титул усуньского правителя) взять в жены китайскую царевну и переселиться в очищенные от хуннов земли на правах китайского вассала. Гуньмо царевну принять согласился, но от переселения с цветущего Тяньшаня в голую Алашаньскую степь категорически отказался. Во время пребывания в Усуни Чжан Цянь увидел, что среди усуньской знати нет ни дисциплины, ни единомыслия. Средний сын гуньмо, Далу, ненавидел наследника престола, своего племянника, и дряхлый гуньмо выделил им обоим по 10 000 конницы в удел. Это вызвало в стране беспорядки, но пока старый гуньмо был жив, они не перерастали во внутренние войны.

Усунь была стратегически необходима и для китайцев, и для хуннов. В 107 г. специальное посольство привезло китайскую княжну (которой был пожалован титул царевны) с колесницами, туалетами, евнухами, чиновниками и служанками. Одновременно прибыла дочь хуннского шаньюя с юртами, баранами, свитой и подружками. Гуньмо взвесил все и принял хуннскую царевну старшей, а китайскую — младшей женой. Китайка видела своего мужа раз в три месяца; гуньмо пировал у нее, принимал подарки и больше не интересовался ею. Наконец он выдал ее замуж за своего внука. Бедняжка возмутилась, но из Китая пришел приказ поступать по обычаям страны. Родив новому супругу дочь, китайская царевна умерла от тоски по родине. Но и после ее смерти продолжала существовать образовавшаяся прокитайская группировка, которая поддерживала планы У-ди на западе. Как база для задуманного предприятия была построена крепость Юймыньгуань (на западном конце Великой стены).

Вступивший на престол в 105 г. шаньюй Ушилу «был молод и склонен к буйству и войне»^[333]. У-ди прислал к нему посольство для утешения после смерти отца и одновременно послал другое посольство к западному чжуки-князю, «предполагая сим поселить несогласие» среди хуннских князей. Но второе посольство также было доставлено к новому шаньюю, интрига раскрылась, и разгневанный шаньюй задержал послов. Это был повод к возобновлению военных действий, однако китайцы были заняты на западе, а силы хуннов подкосила многоснежная зима, вызвавшая падеж коней. Этой задержкой воспользовались некоторые хуннские вельможи, сторонники соглашения с Китаем. Вот когда начали сказываться последствия увлечения китайской роскошью, дележа награбленных товаров и привычки к винам, лакомствам и пряностям.

Во главе прокитайской партии стал восточный великий дуюй. Он отправил в Китай лазутчика и сообщил, что хочет убить шаньюя и перейти на сторону Китая, но приступит к исполнению этого плана не раньше чем ему пришлют войско для поддержки.

У-ди ухватился за это предложение, и немедленно в степи была поставлена крепость Шеусянчен — база для предполагаемого похода. Весной 103 г. полководец По-ну с 20-тысячным войском выступил из Ордоса и в обусловленный срок пришел к горам Сюньги (в Бэйшане) для встречи с великим восточным дуюем, но было уже поздно: заговор был раскрыт, и дуюй казнен. Хунны окружили китайский корпус. В поисках воды По-ну ночью выехал из лагеря и был схвачен хуннским разъездом. Вслед за тем хунны напали на деморализованное потерей вождя китайское войско и принудили его к сдаче. Ушилу немедленно перешел в контрнаступление. Часть его армии осадила Шеусянчен, но хунны не умели брать крепости и быстро сняли осаду; другая часть совершила набег на пограничные районы Китая и, ограбив их, беспрепятственно ушла. Казалось, возвращались времена Модэ и Лаошаня. Ушилу начал приготовления к осаде и ликвидации крепости Шеусянчен, но внезапно заболел и умер, оставив младенца-сына. Тогда «хунны шаньюем поставили Гюйлиху», дядю Ушилу-шаньюя^[334], который был так же враждебен Китаю, как и его племянник.

ПЕРВЫЙ ПОХОД В ДАВАНЬ

У-ди был человеком упорным, и возросшая активность хуннов не отвлекала его от разрешения западной, согдийской, проблемы. Убийство посла нельзя было оставить без внимания, лошадей добыть было также необходимо. Военные возможности Согдианы расценивались китайцами весьма низко. Один из бывших там посланников в докладе императору заявил, что «если послать 3 000 китайских войск, вооруженных тугими самострелами, то они завоюют всю Давань»^[335].

Уверенность в слабости противника была причиной того, что подготовка к экспедиции велась с изумительным легкомыслием. Начальником был назначен Ли Гуан-ли, родственник фаворитки императора. Войско состояло из иноплеменной пограничной конницы (6 тыс.) и нескольких десятков тысяч китайских «молодых негодяев». Часть войска, укомплектованная этими преступниками, была вовсе не обучена и не подготовлена к походу. О снабжении солдат тоже не позаботились, полагая, что «молодые негодяи» сумеют сами себя прокормить. Целью похода было достижение города Эрши (Ура-Тюбе) в Ферганской долине и добыча там аргамаков. Неудачи начались еще до выступления за границу. Весной 104 г. налетела саранча, которая уничтожила всю траву от Шаньси до Дуньхуана. Надежда на подножный корм не оправдалась, и кони отощали в самом начале похода.

Когда китайская армия вступила в пределы области свободных городов, то все они заперли ворота и отказались отдать свои запасы хлеба и винограда на пропитание «молодых негодяев». Томимые голодом китайцы начали осаждать один город за другим, но для того чтобы захватить амбары, они должны были сломить отчаянное сопротивление жителей. Жители еще не взятых городов, узнав о приближении врага, бежали в горы, оставляя в добычу китайцам пустые глиняные мазанки. Недоедание и утомление уменьшили численность китайской армии, и когда Ли Гуан-ли подошел к городу Ю (Узген), в котором был убит посол, у него оставались лишь несколько тысяч боеспособных солдат. Ю взяли приступом и вырезали большую часть населения, но о дальнейшем продвижении не приходилось и думать. Обратный путь был не менее тяжелым, и на родину, в Дуньхуан, вернулась лишь пятая часть людей, еле живых от голода и усталости. Поход продолжался два года (104–103 гг. до н. э.).

ВТОРОЙ ПОХОД В ДАВАНЬ

У-ди был крайне разгневан неудачей западного похода. Он объявил, что каждый воин, осмелившийся вернуться в Юймынь (т. е. в пределы Китая), будет обезглавлен. В совете министров предлагали бросить даваньскую затею, а все силы двинуть против хуннов, но У-ди, опять-таки из соображений престижа, приказал готовить новый поход.

Для начала он простил вернувшихся воинов, ждавших под стенами крепости дальнейших приказов, и предал суду советников, рекомендовавших воздержаться от похода. Затем в Дуньхуан была направлена пограничная конница и пополнение из «молодых негодяев». Через год на запад выступила 60-тысячная армия, в изобилии снабженная оружием и продовольствием, Запасы армии везли на 100 тыс. быков, 30 тыс. лошадей и 10 тыс. ослов^[336]. В армию также были взяты мастера для осадных работ и коневоды для отбора жеребцов. Для предохранения армии от фланговых ударов хуннов были специально построены и снабжены гарнизонами две крепости, прикрывавшие степь между Ордосом и Лобнором. 180-тысячная армия вела действия против хуннов и парализовала их.

Гюйлиху-шаньюй, конечно, узнал о попытке китайского императора проникнуть в Согдиану, находившуюся до сих пор в сфере хуннского влияния. Он не мог с этим примириться и стремился помешать вторичному западному походу^[337]. У-ди, со своей стороны, предугадал планы врага и заблаговременно к ним подготовился. По предписанию китайского двора была выдвинута в степь укрепленная линия протяженностью в тысячу ли (около 500 км). Она состояла из земляного вала с крепостями и караульными помещениями, при которых находились башни (в форме усеченной пирамиды) для сигнальных огней.

Это не помешало хуннам осенью 101 г. ворваться в Китай, произвести грабежи и убийства, угнать несколько тысяч пленных и на обратном пути разорить все крепости и притины (сторожевые вышки), построенные китайцами. Опять огромные затраты китайской империи пошли на ветер, но все-таки уничтожение ее линии укреплений отвлекло хуннов от прямого вмешательства в западный поход. Зимой они опять пробовали осаждать Шеусянчен. В это время Гюйлиху-шаньюй заболел и умер. Военная партия хуннов лишилась своего главы.

Даваньский владетель Мугуа и его приближенные также недооценили силу и энергию Китая. «Китай удален от нас, — говорили они, — на севере угрожают им набеги хуннов, на юге недостаток в траве и воде, сверх сего, по малонаселенности около дороги, части нуждаются в съестных припасах. Китайский посланник имеет при себе свиту из нескольких сот человек и всегда терпит недостаток в пище, так что более половины людей погибает от голода. Каким же образом большое войско может дойти сюда?»^[338] Ли Гуан-ли учел опыт предыдущего похода и направил свое войско двумя дорогами: северной и южной. Южная дорога шла от озера Лобнор на Хотан, Яркенд и оттуда на Фергану. Путь этот был тяжок: по левую сторону высились зубцы Алтынтага, по правую — расстилались пески пустыни Такла-Макан. Поселений по пути было мало, мало было и травы, но эта дорога была безопасна, хунны не могли добраться до нее. Северный путь шел от Хами через Карашар и Кучу на Кашгар вдоль южных склонов Тяньшаня. Здесь оазисы были богаче и многолюднее, но надо было все время опасаться нападения хуннов.

Размах предприятия так поразил воображение владетелей княжеств, расположенных на пути армий, что они предпочли собрать для китайцев провиант, не вступая в конфликт. Только город Луньту (Бугур, в 680 ли к западу от Карашара) запрямылся. Он был взят приступом, и все жители убиты.

После этого китайцы спокойно добрались до Давани. Даваньцы выступили им навстречу, но были разбиты и укрылись за стенами своей столицы, которую китайцы называли Гуйшан^[339] (Кушан). Ли Гуан-ли немедленно приступил к осаде. Китайские инженеры отвели воду, и согдийцы стали страдать от жажды. После сорокадневной осады китайцы проломили внешнюю стену и ворвались в город. Многие предводители даваньцев пали в битве или попали в плен; в числе их был сам Мугуа. Остальные заперлись в цитадели и вступили в переговоры с китайцами. Они предложили выдать аргамаков и снабдить войско съестными припасами, но с тем чтобы китайцы ушли. В противном случае они угрожали перебить аргамаков и биться насмерть, ожидая помощи из Кангюя.

Действительно, передовые разъезды кангюйцев уже начали появляться вокруг китайского лагеря, и затягивать дело было неблагоразумно. К тому же Ли Гуан-ли получил сведения, что в крепости есть инженеры из Дацинь (Рим и Греция), умеющие копать колодцы, и что там много съестных припасов. Взвесив все обстоятельства, китайцы приняли условия: взяли несколько десятков аргамаков и 300 кобыл, назначили даваньским правителем вельможу Моцая и пошли в обратный путь.

Вторая колонна действовала менее успешно. Тысячник Ван Шэнь-шэн подошел к городу Ю, у которого с китайцами были старые счеты, и потребовал продовольствия. Жители города в сумерки напали на китайцев и уничтожили весь отряд. Только несколько человек спаслись и бежали к Ли Гуан-ли. Он немедленно направил туда карательный отряд, который взял Ю. Владетель убежал в Кангюй, но был выдан китайцам и убит. Кангюй стремился избежать конфликта. Престиж китайского оружия был восстановлен. Все мелкие владетели на пути следования китайской армии отправили заложников в Китай. Усуньский гуньмо выставил 2 тыс. всадников, но не решился на войну. В Китае праздновали победу, и десять посольств были разсланы для разглашения ее по всему свету. Ли Гуан-ли получил княжеское достоинство и титул «Эршиский полководец», Поход закончился в 101 г. до н. э. Любопытно отметить, что в 101 г. впервые столкнулись Эллада и Китай, ранее лишь слышавшие друг о друге. Мы не знаем, кто были «дациньские» инженеры, копавшие колодцы в осажденном Гуйшане. Скорее всего это были всюду проникавшие греки, в лице которых китайцы натолкнулись на далекий западный

мир.

Поход в Давань обошелся Китаю очень дорого. Из 60 тыс. человек, вышедших в поход в 102 г., вернулась в 101 г. 10 тыс., а из 30 тыс. лошадей — всего тысяча. И это несмотря на то, что армия была полностью снабжена и в сражениях не было больших потерь. Предводители и чиновники не жалели воинов и в походе все отнимали у них, отчего много людей погибло ^[340]. Взятничество, поборы и притеснение народа бюрократией подрывали мощь Ханьской династии. Результаты похода оказались крайне скромными, несмотря на все усилия правительства раздуть их. Немедленно по уходе китайского войска из Давани ставленник Китая Моцай был убит «с общего согласия», и на его место был возведен брат погибшего Мугуа — Чань Фын. Китайцам пришлось согласиться с этим и признать нового владетеля ^[341]. Напуганные походом Ли Гуан-ли, владетели Западного края признавали власть Китая, и китайские военнопоселенцы и чиновники появились в Бугуре и Кюйли ^[342], но удержать северный путь китайцы не сумели: их немедленно вытеснили хунны. В руках Китая остался южный путь, который у него никто не оспаривал.

Новые приобретения имели только стратегическое значение, так как линия крепостей отрезала хуннов от кянов и малых юэчжей ^[343], но потери не оправдывали результатов ^[344]. Главным врагом Китая по-прежнему оставались хунны. Хотя полевая армия китайцев нанесла им много поражений и оттеснила их от границ страны, живая сила противника оставалась грозной, и смертельный поединок еще не окончился. Между тем в самом Китае было неблагополучно. Войны поглощали огромные средства, повинности и налоги возрастали. Все расходы правительства ложились на плечи крестьян. Крестьяне разорялись, что влекло за собой увеличение преступности. «К сему присоединились неурожайные годы, возникли разбои, и дороги сделались непроходимыми» ^[345]. Как уже отмечалось, пополнение в войска набиралось среди преступников, что понижало дисциплину армии, а следовательно, и ее боеспособность. Китайские политики впоследствии невысоко расценивали деятельность У-ди, отмечая, что, несмотря на все напряжение сил, империя не одержала окончательной победы и не прекратила бедствий войны ^[346]. А тем временем хунны копили силы и готовили ответный удар.

НЕУДАВШИЙСЯ ЗАГОВОР

В то время когда У-ди тратил силы в борьбе на юге, востоке и западе, хуннские полководцы готовились к бою. Для них не было секретом, что главная цель китайского императора — сокрушение их могущества. Талантливый и энергичный вождь хуннов Гюйлиху-шаньюй неожиданно умер, и наследником престола опять оказался младенец, внук покойного. Но время требовало энергичного правителя, и хуннские старейшины вернулись к старой системы выборов. В 101 г. был избран один из низших принцев крови — младший брат великого восточного дуюя — Цзюйдихэу.

Став шаньюем, Цзюйдихэу сделал попытку договориться с У-ди. Он отпустил всех задержанных послов, пожелавших вернуться. Тогда У-ди послал посольство с богатыми дарами и предписанием принять шаньюя в подданство. Но когда китайское посольство появилось в ставке шаньюя, то весь церемониал приема показал, что о подданстве не могло быть и речи; шаньюй хотел паритетного договора «мира и родства». Переговоры были прерваны. В неудаче переговоров китайские послы обвинили Вэй Люя, фаворита и фактического главу правительства Цзюйдихэу-шаньюя. Вэй Люй был хунн, воспитанный в Китае. Однажды, когда он был отправлен в Хунну как член китайской дипломатической миссии, он поддался голосу крови и, порвав связи с Китаем, вернулся к своему народу. Так как он хорошо знал Китай и был значительно более образован, чем его сородичи, то быстро сделал блестящую карьеру и оставался до конца своих дней первым советником хуннских владык. Разумеется, он не был согласен на мир, предложенный Китаем, так как одним из условий этого мира была выдача перебежчиков.

Раздраженные провалом переговоров, члены китайского посольства попытались организовать заговор в среде хуннской знати. Целью было убийство Вэй Люя и похищение умной и энергичной жены шаньюя, чтобы тем самым заставить последнего принять китайские условия. Но заговор был раскрыт. Возмущенный шаньюй приказал казнить непосредственных участников, а прочим членам китайского посольства было предложено для сохранения жизни вступить в хуннское подданство, «добровольно» отрекшись от своей родины. От этого предложения отказался только один глава посольства Су У, вследствие чего он упоминается в позднейшей китайской литературе как образец верности и мужества. Однако хунны его не казнили, но отправили в далекую ссылку в Сибирь. Там он бедствовал 19 лет, пока не дал знать о себе в Китай, где его уже считали погибшим. По легенде, он написал письмо на крыльях перелетного гуся, которого в Китае подстрелил охотник, и, когда письмо было доставлено ко двору, император добился возвращения пленного посла.

Провал посольства привел в ярость У-ди, и снова вспыхнула война^[347].

КАПИТУЛЯЦИЯ ЛИ ЛИНА

В 99 г. полководец Ли Гуан-ли выступил в поход с 30 тыс. конников. У восточных отрогов Тяньшаня, около озера Баркуль, он напал на ставку западного чжуки-князя и захватил множество пленных: стариков, женщин и детей. На обратном пути хунны окружили его войско, и ему пришлось, бросив добычу, пробиваться сквозь окружение. Во время отступления Ли Гуан-ли потерял 7 тыс. человек убитыми и едва спасся. Поход нельзя было считать удачным. Другой полководец, вышедший в степь, вообще не нашел хуннских кочевий и вернулся ни с чем. Третий — Ли Лин — с 5 тыс. отборной пехоты дошел до гор Сюньги и попал в окружение. Сам шаньюй с 30 тыс. конных стрелков атаковал лагерь Ли Лина. В рукопашной схватке «молодые негодяи» одержали победу, хунны были отброшены, но шаньюй подтянул новые войска. Ли Лин начал отступление на юг. Китайцы шли по безводной степи; хуннские всадники настигали их; пернатые стрелы с пронзительным свистом мелькали на солнце и находили все новые и новые жертвы. Китайцы, подбирая хуннские стрелы, стреляли с колена, и часто хуннские кони с подстриженными гривами уносились в степь с опустевшим седлом. Бой шел несколько дней, но каждый шаг приближал китайцев к границе, сулившей им жизнь и свободу.

Шаньюй, видя стойкость китайцев, опасался, что они заманивают его в засаду, но когда один офицер из китайского арьергарда отстал, был схвачен хуннами и на допросе сообщил шаньюю, что отряд Ли Лина одинок, хунны усилили нападение. Китайцы издержали все стрелы, и Ли Лин, видя невозможность дальнейшего сопротивления, отдал последний приказ: «Спасайся кто может», — а сам сдался хуннам или, может быть, был настигнут ими и обезоружен^[348].

Цзюйдихэу показал себя не только умным политиком и храбрым полководцем, но и благородным человеком. Он не убил Ли Лина, а женил его на своей дочери, дал ему в управление область и племя хагасов и наградил титулом западного чжуки-князя^[349]. Ли Лин стал служить верой и правдой новому господину. На родине его ждала казнь, он был осужден заочно по китайскому закону, приравнивавшему сдачу в плен к измене. Потомки Ли Лина и хуннской царевны правили наследственно у хагасов. С этого времени среди хагасов появились черноволосые и черноглазые люди; хагасы считали их потомками Ли Лина. Дворец Ли Лина обнаружен нашими археологами в Минусинской области: это небольшое строение китайской архитектуры, дверные ручки изображают рогатых демонов и сделаны довольно искусно^[350].

Капитуляция произвела в Китае удручающее впечатление. Император распорядился произвести расследование и покарать виновника. Казалось бы, отвечать должен был главнокомандующий, т. е. Ли Гуан-ли Эршиский, но благодаря своим придворным связям последний отвел от себя опалу и к смерти приговорили мать Ли Лина^[351]. За старушку вступился ученый Сыма Цянь, попытавшийся доказать невиновность ее сына и безвыходность его положения, но этим он бросил тень на Ли Гуан-ли, о чем и повествует он сам: «Просвещенный государь не понял меня, решив, что я желаю испортить карьеру полководцу Эрши и выступаю в роли наемного ходатая Ли Лина. И вот меня предали суду... Сочли, что я обманул царя»^[352]. Историка присудили к кастрации и тюремному заключению. Это случилось в январе 98 г.

Однако через два месяца Сыма Цянь был не только освобожден, но и назначен чжуншулином, т. е. правителем императорской канцелярии, с правом входить в любое время с докладом к императору. Это было огромное повышение. Надо полагать, что не только личные достоинства Сыма Цяня были причиной такого радикального изменения его судьбы. Очевидно, при дворе была группа, связанная с ним и враждебная фамилии Ли Гуан-ли. При любом дворе

идет борьба клрик за влияние, и вряд ли китайский двор представлял исключение. Помимо этих общих соображений, можно предположить следующее: среди придворных У-ди была заметна борьба идеологических течений — воинственных конфуцианцев и вдумчивых последователей Лао-цзы. Сыма Цянь был из числа последних. Он, принимая деятельное участие в литературной полемике с конфуцианцами, ядовито отмечал: «У конфуцианцев слишком обширная ученость, но недостаточное проникновение в сущность явления, и в результате нужно затратить много труда, чтобы понять их, но успех будет небольшой»^[353]. В противовес он выставлял принципы Лао-цзы и восхвалял их: «Дао мутнее мутного, темнее темного, но оно озаряет сиянием всю Поднебесную и во всех проявлениях не имеет названия»^[354] или: «У них (даосистов. — Л. Г.) нет рецептов на все случаи жизни. Они уславливаются действовать одним способом, а в ходе дела прибегают к другому. Вот поэтому они, не затрачивая больших усилий, добиваются огромных успехов»^[355]. Действительно, друзья Сыма Цяня и противники Ли достигли огромной победы. Сыма Цянь сопровождал императора на гору Тайшань для принесения жертвы богам неба и духам земли. Под его наблюдением оказались доклады императору и указы. Конфуцианским сторонникам продолжения войны до победного конца была оставлена только военная подготовка к новому походу. Они вложили в это предприятие всю энергию, так как только победа могла закрепить за ними власть и влияние на императора, который страстно хотел реванша, а для Сыма Цяня и его сторонников означала бы опалу и ссылку.

Как увидим ниже, дорого заплатила фамилия Ли и весь Китай за жизнь старушки и оскорбление ученого.

В 97 г. Ли Гуан-ли Эршиский выступил из Ордоса и направился прямо на север, чтобы нанести удар по центру хуннских кочевий. Шаньюй успел отправить в тыл женщин и детей и подтянуть войска. В битве на берегах Селенги китайцы были остановлены. Жестокая битва не принесла победы ни той, ни другой стороне, но китайцы начали отступление. Хунны преследовали их до границ Китая и нанесли им такой урон, что пришлось после этого переформировать армию^[356].

Не будь у Ли Гуан-ли такой сильной поддержки при дворе, как его сестра, любимая наложница императора, вряд ли бы он решился снова искать реванша, но ему победа была дважды необходима, причем, думается, более страшным врагом для Ли Гуан-ли были соперники во дворце. Свои надежды он возложил на перевооруженную конницу. Он не стал спешить с новым походом, ожидая того времени, когда поколение «небесных коней» размножится и позволит ему разбить врага. Император принял его план, и война затихла, чтобы вспыхнуть с новой силой.

Тем временем не дремали и противники Ли: хунны собирали своих союзников, а враги конфуцианства укрепляли свое влияние. В этот мучительно напряженный момент умер Цзюйдихэу-шаньюй. У него было два сына. Старший имел титул восточного чжуки-князя, т. е. был наследником престола, а младший числился левым полководцем, что было пятым чином иерархии. Чжуки по каким-то причинам не явился на похороны, и вдова шаньюя, считая его больным, возвела на престол младшего сына. Младший не осмелился властвовать не по праву и уступил престол законному наследнику, который вступил на престол под именем Хулугу-шаньюя. Младший же брат был назначен наследником престола, т. е. восточным чжуки-князем. По-видимому, оба брата, как и их окружение, понимали нависшую над всем народом опасность и гибельность смуты во время войны.

Младший брат умер раньше старшего, и Хулугу, видимо, считая свой братский долг выполненным, дал племяннику титул жичжо-князя, т. е. последний чин иерархии, а наследником назначил своего сына^[357]. Новая династия, очевидно, не считала для себя обязательным старый порядок родовых отношений и ввела завещание как новый способ передачи престола. В критический момент никто не стал спорить, но в дальнейшем это имело самые неожиданные последствия.

ЯНЬЖАНЬСКОЕ ПОБОИЩЕ

Семь лет готовился У-ди к новой войне, семь лет изнемогала империя под тяжестью военных налогов. Наконец в 90 г. вновь сформированные войска выступили за границу. Главная армия вышла из Шофана (Ордос) и двинулась на север, чтобы ударить по центру хуннских кочевий. Она состояла из 70 тыс. конных ратников и находилась снова под командой Ли Гуанли Эршиского. Ее сопровождало 100 тыс. пехоты, но, по-видимому, в это число входили прислуга, обоз и охрана обоза, т. е. части малобоеспособные. Из Яймья — крепости, расположенной на востоке Великой стены, — выступила армия в 30 тыс. конницы и 10 тыс. пехоты. Из области Цзюцюань (степь между Ордосом и Лобнором) выступило 40 тыс. конного войска и двинулось к Тяньшаню. Это было генеральное наступление, которое должно было решить, на чьей стороне окажется победа. Хулугу-шаньюй получил от своей разведки сведения о готовящемся наступлении врага. Он отправил в тыл женщин и детей и вызвал с Саянских гор и из забайкальских степей вассальные племена для решительной схватки с исконным врагом.

К нему явились енисейские динлины — рыжебородые великаны в деревянных доспехах — с оружием «крайне острым»^[358]. Ими командовал китайский перебежчик Вэй Люй, один из ближайших советников Цзюйдихэу-шаньюя. Ли Лин вел под развевающимися знаменами своих хагасов, татуированных с ног до головы^[359]. Из суровых степей Забайкалья, с верховьев Шилки и Аргуни пришли косоплеты-тоба, у которых «оружие... острее, а кони быстрее, чем у хуннов»^[360], а со склонов Хингана — воинственные сяньбийцы с длинными роговыми луками^[361], искусные стрелки. На западе в защиту хуннов поднялось Чеши (Турфан), незадолго до этого защищенное хуннами от набега передавшихся Китаю шаньшаньцев. Теперь снова на Чеши ополчились китайские союзники из Западного края (Шаньшань, Халга-амань, Чагантунгйе и др.). Восточная Азия разделилась на два лагеря, и только Усунь не приняла участия в борьбе, но лишь потому, что внутри самой Усуни китаефилы боролись с хуннофилами.

Несмотря на тотальную мобилизацию, хунны в числе уступали китайцам. На западе против 40 тыс. китайцев хуннские хучжи-князья и великий предводитель Янькюй выставили всего лишь 20 тыс. хуннов и 3750 пеших чешицев. На востоке против 30 тыс. конников и 10 тыс. пехотинцев великий восточный предводитель имел всего 30 тыс. человек, включая вспомогательный отряд Ли Лина. Хуже всего было в центре, где против Ли Эршиского шаньюй смог выставить всего 50 тыс. хуннов и динлинов. Однако малочисленность искупалась высоким боевым духом кочевников, с которыми не могли равняться ни «молодые негодяи», находившиеся в строю, ни вельможные бюрократы, руководившие боями из шелковых шатров. Китайский полководец Ман Тун двинулся с запада в Джунгарию, но хуннское войско не приняло боя. Имея глубокие тылы, великий предводитель Янькюй увел туда войска, и китайский удар попал в пустоту. Тем временем шаньшаньцы и другие китайские союзники блокировали Чеши. Ман Тун вернулся назад и присоединился к осаждавшим Чеши союзникам. Чеши оказалось в безнадежном положении, поэтому владетель его пошел на капитуляцию и принял подданство Китая. На этом и закончились действия западной армии: полученный результат явно не соответствовал затратам.

Восточная армия углубилась в степь и горы, «никого не видя»^[362]. Припасы кончались, ратники измучились, и китайская армия пошла в обратный путь. Тут-то ее атаковали хунны и хагасы. Девять дней пробивались китайцы без отдыха и сна, теряя людей и обозы. Наконец у реки Пуну (?) была отбита последняя хуннская атака, и хунны оставили изможденное китайское войско, которое потянулось в Китай. Здесь не было даже признака успеха; к тому же эти фланговые операции не должны были и не могли решить судьбу всей кампании.

Навстречу главной армии шаньюй направил западного великого дуюя и Вэй Люя с динлинским отрядом, всего 5 тыс. человек. Китайские пограничные конники разбили динлинов, и китайская армия успешно преследовала противника до берегов Селенги. В это решающее время в армию пришло известие из Китая, что семейство Ли Гуан-ли Эршиского арестовано и предано суду за волхование. Ли Гуан-ли знал, что это значит. В его армии были не только солдаты, но и офицеры, пострадавшие от китайского суда. Один из них сказал полководцу, что если он теперь вернется в Китай, то больше никогда не увидит северных стран, т. е. если захочет передаться хуннам, то другой возможности не представится.

Полководец знал, что это правда, но на измену не пошел. Он решил заслугами купить милость двора и очертя голову двинулся вперед. У реки Чжигюй (Тола?) он встретился с 20-тысячной армией хуннов и, пользуясь численным перевесом, потеснил ее. Однако для всего командования было ясно, что это временный успех. Шаньюй подтянул свежее подкрепление, а китайское войско было изнурено. Некоторые члены военного совета, убедясь, что «главнокомандующий... желает выслужиться с видимой опасностью для войска»^[363], хотели его арестовать. Эршиский, узнав об этом, обезглавил заговорщиков, однако все-таки начал отступление. Тем временем 50 тыс. хуннов под командой самого шаньюя окружили китайское войско у горы Яньжань, в Хангае^[364]. В темноте ночи они выкопали перед фронтом китайской армии глубокий ров, а утром произвели нападение с тыла. Среди китайцев возникла паника, и первым сдался верховный вождь Ли Гуан-ли. С ним вместе погибла вся армия. От этого удара Китай долго не мог оправиться. Новое войско взять было неоткуда. Хунны рассчитались за все и снова стали гегемонами Восточной Азии.

Яньжаньское побоище настолько поразило умы китайцев, что даже много веков спустя величайший китайский поэт Ли Бо^[365] посвятил ему стихотворение, в котором он передает тревожное уныние, охватившее Китай в 90 г. до н. э. Это произведение интересно своим живым непосредственным отношением к событиям, что дополняет сухую фактографию официальной хроники. (Привожу его в переводе А. Ахматовой с одним исправлением.)

Луна над пограничными горами

Луна над Иньшанем^[366] восходит светла,
И бел облаков океан,
И ветер принесся за тысячу ли
Сюда от заставы Юймынь,
С тех пор как китайцы пошли на Бодын,
Враг рыщет у бухты Цинхай,
И с этого поля сраженья никто
Домой не вернулся живым.
И воины, мрачно глядя на рубеж,
Возврата на родину ждут,
А в женских покоях как раз в эту ночь
Бессонница, вздохи и грусть.

Комментарий, приложенный к этому стихотворению^[367], совершенно неудовлетворителен. Комментатор спутал гору Бодын-инли на Алтае^[368] с деревней Байдын в Шаньси, где Модэ окружил авангард Лю Бана примерно в 200 г. до н. э. Внимание комментатора не привлек даже тот факт, что из Байдына все войско вернулось без особых потерь и что война тогда окончилась и воины могли вернуться домой. Больше того, застава Юймыньгуань основана в 111 г. до н. э.,

когда хунны были вытеснены из Хэси на север^[369], т. е. 90 лет спустя после названной комментатором даты. Наоборот, если мы приурочим стихи Ли Бо к 90 г., то никаких противоречий не возникает. Кроме того, мы получаем дополнительное, весьма ценное указание, что хунны после Яньжаньской битвы перешли в контрнаступление и вторглись в «залив Цинхай», т. е. в Хэси. По-видимому, закрепиться там им не удалось, но напугали китайцев они изрядно.

В результате войны Китай был обескровлен и обессилен. Не помогли ни «небесные кони», ни тугие самострелы. Граница была открыта для хуннских набегов, но хунны не воспользовались этим. Хулугу-шаньюй перед смертью показал такие ум и прозорливость, какие нечасто были свойственны и просвещенным владыкам. Вместо бессмысленных набегов, лишь усугублявших ожесточение, он послал императору письмо, в котором предлагал «растворить пограничные проходы»^[370], т. е. возобновить свободную торговлю и восстановить договор «мира и родства», а также просил прислать ему в жены царевну и ежегодно доставлять лучшего вина 10 даней, 50 тыс. ху риса и 10 тыс. кусков шелковых тканей.

Ответ императора неизвестен, но война не возобновилась. Китайцы не могли воевать, так как вся полевая армия их погибла. В 87 г. умер инициатор войны — император У-ди. Что же касается хуннов, то здесь дело обстояло гораздо сложнее. В их собственной среде возникли противоречия, с которыми не могли справиться слабые преемники доблестных предков.

Смерть Цзюйдихэу-шаньюя повлекла за собой существенные перемены. Нервное напряжение, потребовавшееся для отражения натиска китайских армий, естественно, сменилось глубокой усталостью. Вокруг нового шаньюя — Хулугу — появились новые люди. Это уже были не воины, а искусные придворные, стали влиятельнее родовые колдуны, увеличилась власть женщин. Ставка хуннского шаньюя стала все более походить на дворец восточного владыки.

Первой жертвой нового порядка оказался знатный пленник Ли Гуан-ли Эршиский. Хулугу-шаньюй, приняв сдавшегося китайского полководца, согласно старому хуннскому обычаю оказал ему почет. Зная, что семья Эршиского казнена, шаньюй женил его на своей дочери и благоволил к нему более, чем к прочим эмигрантам; в числе их был Вэй Люй, потерпевший поражение от Эршиского и пылавший мстью и завистью. Зная хуннские обычаи, Вэй Люй нашел способ разделаться с соперником. Он воспользовался болезнью матери шаньюя (титул жен шаньюя яньчжи) и вовлек в заговор волхва, лечившего больную. Тот «в трансе» произнес «требование покойных шаньюев» — принести Эршиского в жертву погибшим воинам. Ли Гуан-ли немедленно схватили. Перед заклинанием он крикнул: «По смерти моей я погублю Дом Хунну!», — и кровь его потекла на могилы хуннских витязей.

Огромный снегопад, последовавший за казнью, и связанный с ним падеж скота; эпидемия, прошедшая по хуннским кочевьям и погубившая людей, пощаженных войной; голод, возникший из-за холодного лета, так как не вызрело посеянное просо, — все это было простое совпадение, но на примитивную психику хуннов оно подействовало удручающе. Шаньюй «пришел в страх и построил храм для жертвоприношения Эршискому»^[371]. О нападении на Китай нечего было и думать, и это определило пятнадцатилетний перерыв в военных действиях.

В 85 г. Хулугу-шаньюй заболел. Перед смертью он распорядился не сажать своего сына, восточного чжуки-князя и законного наследника, на престол, считая его непригодным для управления, а передать власть западному лули-князю. Но это распоряжение не было выполнено.

На опустевший престол претендовали сразу четыре князя. Прежде всего это был сын покойного шаньюя, выдвигаемый придворной кликой во главе с его матерью — Чжуанькюй-яньчжи, Вэй Люем и их сторонниками. Но эта кандидатура пройти не могла, так как сам отец сказал перед смертью: «Мой сын по малолетству не может управлять государством»^[372].

Вторая кандидатура была серьезнее — восточный чжуки-князь. По традиции, этот титул всегда принадлежал наследнику престола, но у него не оказалось сильной партии.

Наиболее опасным для придворной клики был единоутробный брат шаньюя — великий восточный дуюй. Он был «доброй души» и популярен среди родовых старейшин. Чжуанькюй-яньчжи отделалась от него с помощью убийц.

По завещанию шаньюя престол должен был достаться западному лули-князю, но это завещание придворная клика скрыла и «ложно именем его» (т. е. шаньюя), заключив союз со старейшинами, возвела на престол молодого сына восточного лули-князя, Хуаньди, чтобы править его именем. Традиционная привязанность к роду шаньюя и уважение к его воле помогли заговорщикам, и в 85 г. Хуаньди официально стал шаньюем.

Сохранить в тайне обман, в котором участвовало много людей, невозможно. Первыми узнали обо всем неудачные претенденты: восточный чжуки- и западный лули-князья. Опасаясь, и не без оснований, за свои головы, они решили откочевать на юг и передаться Китаю. Для этого нужно было отвлечь внимание шаньюя, и они попытались вовлечь в заговор князя рода Хючжуй. Хючжуи жили в южной части Джунгарии, по соседству с усунями. Заговорщики обратились к Хючжуй-князю с предложением спровоцировать усуней на набег. Сами же они предполагали,

воспользовавшись замешательством, откочевать на юго-восток к китайской границе. Любопытно, что этот акт прямой измены исходил из среды самой высшей знати.

Хючжуй-князь был аристократом второго разряда, т. е. родовым старейшиной. Родовая знать еще не успела разложиться, и поэтому он, глубоко возмущенный, донес шаньюю об изменнических намерениях чжуки- и лули-князей. Дело получило широкую огласку, причем вскрылись и хитрости придворной клики при избрании нового шаньюя. Все это вызвало «негодование в старейшинах»^[373]. Шаньюй начал следствие, но крамольники обвинили во всем Хючжуй-князя, и, так как они имели свои войска и сторонников, следствие пришлось прекратить.

Однако эти события не прошли бесследно. Чжуки- и лули-князья перестали являться в Лунчен — место ежегодных сборов — для ритуальных жертвоприношений. Единство хуннского общества нарушилось на некоторое время. Оно, конечно, восстановилось по смерти крамольных князей, после того как их места достались лояльным принцам крови (так, например, восточным чжуки-князем стал младший брат Хуаньди^[374]), но авторитет династии пал, и плоды этого сказались в полной мере 25 лет спустя, когда сменилось поколение.

Разберем причины надвигавшегося упадка.

В эпоху Модэ и Лаошаня хунны вели скотоводческое кочевое хозяйство. Необходимые им продукты земледелия, в первую очередь хлеб, они получали из Китая. Сначала это была дань под видом подарков, потом к ней прибавился хлеб, покупаемый на пограничных базарах. Но со времени Гюньчень-шаньюя началась война, и пограничные рынки прекратили существование. Острая нужда в хлебе должна была заставить хуннов заняться земледелием, и действительно мы видим, что в источнике начинают упоминаться посевы проса^[375].

В свете этого становится понятным, почему хунны с таким упорством ловили людей в Китае и уводили их к себе в рабство. В скотоводческом хозяйстве широкое использование рабского труда невозможно, так как мало-мальски энергичный невольник, пасущий скот, легко найдет способ убежать. В земледелии же рабский труд полностью применим, а пеший и усталый раб если и захочет бежать, то далеко не уйдет. Кроме рабов, земледелием у хуннов занимались перебежчики из Китая. Их было очень много, гораздо больше, чем принято думать. Это были солдаты и офицеры китайской армии, попавшие в плен и оставшиеся у хуннов, и их семьи, бедствовавшие на родине и переходившие границу; невольники и невольницы, принадлежавшие пограничным жителям Китая и бежавшие к хуннам, находя, что у них «весело жить»; разбойники, воры и прочие преступники, которые искали и находили спасение в северных степях. Кроме китайцев, к хуннам бежали жители пограничных владений, захваченных империей Хань в 119 г., так как «чиновники и простолюдины, увлекшись корыстолюбием, отнимали у них скот, имущество, жен и детей»^[376].

Все это пополнение охотно принималось хуннами, так как по китайским законам перебежчики подлежали смерти и в силу этого становились заклятыми врагами китайского императора. Однако хуннские шаньюй упустили из виду обратную сторону медали. Среди бежавших к ним было много людей деморализованных. Находясь в тесном контакте с хуннами, они оказывали на них влияние, как правило, отрицательное. Результаты этого сказались, как только сменилось поколение, т. е. в середине I в. до н. э. Политического влияния перебежчики не имели, за очень редкими исключениями.

Наряду с этими новыми перебежчиками в степи жило много натурализовавшихся китайцев, называемых циньскими, циньцами. Это были потомки китайцев, бежавших от реформы Цинь Ши-хуанди (III в. до н. э.), политических эмигрантов. За 150 лет они не ассимилировались, но, несмотря на это, хунны доверяли им и жили с ними дружно^[377].

На циньских китайцев попытался опереться Вэй Люй, когда для него стало ясно, что он и возглавляемое им правительство предельно непопулярны в стране. Он предложил Хуаньди-шаньюю выкопать колодцы, построить крепость и в ней двухэтажные амбары для хлебных запасов, а защиту крепости поручить циньским китайцам.

Проект уже начал приводиться в исполнение, но встретил отчаянное сопротивление старохуннской партии. Это были родовые князья, сподвижники Цзюйдихэу-шаньюя. Они заявили, что строить крепость бессмысленно, так как хунны защищать крепостей не умеют, а если китайцы придут, то без больших усилий захватят все запасы. Вэй Люю пришлось отступить. Оппозиция родовых князей росла и крепла. Для того чтобы скомпрометировать непопулярного шаньюя, была подвергнута сомнению нравственность яньжи-матери. Теряя опору, Вэй Люй предложил шаньюю помириться с Китаем и отпустить пленных, пожелавших вернуться домой. Но и этот план не прошел, так как хуннские князья не верили Вэй Люю и не шли ни на какие уступки. В 80 г. Вэй Люй умер; власть перешла в руки представителей старохуннской партии, и война с Китаем возобновилась.

Однако недолгое господство придворной клики не прошло бесследно: государство «наипаче обеднело»^[378]. На востоке Ухуань, а на западе Усунь и Согдиана выпали из сферы хуннского влияния.

Рассмотрим теперь, что представляла собой старохуннская партия, взявшая в 80 г. в свои руки власть в державе Хунну. Это были средние слои хуннского общества. Выше них стояли принцы крови, опиравшиеся на свои дружины, ниже — масса несвободных и перебежчиков.

Знаменем старохуннов были традиции покойных шаньюев: право сражаться на коне и господство над народами^[379].

Ничтожный потомок великих предков — Хуаньди-шаньюй и его безвольная родня стали игрушкой в руках Ливу, Гуси, Хючжуй, Хуге, Югянь, Хэсу и других князей, опиравшихся на ополчения своих родов. За 100 лет исключительно благоприятного экономического состояния все роды хуннов окрепли и размножились, и соответственно увеличился удельный вес родовых князей. Обаяние побед и слава шаньюев держали их пока вокруг престола, но это было лишь до тех пор, пока интересы рода и трона совпадали. Рано или поздно эта гармония должна была нарушиться и родовые интересы должны были возобладать над государственными. В противном случае род разложился бы. Для родовой державы оптимальна определенная сила составляющих ее родов: меньше эта сила — держава слаба, больше — держава разрывается на части, как перегретый паровой котел. В эту пропасть и катилось Хунну.

Но в 70-х годах I в. до н. э. время взрыва еще не наступило. Силы хуннского общества консолидировались против внешнего врага. С аристократией перестали считаться. Когда младший брат шаньюя, западный лули-князь, заикнулся о мире с Китаем и попытался в 79 г. начать переговоры, он поразительно быстро умер.

Впрочем, китайцы неохотно шли на переговоры о мире. Хотя наследник воинственного У-ди, Чжао-ди, был человек бесцветный, китайское правительство понимало, что хуннские претензии несовместимы с безопасностью Китая. Задачей старохуннов было вернуть все земли, принадлежавшие первым шаньюям, т. е. Усунь, Согдиану, Ухуань, Ордос, Лобнор и, главное, Иньшань — базу для набегов и привольные охотничьи угодья. «Хунны после потери хребта Иньшань не могут без слез пройти его»^[380].

Подобная программа хуннов, разумеется, должна была встретить самое отчаянное сопротивление. Принимая ее, хунны должны были понимать, что в случае неуспеха они сломают хребет своей державе, и все-таки они рискнули.

Предпринимая попытку наступления, хунны, несомненно, знали, что Китай экономически истощен. Действительно, У-ди, нуждаясь в средствах для ведения войны, ввел налог на соль, вино и даже установил принудительный курс монеты^[381]. Однако это не пропало даром. Охрана границы была поставлена несравненно лучше, чем до того. Она была возложена не на китайцев, а на пограничных кочевников: кянов, ухуаней и хуннских перебежчиков. Укомплектованные ими отряды по своим боевым качествам не уступали хуннским войскам. Поэтому, когда в 80 г. 20 тыс. хуннов ворвались в Китай, они были разбиты и бежали, потеряв убитыми и пленными 9 тыс. человек^[382].

Но это не обескуражило хуннов. В следующем, 79 г., они попробовали осадить крепость Шеусянчен, стоящую на их земле и мешавшую им, как заноза. Кочевники брать крепостей не умели, и осада превратилась в блокаду, которая ничего не дала. В 78 г. отряды хуннов, состоящие из 4 тыс. всадников, под предводительством чжуки- и лули-князей ворвались в Хэси, но так как разведка донесла ханьским властям о подготовке похода, хунны были наголову разбиты^[383]. Несколько удачнее был набег в 77 г. на Ордос, но в нем участвовали всего 3 тыс. человек.

Как видно из приведенных цифр, боевой энтузиазм хуннов резко упал, что было, конечно, следствием неудач. Сторожевые огни на границе Китая предупреждали население и войска о приближении кочевников, и исключалась внезапность, бывшая для хуннов залогом успеха. Задуманное грандиозное наступление вылилось в рыскание вокруг китайской границы и индивидуальный грабеж.

В это время ухуаньцы решили, что настала пора рассчитаться с хуннами за поражение, нанесенное их предкам Модэ-шаньюем. Не осмелившись на открытое нападение, они раскопали и ограбили могилы хуннских шаньюев. Возмущенные святотатством хунны напали на ухуаней и снова подчинили их. Китайцы попытались помешать хуннам и выступили из Ляодуна на север, но хунны к тому времени уже ушли. Тогда китайцы обрушились на ухуаней и разбили их — отчасти за грабежи в прошлом, а главное, за подчинение хуннам. В конце концов ухуани снова оказались подданными хуннов, и это было единственным реальным успехом старохуннской партии.

В 74 г. умер император Чжао-ди; его преемник, Сюань-ди, оказался гораздо более энергичным, и война вступила в новую фазу.

Усунь уплывала из хуннских рук. Несмотря на то, что Китай был далек, влияние его в Усуни возрастало. Отчасти оно шло через женщин. Судьба первой китайской царицы, выданной замуж за усуня, оказалась печальной: она только плакала и так и зачахла от тоски. Зато вторая, Гяй-ю, княжна, выданная за усуньского гуньмо, была особа энергичная; она приспособилась к обычаям страны, переходила по наследству, рожала детей и возглавила в Усуни группу прокитайской ориентации. Она сделала для китайской политики больше, чем многотысячное войско Ли Эршиского. Один из ее сыновей стал владельцем Яркенда, дочь была выдана за владельца Кучи. Усуни стали господствовать не только в своих горах, но и в оазисах Западного края. Гуньмо Унгюйми во всем слушался своей жены.

Опасность заключалась лишь в том, что наследник престола был сыном хуннской царицы и хуннская партия в Усуни обладала значительной силой. Однако наследник был еще мал, и у царицы Гяй-ю пока были развязаны руки для вмешательства во внешнюю политику. Яблоком раздора между усунями и хуннами оказалось княжество Чеши. Небольшое княжество Чеши, расположенное в Турфанской котловине, было тесно связано с хуннами. Для Хунну это было окно в мир, особенно после того, как обособление Усуни отделило Хунну от Кангюя и Согдианы. Во время похода Ли Эршиского Чеши было захвачено китайцами, но уже в 86 г. хунны изгнали китайский гарнизон, и снова Чеши стало экономической и стратегической базой хуннской экспансии на запад.

Чеши лежало на караванном пути. Население княжества занималось торговлей и охотно использовало союз с Хунну для борьбы с конкурентами в Куче и Яркенде, опиравшимися на Усунь. С 80 г., т. е. с прихода к власти старохуннской военной партии, чешицы совместно с хуннами начали наступать на усуней, «обрезать их земли» ^[384] и наконец, одержав победу, увели много пленных. Мало того, они потребовали от усуней выдачи царицы и прекращения связи с Китаем. Царица и ее муж в 73 г. направили посольство в Китай с предложением военного союза и совместного согласованного нападения на хуннов. Новый император Сюаньди с восторгом согласился, и приготовления к походу снова всколыхнули Китай.

ПОРАЖЕНИЕ ХУННОВ

Китайцы подготовились к походу очень тщательно. Были мобилизованы 160 тыс. легких конников. В 72 г. они пятью колоннами выступили за границу из Хэси и Ордоса, и одновременно 50 тыс. усуней напали на хуннов с запада.

Китайские приготовления не остались тайной для хуннов, и они заблаговременно откочевали, что свело на нет все действия китайских полководцев. Приводятся смехотворные цифры убитых хуннов: от 19 до 700 человек, причем два полководца были преданы суду за преувеличение успехов в отчетах и кончили жизнь самоубийством ^[385]. Зато несомненный успех выпал усуням, которые разгромили ставку западного лули-князя и захватили в плен шаньюева тестя, невестку, князей, тысячников, воинов — всего 39 тыс. человек и 700 тыс. голов скота ^[386]. Впрочем, и успевшие спастись хунны потеряли много скота, особенно овец, погибших при быстром передвижении от усталости. Хунны, кроме того, были принуждены покинуть Чэши, где опять водворился китайский гарнизон. В довершение беды восстали ухуани. Старохуннская партия посеяла ветер и пожала бурю.

Положение становилось критическим. Собрав все силы, хунны ударили по наиболее опасному врагу — усуням. Зимой 72/71 г. они ворвались в усуньские кочевья и уничтожили там стариков и детей. Все более крепкие люди бежали в горы. На обратном пути хуннское войско застиг большой снегопад, а затем ударил мороз и сковал снежный покров. Неподкованные копыта хуннских коней ломались от ударов о наст; кони не могли добраться до травы и падали от бескормицы. Вместе с ними умирали всадники от холода и усталости. Почти все войско погибло.

Летом 71 г. усунь с запада, ухуани с востока, а восставшие динлины с севера ворвались в хуннские земли и без усталости рубили ослабевших и деморализованных хуннов. К ужасам войны прибавился голод, возникший, очевидно, от падежа скота из-за гололедицы и от невозможности засеять поля и собрать урожай. Потеря в людях у хуннов исчислялась в треть населения.

Но самое страшное заключалось в том, что от Хунну отложились все подвластные владения, за исключением восставшего против Китая Чэши ^[387], и даже собственно хуннские роды, например Сижу ^[388]. Силы хуннов иссякли настолько, что в 70 г. трехтысячный отряд китайской конницы ворвался в степь и захватил скот и пленных, т. е. сделал то, чего не смогли раньше добиться 160 тыс. человек.

Карта. Распад хунну с 71 по 61 гг. до н. э.

Распад хунну с 71 по 61 гг. до н.э.

Несмотря на тяжелые потери, хунны еще надеялись на победу. Основные земли их не были захвачены врагами, несколько десятков тысяч закаленных воинов сидели в седле, и военное счастье, всегда изменчивое, могло улыбнуться им. Но главную опасность не предусмотрели хуннские вожди: внутренняя борьба не только не была изжита, но переходила в новую стадию.

В 68 г. умер Хуаньди-шаньюй, который был последовательно марионеткой обеих борющихся партий, и, согласно обычаю, власть перешла к восточному чжуки-князю Хюйлюй-Цюанькюю. Хуаньди-шаньюй, унаследовав вместе с престолом жену Чжуанькюй, оберегал свою законную супругу от обид и ненависти старохуннской партии. Хюйлюй-Цюанькюй не пожелал делить с нею трапезу и ложе и первой яньчжи назначил дочь западного великого предводителя, а Чжуанькюй выгнал. Этим он нанес оскорбление не только самой венценосной персоне, но и всему ее роду, а отцом Чжуанькюй был восточный великий цзюйкюй — один из высших чинов хуннской иерархии. С враждой столь влиятельного человека не могли не считаться новый шаньюй и его правая рука — Хэсу, князь Синвэйян, вождь родовых старейшин.

Мы допустили бы грубую ошибку, если бы рассматривали назревающую борьбу как простую схватку между шаньюевым родом и старейшинами. На самом деле и те и другие были в обеих партиях. Шаньюев род разрастался, и всем членам его не хватало высоких должностей, хотя при Хулугу-шаньюе был введен дополнительный титул — жичжо-князь. Не получившие титула родственники шаньюев, естественно, были недовольны и смыкались с военной партией.

В свою очередь родовые князья по мере роста и усиления своих родов стремились к большей самостоятельности. Им начинала мешать военная дисциплина старохуннской партии, и они готовы были поддержать придворную партию, чтобы при ее слабой власти пользоваться большей самостоятельностью. Кроме того, личные чувства и связи — ссоры, раздоры и взаимная зависть, а в равной мере браки, симпатии, взаимопомощь — определили отношения каждого хунна к борющимся силам. «Друзья кровавой старины», отважные наездники и алчные грабители тянулись к военной партии и ее вождю — Синвэйяну. Любители роскоши, нежных песен под звуки лютни и привольных охот льнули к Чжуанькюй-яньчжи и болели за ее обиды. До тех пор, пока военная партия рвалась в бой, ведущей была она, но настал момент, когда многим хуннам поражение стало желаннее победы, так как оно несло вождеденный мир.

От своих агентов в Китае шаньюй узнал, что вследствие финансового кризиса китайское правительство упразднило дорогостоящую пограничную охрану. Он считал момент удобным для заключения мира, чтобы более свободно расправиться с прочими врагами. Этим был неприятно поражен восточный великий цзюйкюй. Не то чтобы он был против мира с Китаем, но он хотел заключить его сам, а не предоставлять это дело соперникам. Поэтому он вместе с Хулуцзы-князем под предлогом облавной охоты приблизился к границам Китая с намерением произвести набег. Но три всадника из войска цзюйкюя бежали в Китай и сообщили о его намерении. Немедленно выступили в поле 5 тыс. китайских конников, и 20 тыс. хуннов отошли без боя. Трудно сказать, почему три всадника стали перебежчиками. Может быть, деморализация уже проникла до низов общества, а может быть, этих всадников подослал сам великий цзюйкюй, так как он вовсе не хотел воевать, а стремился только сорвать мирные переговоры, что ему и удалось.

Теперь шаньюю пришлось содержать 20-тысячное сторожевое войско для отражения возможного контрнабега китайцев. Экономическая жизнь была расстроена; в 68 г. [\[389\]](#) голод снова опустошил хуннские стада и кочевья. Новое правление начиналось с неудачи. Осенью 68 г. шаньюй вздумал покорить отпавшее хуннское племя сижу, обитавшее на восточной границе. Старейшины сижу, собрав скот и имущество, с боем прорвались через пограничные караулы и передались Китаю.

Еще хуже было на западе. В 68 г. два китайских офицера, Чжен Ги и Сыма Хи, с 1.5 тыс. освобожденных от наказания преступников и 10 тыс. союзников из оседлых владений Западного края напали на Чеши и взяли столицу княжества Чжохахота [\[390\]](#). Недостаток продовольствия заставил китайцев вернуться, но на следующую осень после уборки урожая они снова выступили в поход. За это время чешский владетель успел обратиться к хуннам с просьбой о помощи, но не получил ее. Находясь в безнадежном положении, он решил перейти на сторону Китая и в доказательство своей искренности разгромил дружественное хуннам незначительное владение Пулэй (Баркуль).

Часть чешисцев осталась верной Хунну, но попытка хуннов выбить китайцев и китаефилов окончилась провалом. Шаньюй собрал перешедших к нему чешисцев и поселил их на востоке, а чешская долина стала театром военных действий [\[391\]](#).

Потеря Чеши очень больно ударила по Хунну, так как народ сразу же начал нуждаться в хлебе. Хунны попробовали в 66 г. заняться земледелием в южной части Джунгарии, чтобы «впоследствии стеснить Усунь и Западный край» [\[392\]](#), а в 64 г. 12 тыс. хуннов напали на китайский гарнизон в Чеши. Китайцы заперлись в крепости Чжохахота. Хуннский предводитель, подъехав к городу, посоветовал китайцам убраться. Шаньюй приказал не допускать китайцев к возделыванию земли в Чеши и начал осаду. Только своевременный удар в тыл хуннов, нанесенный из алашаньских степей, заставил их снять осаду и позволил китайскому гарнизону эвакуироваться. Остатки чешисцев были переведены на жительство в Кюйли, и в 62 г. цветущий оазис был на время заброшен.

Но еще большим бедствием, постигшим хуннов, была война на севере. Енисейские динлины, свергнув в 71 г. хуннскую власть, с 63 г. перешли в наступление и три года подряд опустошали земли хуннов, нанося поражения их войскам. Хунны лишились прочного тыла.

В 62 г. шаньюй хотел напасть на Китай, но нашелся изменник, предупредивший китайцев. 40 тыс. всадников вышли навстречу хуннам, и те отошли без боя. На предложение шаньюя заключить мир ответа от китайского императора не последовало.

ПЕРЕВОРОТ ЧЖУАНЬКЮЙ-ЯНЬЧЖИ

Пока военная партия терпела поражение на всех фронтах, Чжуанькюй-яньчжи терпеливо выжидала и дождалась своего времени. Будучи отвергнута Хюйлюй-Цюанькюем, она сошлась с восточным чжуки-князем Туцитаном. Последний был наследственным чжуки-князем, потомком Увэй-шаньюя, т. е. принадлежал к сливкам хуннской аристократии. Он, его возлюбленная и ее младший брат Дулунки, по наследству от отца получивший титул восточного великого цзюйкюя, были врагами военной партии. Политическим их лозунгом был мир с Китаем, но прежде всего они стремились изменить порядок престолонаследия, оттеснить на второй план родовую знать и сосредоточить все титулы и государственные должности в руках своих близких, т. е. шаньюева рода.

Самый факт передачи княжеского титула по прямой линии от отца к сыну был бы нарушением старого порядка, согласно которому должность давалась по очереди. Нарушение очередности означало образование различных групп внутри одного рода и, следовательно, его разложение, а так как держава Хунну была основана на родовом принципе, то разложение рода означало ее распад. Но что за дело было до этого честолюбивой Чжуанькюй-яньчжи, ее свирепому брату Дулунки и мстительному Туцитану? Оттесненные от власти, они видели только свою обиду. Терпеливо и неумолимо искали они средства разделаться с врагами и наконец получили такую возможность.

После возвращения из неудачного похода на Китай шаньюй Хюйлюй-Цюанькюй заболел. Это было весной, когда все князья готовились ехать в священное место Лунчен для совершения ежегодных жертвоприношений. Собрался и Туцитан, но Чжуанькюй посоветовала ему не ехать, а лучше подождать смерти шаньюя ^[393]. Действительно, шаньюй через несколько дней скончался. Осведомленность Чжуанькюй-яньчжи была более чем подозрительна, особенно если учесть, что она не была уже женой шаньюя.

Князь Синвэйян разослал нарочных ко всем старшим князьям, но Чжуанькюй и Дулунки опередили его. Они объявили шаньюем Туцитана под именем Уянь-Гюйди. Это был подлинный дворцовый переворот, и удался он лишь потому, что военные неудачи обескуражили старохуннскую партию и лишили ее популярности и поддержки широких масс. Хунны надеялись, что, может быть, будет лучше, и признали новую власть.

Уянь-Гюйди по вступлении на престол действительно изменил политику; он послал своего брата в Китай с дарами и мирными предложениями, а Синвэйяна и всех вельмож — приближенных покойного шаньюя казнил. Затем он отнял должности у родственников покойного шаньюя и отдал их своим родным. Сын прежнего шаньюя, Гихэушань, бежал в Ушаньму, небольшое владение между Усунью и Кангюем, союзное с Хунну, а новый вождь военной партии жичжо-князь Сяньхяньшань со своей ставкой передался Китаю. Там он получил китайский княжеский титул. Два его брата, оставшихся дома, были казнены в начале 59 г. Чжуанькюй-яньчжи могла торжествовать.

Усталость хуннского народа была, очевидно, так велика, что казни не всколыхнули массы. Но это было лишь до тех пор, пока теряли головы вельможи. Как только террор коснулся родов, хуннская военная доблесть воскресла и безучастие сменилось взрывом энергии.

В конце 59 г. умер князь рода Югянь. Шаньюй на его место поставил своего малолетнего сына. Югяньцы отказались его признать, князем рода провозгласили сына покойного и откочевали на восток. Это был бунт. Шаньюй послал конницу для усмирения югяньцев, но они разбили карательную экспедицию. Тогда шаньюй еще более усилил террор. Наследник престола — восточный чжуки-князь — «несколько раз обидел старейшин восточной стороны» ^[394].

Старейшины поняли, что дело идет о самом их существовании, но для открытого возмущения требовался повод. В 58 г. ухуаньцы напали на хуннский род Гуси, живущий на восточной границе, и увели много людей. Шаньюй разгневался на Гуси-князя, и последний, чтобы избежать казни, решился на восстание. Его поддержали старейшины восточной стороны и претендентом на престол выставили Гихэушаня, скрывавшегося в Ушаньму. 40 тыс. повстанцев двинулись на запад и на берегах реки Гуцзюй (к востоку от Селенги, может быть, Керулен) встретились с войском шаньюя. Однако битвы не произошло: войска шаньюя разбежались, отказавшись его защищать. Уянь-Гюйди обратился за помощью к своему младшему брату, западному чжуки-князю Иньюжо, но тот ответил, что если «он из ненависти к людям убивал родственников и старейшин, то пусть один и умирает, а не замешивает его»^[395]. Покинутый всеми, Уянь-Гюйди покончил с собой, а о судьбе хуннской Брунгильды^[396] — Чжуанькюй-яньчи — сведений больше нет. Старохуннская партия снова победила. Претендент вступил на престол под именем Хуханье-шаньюя.

МЕЖДОУСОБНАЯ ВОЙНА

Гибель Уянь-Гюйди означала конец прокитайской придворной партии, поддерживать которую отказались даже те роды, к которым она благоволила. Создалась ситуация, благоприятная для консолидации всех сил народа, но разгоревшиеся страсти помешали этому. Борьба антикитайской «военной» и прокитайской «мирной» партии не затихала.

Вступив на престол, Хуханье отдал приказ убить западного чжуки-князя, которому, собственно говоря, был обязан победой. Чжуки-князь, узнав об этом, объединился с братом Чжуанькюй-Дулунки и с новым жичжо-князем Босюйтаном. Князья нашли опору в западных хуннских кочевьях, собрали несколько десятков тысяч войска и, объявив Босюйтана чжуки-шаньюем, двинулись на Хуханье и восточных хуннов. Хуханье был разбит и бежал на восток.

Осенью чжуки-шаньюй Босюйтан отправил против Хуханье 40 тыс. воинов, половина которых была из рода Югянь, а другую половину составляли вернувшиеся из Китая противники Уянь-Гюйди. В это время к шаньюю приехал князь рода Хуге, жившего на северо-западе по соседству с хагасами. Он затеял интриги и совместно с советником шаньюя, Вэйли-данху, оклеветал западного чжуки-князя. Шаньюй поверил клевете и казнил чжуки-князя с сыном, но клевета каким-то образом обнаружилась, и разгневанный шаньюй казнил Вэйли-данху. Хуге-князь успел бежать к себе и отложился. Он объявил себя Хуге-шаньюем. Весть об этом быстро распространилась по степи, и пример оказался заразительным: князь рода Юйди объявил себя Чели-шаньюем, а один дуюй (офицерский чин) — Уцзи-шаньюем. Все они не принадлежали к шаньюеву роду, и все нашли сторонников, очевидно, в тех родах, которые они возглавляли. Родовые старейшины боролись за власть. Рассматривать эти распри как разложение родового строя было бы нелогично, так как именно в них и проявилась родовая сущность хуннского общества, что особенно ясно покажут дальнейшие события. Существенно, что мятежные шаньюи базировались не на хуннской территории, а за границей, в северной части Джунгарии, в предгорьях Саура и Тарбагатай. Их сторонники группировались в малонаселенной стране; это дает основание предполагать, что не все их родовичи оказывали им поддержку.

Чжуки-шаньюй пошел на мятежников и тем самым принудил их перед лицом смертельной опасности объединиться. Уцзи и Хуге сложили с себя титулы и подчинились Чели-шаньюю. В общей сложности мятежники имели 40 тыс. человек. Положение осложнялось еще и тем, что на востоке оправился Хуханье, который мог в любую минуту перейти в контрнаступление. Чжуки-шаньюй, выставив против Хуханье заслон, напал на мятежников, разбил их и загнал на северо-запад к хагасам.

Тем временем собрались с силами восточные хунны. В 56 г. младший брат Хуханье совершил удачный набег на кочевья западных хуннов. Чжуки-шаньюй, собрав 60 тыс. войска, пошел на восток, ему навстречу вышел Хуханье с 40 тыс. всадников. Западные хунны были разбиты. Чжуки-шаньюй покончил с собой, а его сторонник Дулунки бежал в Китай.

Чели-шаньюй подчинился Хуханье, но хагасский князь, сын Ли Лина, выдвинул Уцзи претендентом на престол. Усталые от междоусобицы хунны не стали поддерживать хагасского ставленника: Уцзи был пойман и обезглавлен. Хуханье стал полновластным шаньюем, но на востоке тоже оказались недовольные им. Восточный великий предводитель, собрав несколько десятков тысяч человек «своего народа»^[397], передался Китаю, чтобы не участвовать в бесплодной братоубийственной войне. Это была большая потеря.

Однако далеко не все хунны потеряли вкус к продолжению междоусобной войны. Трудно объяснить почему, но Хуханье были чрезвычайно непопулярен в стране, и западные хунны в конце 56 или начале 55 г. отделились от него. Началось с того, что один из родственников

погибшего чжуки-шаньюя, князь рода Сюсюнь, имея всего 600 всадников, напал на ставку великого восточного цзюйкюя. Цзюйкюй пал, а войско его присоединилось к победителю. Усилившись таким образом, Сюсюнь-князь перекочевал на запад, объявил себя Жуньчень-шаньюем западной границы и объединил вокруг себя западные роды хуннов.

Вслед за Жуньчнем восстал родной брат Хуханье — Хутуус. Он объявил себя Чжичжи-гудуху-шаньюем восточной границы. Целых два года у хуннов было три шаньюя, но так не могло тянуться долго. В конце 54 г. Жуньчень-шаньюй счел себя достаточно сильным для похода на восток. Он напал на Чжичжи, но погиб в битве, а войско его перешло к победителю. Усилившись, Чжичжи напал на Хуханье, обратил его войско в бегство и захватил ставку шаньюев в Хангае^[398].

В 56–54 гг. обращает на себя внимание легкость перехода хуннских воинов от одного претендента к другому. Все хунны были воинами; война была их стихией, однако цели и задачи войны занимали их мало, и они доверяли шаньюям, водившим их на внешнего врага. Но в этот период внешняя война стала невозможна, более того — губительна. Поэтому князья использовали воинский пыл хуннов в междоусобной борьбе.

Положение Хуханье-шаньюя было весьма тяжелым, и один из соратников его, восточный ичжицзы-князь, дал ему совет подчиниться Китаю. Трудно было решиться на этот шаг сыну вождя старохуннской партии, привыкшей видеть в императоре заклятого врага. Весьма любопытны прения на совете старейшин и аргументация сторонников Хуханье.

«Это невозможно, — говорили старейшины. — Сражаться на коне есть наше господство и потому мы страшны всем народам. Мы еще не оскудели в отважных воинах. Теперь два родные брата спорят о престоле, и если не старший, то младший получит его. В сих обстоятельствах и умереть составляет славу. Наши потомки всегда будут царствовать над народами. Китай, как ни могуществен, не в состоянии поглотить все владения хуннов, для чего же нарушать уложения предков? Сделаться вассалами Дома Хань — значит унижить и постыдить покойных шаньюев... Правда, что подобный совет доставит спокойствие, но мы более не будем владычествовать над народами»^[399].

В приведенных словах проявилась идеология старохуннской партии; властолюбие, тщеславие, гордость и алчность перевешивали в сознании хуннов трезвый расчет и реальные выгоды; с исключительным упрямством они цеплялись за прошлое, закрывая глаза на то, что они стоят на краю гибели и что держава их фактически уже развалилась. Как ушат холодной воды, вылилась на их горячие головы ответная речь ичжицзы-князя: «Могущество и слабость имеют свое время. Ныне Дом Хань в цветущем состоянии. Усунь и оседлые владения в подданстве его. Дом Хуннов со времен Цзюйдихэу-шаньюя день ото дня у малывается и не может возратить прежнего величия. Сколько он не силится, но ни одного спокойного дня не видит. Ныне его спокойствие и существование зависят исключительно от подданства Китаю; без сего... он погибнет»^[400].

Всем было ясно, что ичжицзы-князь прав, и никакие громкие слова не могли поколебать его программы. Это была откровенная капитуляция старохуннской идеологии перед реально сложившимися обстоятельствами. Хуханье-шаньюй согласился с князем, и старохуннская партия перестала существовать, отказавшись от своего принципа «господства над народами».

В 53 г. Хуханье отправил своего сына в Китай, официально — на службу, а на самом деле — в заложники. Так же поступил и Чжичжи. Абсолютная необходимость перемены курса ощущалась всеми. В 52 г. шаньюй сам приехал в Китай и с почетной стражей был препровожден в столицу. Там его принял император Сюань-ди. Прием был обставлен торжественно, но шаньюю объявили, что он стал вассалом императора. Через месяц он был отпущен обратно и поселен около крепости Шеусянчен. Кроме подарков шаньюю, ханьские власти направили

покорившимся хуннам изрядное количество проса и риса.

В 50 г. в Китай приехал посол от Чжичжи. Он был поставлен ниже посла Хуханье, а в 49 г. окончательно выяснилось, что китайское правительство будет оказывать поддержку только Хуханье. Чем было вызвано такое решение — неясно. Скорее всего тут сыграли решающую роль не дипломатические расчеты, а второй приезд Хуханье ко двору. Вполне возможно, что он подкупил кое-кого из придворных и тем самым перетянул их на свою сторону. После этого он начал преуспевать. Поскольку вокруг границы хунны перебили всех диких животных и птиц, китайцы постоянно посылали им просо и рис. От спокойной жизни «народ Хуханье-шаньюев умножился»^[401], очевидно, за счет хуннов, перебежавших к нему от других князей, и в 47 г. Хуханье уже перестал опасаться Чжичжи, которого история повела по иному пути.

РАЗДЕЛ УСУНИ И ВОЙНА С КАНГЮЕМ

Оставим на короткое время Хуханье и Чжичжи и посмотрим, что происходило на западе. Западным краем для китайцев и хуннов были горы Тяньшань, где обитали усунь, и места, по которым проходил караванный путь, вплоть до Ферганской долины.

Когда в 59 г. хуннский жичжо-князь, страшась казней Уянь-Гюйди-шаньюя, передался Китаю, китайцы заняли северную караванную дорогу вплоть до Яркенда и учредили там новое наместничество^[402]. В задачу наместника входило наблюдение за Кангюем и Усунью, где в это время возникли серьезные осложнения.

Еще в 64 г. скончался Унгюйми-Фэйван, враг хуннов и верный союзник Китая. Перед смертью он попытался укрепить свои позиции браком старшего сына Юаньгюйми с китайской царевной и передать ему престол. Но в разгар сватовства Унгюйми умер, и старейшины возвели на престол, согласно прежнему условию, его племянника Ними.

Ними был сын хуннской царевны, и хуннофилы, которых среди усуней было немало, возлагали на него большие надежды. Однако положение хуннов скоро стало столь печально, что ориентироваться на них было бессмысленно. Ними принял титул Куан-ван (китайский титул: ван — царь), женился на китайской царевне Гяй-ю, которая родила ему сына, но между супругами не было согласия.

В 52 г. в Усунь приехали послы китайские вельможи: Вэй Хо-и и Жень Чан. Царевна договорилась с ними убить мужа. На пиру китайский ратник ударил Ними мечом, но промахнулся; меч скользнул, и раненый князь успел вскочить на коня и ускакать. Старший сын Ними поднял народ против изменницы-мачехи, и несколько месяцев толпы усуней осаждали дворец, где жила царевна, и китайское посольство в городе Чигу. Только подкрепления, посланные наместником Западного края, вызволили их. Китайский двор был недоволен их самоволием, началось следствие, при котором выяснилось полное непонимание китайским правительством усуньских дел. Самовольные вельможи были привезены в клетках в столицу и обезглавлены. Крамольную царевну следователь бил по голове и ругал, за что по ее жалобе был казнен. Посол, приехавший с сочувствием и извинениями к усуньскому князю, по возвращении был отправлен в шелководельню за то, что не убил Ними, имея к тому возможность. Короче говоря, правительство растерялось.

В это время в Усунь восстал Уцзюту, сын Унгюйми от хуннской царевны. Он заявил, что из «дома его матери скоро придут хуннские войска»^[403], и народ собрался к нему. Видимо, китайский протекторат изрядно надоел усуням. Уцзюту напал на Ними и, убив его, захватил власть.

В западных владениях Китая начали уже готовить крепости к обороне, но все уладила одна из приближенных царевны Гяй-ю, которая долго была замужем за усунем и пользовалась уважением и влиянием. Она сначала поехала в Китай и сообщила императору о положении в Усунь. Затем, уже в роли посланницы, вернулась обратно и уговорила Уцзюту поделиться властью со своим единокровным братом, сыном Гяй-ю, Юаньгюйми. Юаньгюйми получил титул старшего гуньмо и 60 тыс. юрт, а Уцзюту — титул младшего гуньмо и 40 тыс. юрт, но народ был привязан к младшему князю. Юаньгюйми вскоре умер от болезни, и ему наследовал его сын, Синми, человек безвольный и ничтожный. Царевна вернулась в Китай с тремя детьми. Она получила земли, дворец, хорошее содержание, но скоро умерла. Однако дело ее рук не погибло: распри продолжали раздирать Усунь, и усунь уже не были опасны для китайского господства в Западном крае.

Положение Усунь еще больше осложнялось возникшей войной с Кангюем. Царство Кангюй,

расположенное в степях между Аральским морем и Балхашем, было и осталось союзником Хунну.

В середине I в. до н. э. Кангюй описан как кочевое владение, лежащее от Давани, т. е. Ферганской долины, на расстоянии 2000 ли^[404], т. е. около 900 км. Значит, Кангюй находился в холмистой степи Восточного Казахстана, между озером Балхаш и Иртышом. От Средней Азии, или Турана, его отделяли бесплодная степь Бет-Пак-Дала и пески Муюнкум. На востоке он примыкал к Тарбагатаю, на западе граничил с государством Яньцай, т. е. аланами^[405]. На китайских картах Западного края указаны границы Кангюя: восточная — у озера Алакуль, южная — у хребтов Киргизского Алатау (причем по историческим сведениям Таласская долина была окраиной Кангюя), западная — у реки Сарысу, а северо-западная у озера Тенгиз, где Кангюй граничил с Уи-бэй-го — Северным Уи, в названии которого нетрудно усмотреть этноним угры; по данным археологии, они именно там и обитали^[406]. «История Старшей династии Хань» сообщает, что Кангюй имел пять вассальных владений. На карте они помечены на северном берегу Чу. Расстояние между ними приводятся: максимальное от Янгуань (крепость недалеко от Дуньхуана) — 8555, минимальное — 7525 ли, т. е. между ними расстояние около 500 км. Это как раз протяжение Чу от Чу-Илийского хребта до Сыр-Дарьи, около Кзыл-Орды. Китайские названия владений (Сусйе, Фуму, Юни, Ги, Юегянь)^[407] ничего не дают для идентификации их с местными названиями или с названиями, известными из Страбона. Эти небольшие лимитрофные княжества заслоняли Кангюй от Согда, Ирана и Греко-Бактрии, а позднее Кушана. Зато с парфянами кангюйцы должны были непосредственно сталкиваться: по левому берегу Сыр-Дарьи, ниже Кзыл-Орды, сохранились развалины древних городов^[408], а, согласно Страбону, на восточном берегу Аральского моря жили да'и, основное парфянское племя^[409]. Но характер связей Кангюя с Парфией остался неизвестным.

Отношения Кангюя с Китаем были всегда враждебными. Во время похода Ли Эршиского кангюйцы хотели оказать помощь осажденному Гуйшуану, но опоздали. В дальнейшем китайских послов они принимали весьма грубо^[410]. Вероятно, именно противодействие Кангюя парализовало китайское влияние в Давани. Возможно, не без кангюйского участия вспыхнуло восстание в Яркенде в 65 г., когда были убиты китайский посол и владетель-китаефил^[411]. Впрочем, восстание было подавлено.

Кангюйское царство было в это время значительным: население исчислялось в 600 тыс. человек, строевое войско — в 120 тыс. Это немалая цифра для тех времен. Почти столько же было персов в эпоху Кира и лишь вдвое больше греков. Для нас важнее знать, кем Кангюй был населен и в каких отношениях находился со своими соседями. В «Истории Старшей династии Хань» сказано, что западный сосед Кангюя — Яньцай — от него независим^[412], в «Истории Младшей династии Хань» говорится, что от Кангюя зависимы и Яньцай и его северный сосед — Янь^[413]. Подчинение Кангюем этих соседей произошло уже в I–II вв. н. э. Волгу кангюйцы не переступили.

Кангюй сильно враждовал с Усунью. Подчинение же Усуни Китаю вызвало военное вмешательство Кангюя, причем разделенная и дезорганизованная Усунь не могла защититься. Однако и кангюйцы не были в состоянии полностью разгромить Усунь без посторонней помощи, поэтому они искренне желали успеха хуннам. Усуни же, признав протекторат Китая, полностью порвали с хуннами. Даже Уцзюту, сын хуннской царевны, отказался от родства ради сохранения престола.

Вообще Усунь сравнительно с Хунну была государством слабым и ничтожным. Страсти, волновавшие князей и дружинников, были тут и там одни и те же, но Хунну походило на взбаламученное море, а Усунь — на потревоженный пруд. Таково было главное различие между

этими двумя народами, сходными по происхождению, культуре и образу жизни. Вся дальнейшая история Усуни состояла из мелких распрей, доносов, измен, предательских убийств и особого интереса не представляет.

ПОДЧИНЕНИЕ ХУННУ КИТАЮ

Вернемся к хуннам. Народ разделился на две части, но в ставках обоих шаньюев было неблагополучно.

Большая часть хуннов оказалась в подданстве Чжичжи, из них наиболее разумные были обескуражены и подавлены неудачей переговоров с Китаем. Все жаждавшие покоя постепенно перебирались на юг к Хуханье и умножали его силы. Оставались «горячие головы», толкавшие Чжичжи к новым авантюрам, и шаньюй следовал за ними, хотя это не могло привести к добру.

Хуханье тревожили те же элементы хуннского общества — воинственные и вечно недовольные. На его счастье, однако, вождь недовольных — младший брат погибшего чжукишаньюя — покинул его и бежал в западные степи. Там он собрал своих сподвижников и объявил себя шаньюем под именем Илимун. Таким образом, Хуханье избавился от человека, способного поспорить с ним с китайским сюзереном, а Чжичжи приобрел нового врага. Впрочем, тот расправился с ним быстро. Илимун-шаньюй пал в первой же битве, а народ его снова подчинился Чжичжи.

Учитывая, что Хуханье получает от Китая помощь хлебом, но может получить и войском, Чжичжи не вернулся на восток, под удары врага. Он перенес свою ставку в Джунгарию и направил к усуньскому гуньмо Уцзюту посла для переговоров. Уцзюту же обезглавил посла и его голову послал китайскому наместнику, а против хуннов выдвинул 8 тыс. всадников. Чжичжи разбил усуней и повернул на север, где покорил хагасов (древнее название — гяньгуни), отпавших в 56 г., и динлинов. Обеспечив свой тыл, он снова пошел на усуней и весьма стеснил их.

Тем временем Хуханье осмелел и перебрался обратно на север — в Восточную Халху. Его подданные не терпели ни в чем недостатка, и число его сторонников росло^[414].

В 48 г. Чжичжи потребовал своего сына из Китая. Задержать его у китайцев не было оснований, и его отпустили, а вместе с ним направили к Чжичжи посла. При невыясненных обстоятельствах посол был убит в ставке Чжичжи. В Китае долго не знали о судьбе посла, но когда это стало известно, участь Чжичжи была решена.

Опасаясь Хуханье и китайцев, Чжичжи принял предложение кангюйского владельца присоединиться к нему для совместного похода на Усунь. В случае удачи Чжичжи должен был получить усуньские земли для поселения. Хунны тронулись на запад через холмы Тарбагатай и пустыню Бет-Пак-Дала. По пути их застали пурга и морозы. Много людей замерзло, и только 3 тыс. хуннских воинов привел Чжичжи в Кангюй. С такими силами о покорении Усуни нечего было и думать.

После ухода Чжичжи Хуханье овладел всей территорией Хунну. В хуннской державе, остававшейся под покровительством Китая, воцарился мир. Мирный договор, заключенный в 47 г., гласил, что «дома Хань и Хунну равноправны».

Множество храбрых погибли в гражданской войне, а уцелевшие спаслись ценой такого перенапряжения, что жаждали только покоя. Вместе с тем инерция былого величия была еще настолько велика, что окрестные племена не решались нападать на хуннов, и в степи на полстолетия установился прочный мир. Его можно по справедливости назвать Pax Sinica.

Кангюйский царь радушно принял Чжичжи, дав ему в жены свою дочь, а сам женился на дочери Чжичжи. Непонятно, почему 3 тыс. хуннов могли иметь такое значение для страны, которая могла выставить 120 тыс. всадников. Но тут мы, видимо, опять наталкиваемся на преувеличение и стремление округлить цифры выше 10 тысяч. Кроме того, эти всадники были разбросаны на территории от Волги до Тарбагатай, и, надо думать, под рукой у кангюйского владыки крупных сил не было. Поэтому небольшой, но сплоченный и боеспособный отряд Чжичжи представлял для кангюйцев солидную силу.

Первый удар союзники обрушили на усуней, совершенно неподготовленных к активной войне на западном фронте. Чжичжи опять показал себя блестящим полководцем и мастером хуннского способа ведения войны. Нападение следовало за нападением, причем в 42 г. до н. э. хунны разгромили столицу Усуни — Чигу, т. е. Город красной долины, расположенный в верховьях Нарына^[415]. Усуням пришлось бросить свои западные владения и уйти на восток. Это спасло их от полного поражения.

Другим объектом хуннских набегов оказалась Ферганская долина, но, видимо, Чжичжи ограничивался только ограблением ее, так как осада крепостей была хуннам не под силу^[416].

Награбленная добыча требовала места для хранения. В долине реки Талас Чжичжи выстроил для себя и своего отряда крепость. 500 человек строили ее два года. Она была окружена земляным валом и двойным частоколом со сторожевыми башнями, что указывает на влияние римской фортификации. В гарнизоне этой крепости находились свыше ста пехотинцев, которых считают римлянами. Предполагается, что это были легионеры Красса, сдавшиеся парфянам и направленные ими служить на восточную границу^[417]. Но почему они попали к Чжичжи?

В донесениях китайской разведки о деятельности Чжичжи содержится сведение, что он лелеял планы завоевания юэчжей и парфян^[418]. Тут несомненная путаница, так как юэчжи и парфяне были враждебны друг другу, и Чжичжи мог иметь всегда одно из этих владений своим союзником. По-видимому, он вступил в союз с парфянами и получил от них помощь в виде центурии римских легионеров, которые и помогли ему построить укрепленный лагерь. Возможно, именно этот союз повлек за собой разрыв хуннского шаньюя с кангюйским царем. По неизвестным причинам этот последний чем-то оскорбил Чжичжи, а тот убил свою жену — кангюйскую царевну и несколько сот знатных кангюйцев, причем тела последних были изрублены на мелкие куски и брошены в реку.

Казалось бы, после этого кангюйцы должны были стереть в порошок маленький хуннский отряд, но этого не случилось. Наоборот, когда вскоре прибыло китайское посольство, его приняли враждебно и даже оскорбительно. Надо полагать, в Кангюе шла внутренняя борьба, а Чжичжи поддержал и привел к власти одну из партий, чем и укрепил свое положение.

Китайский двор негодовал по поводу поступков Чжичжи и горел мстью за убийство посла, которое открылось много лет спустя, но бросить войска в такую даль правительство не решилось. Так бы и сидел Чжичжи в своей крепости, если бы не цепь случайностей, которая превратилась в закономерность. Некий одаренный и образованный китайский чиновник Чэнь Тан за что-то попал в тюрьму. Он просил заменить ему заключение службой на границе, что тогда практиковалось, и был направлен в Западный край в должности младшего офицера. Там ему не понравилось, и он решил во что бы то ни стало добиться реабилитации. Средством для осуществления своей цели он избрал Чжичжи, решив его головой купить себе право на свободную жизнь. Так как наместник Западного края не поддавался на увещевания опального офицера организовать поход на запад, Чэнь Тан, воспользовавшись болезнью наместника, подделал приказ и собрал солидное войско из китайцев и местных жителей. Наместник, увидев это, велел распустить солдат, но Чэнь Тан, выхватив меч, потребовал ему не мешать. Тогда испуганный наместник сам присоединился к армии.

Чтобы облегчить продвижение, Чэнь Тан прошел через дружественную территорию усуней. Только вступив в Чуйскую долину, он столкнулся с кангюйской конницей. В результате внезапного нападения кангюйцы захватили обоз китайской армии. Чэнь Тан настиг их, разбил и отобрал добычу. Но так как победа над кангюйцами китайцам была не нужна, то они не продолжали военных действия, а, пустив в ход дипломатию, привлекли на свою сторону противников хуннского шаньюя, очевидно, сородичей изрубленных хуннами кангюйских вельмож. Это дало возможность китайской армии совершить марш без всяких помех до Таласской долины.

Хуннский шаньюй не был застигнут врасплох. Не имея возможности отступить, он даже попытался начать переговоры, но был поставлен перед выбором: сдаваться или драться. Чжичжи отказался идти в Китай в цепях, и осада началась. Сначала хунны и их союзники попробовали отбросить врага от стен крепости, на башне которой развевалось пятицветное знамя. Двое ворот прикрывали пехотинцы, построенные «подобно рыбьей чешуе». По-видимому, это были римляне^[419]. Но китайцы, пустив в ход свои тугие самострелы, загнали противника в крепость. Град стрел парализовал защитников стен и башен. Сам Чжичжи был ранен стрелой в нос и вынужден был удалиться во дворец. Его отсутствие вызвало панику: первыми потеряли присутствие духа кангюйцы, последними — хуннские женщины, сражавшиеся на стенах. Чтобы овладеть подступами к крепости, т. е. двойным частоколом, китайцы натаскали хворосту и подожгли его. Деревянные столбы загорелись, и оборона этой линии стала невозможной^[420]. Попытки защитников крепости стрельбой остановить наступление врага были безуспешны. Град стрел арбалетчиков, неуязвимых для хуннских лучников из-за дальности расстояния, решил судьбу битвы. После полуночи хунны покинули палисады и ушли за земляной вал. Тем временем китайцы успели покрыть гатью ров и подготовиться к штурму.

Ночью кангюйская конница пыталась напасть с тыла на китайский лагерь, но была отогнана арбалетчиками. Также была отбита вылазка из крепости. В предутреннем тумане под звон цимбал и бой барабанов китайцы пошли на приступ одновременно со всех сторон. Им удалось прорваться внутрь вала, но хунны не сдавались, пока не загорелся дворец шаньюя. Сквозь дым и пламя китайские ратники ворвались во дворец, где лежал раненый шаньюй; ему отрубили голову, и только после этого оставшиеся защитники крепости сложили оружие^[421]. Битва кончилась, началась расправа. Были обезглавлены жена Чжичжи, его старший сын и 1518 человек, по-видимому, хуннов^[422]. Более тысячи человек сдались на милость победителя.

Китайцы не стали закрепляться в Кангюе. Чэнь Тану нужны были не территориальные приобретения, а личная реабилитация. Как только нарочный привез голову шаньюя и рапорт полководца в столицу, там начались разногласия среди сановников. Одни указывали на самовольство Чэнь Тана, называли поход авантюрой и требовали наказания обоих предводителей. Другие утверждали, что это блестящая инициатива, говорили о престиже Китая, о мести за жизнь посла и предлагали наградить и наместника и Чэнь Тана. В конце концов победило второе мнение; Чэнь Тан добился того, чего хотел.

Больше всех выиграл на этом Хуханье, оставшийся единственным владыкой хуннов; Китай получил только моральное удовлетворение, а на западе Средней Азии восстановилось положение, существовавшее до прихода туда хуннов. Тем не менее престиж Китая на западе возрос, и непосредственно вслед за гибелью Чжичжи кангюйский царь послал в Китай посольство и своего сына в заложники. Искренность добрых чувств кангюйского царя была сомнительна. Наместник Западного края, бывший в курсе дела, по этому поводу послал донесение, в котором утверждал: «Посылка сына как заложника — это хитрость, предлог, чтобы начать торговлю»^[423]. Однако император счел за благо закрыть глаза на прошлое, и торгово-дипломатические связи Китая с Кангюем были установлены. Это обезопасило западную границу новых владений Китая, лишило хуннов тыла и возможности маневрировать в случае отложения.

Динлины сыграли немаловажную роль в катастрофе, постигшей Чжичжи. Восстание 71 г. до н. э. вернуло им самостоятельность. В 57 г. южные соседи динлинов — хагасы (гяньгунь) приняли участие в гражданской войне; во главе их стоял сын Ли Лина^[424]. Хотя в 48 г. Чжичжи снова покорила и динлинов и хагасов, восстановив хуннское владычество в Западной Монголии и Минусинской котловине, его уход на запад дал возможность динлинам и хагасам вернуть свободу. В дальнейшем оба эти народа слились и составили единый народ — енисейских кыргызов^[425].

Для того чтобы более четко представить себе этот интереснейший народ, мы должны дополнить наши сведения данными раскопок.

Согласно китайским сведениям, «жители вообще росли, с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами. Черные волосы считались нехорошим признаком, а с карими глазами почитались потомками Ли Лина»^[426]. Это описание корректируется данными раскопок. В таштыкскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.), к сожалению, практиковался обычай трупосожжения, но вместе с этим на останки клали погребальную маску, которую С. В. Киселев считает портретной^[427]. Сводит он все типы масок к трем группам:

1. Лица крупные, со слабо выраженной скуластостью, довольно полными губами, прямо поставленными глазами, выдающимся вперед подбородком и тонкими, длинными носами с горбинкой.

2. Лица крупные, более широкие, с полными губами, прямо поставленными глазами, прямыми носами.

3. Лица более тонкие, удлиненные, со слабо выраженной скуластостью, тонкими губами, прямо поставленными глазами, умеренными подбородками и миниатюрными, слегка вздернутыми прямыми носами.

Лишь лица последней группы приближаются к маскам, найденным в тагарских курганах и грунтовых таштыкских могилах типа Оглахты^[428]. Маски были антропологически исследованы Г. Ф. Дебецем, который дал следующую характеристику: «В общем таштыкские маски представляют смешение европеоидных и монголоидных черт, напоминая больше всего современных шорцев и хакасов. Впрочем, среди последних удельный вес монголоидного компонента, по-видимому, несколько больше»^[429].

Тут мы встречаем несоответствие письменного свидетельства с вещественным. Однако следует учесть, что маски были произведениями искусства, значит, были дороги и недоступны бедным людям. Мало того, они не вполне воспроизводили существовавший тип. Вспомним, что в могилах Пазырыка были обнаружены монголоиды с каштановыми подвесными бородами. Здесь же речь идет о подгонке под монголоидность. Несомненно, что динлинские старейшины подражали своим хуннским хозяевам и в одежде, и в манерах, и во вкусах, а это должно было отразиться в первую очередь на искусстве. Добавим к этому, что маски разрисованы очень изящным узором^[430], а мы знаем, что в хуннский церемониал входило расписывание лица^[431]. Итак, хуннское влияние на динлинов, по-видимому, имело место.

Еще более важно изменение погребального обряда: старинное трупоположение заменяется трупосожжением. Это знаменует смену религиозных представлений, причем новая религия перешла по наследству к древним тюркам (тюркютам) и дожила до IX в. К сожалению, скудость находок предметов культа не позволяет высказать суждения о духе новой религии, а письменные сведения относятся уже к позднему периоду — IX в., когда все могло измениться.

Несомненно китайское влияние на динлинов; в погребении Уйбат обнаружены остатки

церемониальных зонтов, так же как в Ноин-ула — большом хуннском кургане. Очевидно, динлины китаизировались параллельно со своими господами, хуннами. Самой интересной находкой, характеризующей это время, является китайский дом ханьского времени около города Абакана. Открывшая его Л. А. Евтюхова доказала, что это дворец Ли Лина и его потомков^[432]. Но вместе с обновлением культуры продолжали существовать древние динлинские обычаи, например обычай татуировать руки храбрецов^[433]. Археологически этот обычай зафиксирован при раскопках второго Пазырыкского кургана. Динлинская культура таштыкской эпохи была гибридом и дожила до II в. н. э.

Быт подавляющего числа динлинов был прост; примитивное земледелие, оседлое скотоводство и охота составляли их хозяйственную основу. Одевались они в шерстяные и шелковые китайские ткани. В обработке металлов наблюдается прогресс: золото вошло в обиход, и началась добыча железа^[434], но бронза еще была в ходу.

Социальный строй в эту эпоху резко изменился. Рядовые могилы уже лишены оружия и ценных вещей, которых очень много в богатых могилах. С. В. Киселев полагает, что в это время уже сложилась аристократия, и это были «всадники-воины, отличавшиеся от соплеменников обрядом погребения. В распоряжении этих воинов имелись подчиненные им люди, совершенно бесправные, обрекавшиеся на следование за ними даже в могилу. Очевидно, это рабы...»^[435]. Действительно, наличие рабства у кыргызов подтверждается китайским источником^[436], и возможно, что оно существовало с хуннского времени, как заимствованный институт. Еще более схожи те элементы родового аристократизма, которые отмечает С. В. Киселев, анализируя богатые погребения^[437]. Необходимо признать, что у динлинов с I в. до н. э. начало преобладать восточное хуннское влияние, а элементы западной культуры сохранялись как реликты.

В конце I в. до н. э. китайская империя достигла тех границ, какие почти две тысячи лет спустя имела маньчжурская империя. Посмотрим, как оценивали состояние тогдашнего Китая современники.

«В царствование У-ди (У-ди. — Л. Г.)... при соображении мер к обузданию хуннов беспокоились о том, что хунны присоединили к себе Западные владения, на юге вступили в союз с тангутами. Но когда за Ордосом открыли четыре области, построили Юй-мынь-гуань и вступили в сообщение с Западным краем, чтоб отсечь правую руку у хуннов, на юге отрезать их от тангутов и юэчжы; то шаньюй, лишенный подкрепления, далеко уклонился (от Великой стены к северу), и уже более не было княжеских орд на южную сторону песчаной степи.»^[438]

Надо отдать должное цитируемому здесь Бичуриным историку Бань Гу: он великолепно нарисовал картину величия и упадка Дома Хань и объяснил многие причины того и другого. Более того, он, как стихийный диалектик, показал, что одно и то же явление породило сначала расцвет, а потом — упадок. Не только внешнеполитические задачи озабочивали, а подчас и удручали ханьских императоров; внутренние экономические и социальные проблемы назревали с не меньшей остротой. Поэтому обратимся к другим китайским авторам^[439].

Против системы монополии на соль, железо и вино был направлен трактат «Спор об управлении соли и железа» («Янь те лунь»). Этот трактат написан, по-видимому, на рубеже II–I вв. до н. э.^[440] В нем указывалось, что система монополии и принудительных цен разрушает сельское хозяйство и отвлекает многих людей от земли, заставляет их предпочитать контрабанду и подпольное занятие ремеслом земледелию. Далее говорилось, что от торговли с иностранцами получаются огромные прибыли: «За кусок обыкновенного китайского шелка можно выменять у хуннов предметы стоимостью в несколько золотых и тем самым уменьшить ресурсы врага. Мулы, ослы, верблюды проходят границу, направляясь к нам непрерывной чередой. Лошади всех пород и видов поступают в наше распоряжение. Меха соболей, сурков, лисиц, барсуков, цветные и разукрашенные ковры наполняют наше казначейство, а яшма, драгоценные камни, кораллы и кристаллы становятся фондом нашего княжества. Если прибыли не утекают от нас в другие княжества, это значит, что народное потребление достаточно изобильно»^[441]. Очевидно, автор трактата расходился с мнением правительства, полагая, что и крестьянам надо уделять долю государственных прибылей, для чего следует уменьшить цены на соль и железо и разрешить производителю повышать цены на продукты земледелия. Компенсацию за облегчение положения китайского крестьянства он предлагал получить во внешней торговле, которую описывает столь радужно. С этим, разумеется, не мог согласиться У-ди, прекративший торговлю с хуннами и весьма нуждавшийся в деньгах для войн.

«Янь те лунь» решительно осуждает применение труда рабов и преступников. В Китае их использовали на государственных работах, в том числе на производстве железных орудий. Невольники работали, согласно «Янь те луню», плохо: дороги и орудия были скверны. «Бедный люд пашет бревнами и пропальвает руками»^[442]. Но до того ли было У-ди? Ему нужны были «небесные кони».

Еще более резко писал Бань Гу, вкладывая обвинительную речь в уста крупного ученого-конфуцианца Дув Чжун-шу:

«При династии Цинь... применяли реформы Шан Яна, изменили систему древних государей, отменили систему колодезных полей^[443]. Народ смог продавать и покупать землю. Поля богатых протянулись вдоль и поперек, а у бедных не стало места, где воткнуть шило. Кроме того, у них [богатых] выгоды от рек и озер, богатство от гор и лесов, как может бедный

люди не страдают? Военные и трудовые повинности в 30 раз больше, чем в древности, земельный и подушный налоги, сборы за соль и железо в 20 раз больше, чем в древности, некоторые обрабатывают поля крупных землевладельцев за половину урожая. Поэтому бедный народ постоянно одевается в шкуры животных, ест пищу собак и свиней. Это усиливается еще тем, что алчные и жестокие чиновники своевольно приговаривают и убивают их. Погибая от мучений, не имея опоры, народ убегает в леса и горы, чтобы стать разбойниками. Полуголых, на половине дороги, приговаривают к тюрьме. За год число их достигает тысяч и десятков тысяч. Когда воцарилась династия Хань, она сохранила это и не изменила. Хотя древнюю систему колодезных полей трудно сразу провести, но необходимо понемногу приближаться к древности. Ограничить частное владение землей, чтобы уравнивать с тем, у кого земли недостаточно. Прекратить захват земли. Отдать народу соль и железо. Отменить рабство. Отменить право на убийство рабов. Уменьшить налоги, сократить повинности, чтобы облегчить положение народа. Только тогда можно будет хорошо управлять...»^[444]

У-ди не согласился с ученым-конфуцианцем, но его преемникам пришлось искать выход из трудного внутреннего положения. В конце I в. начались восстания невольников на рудниках. Это были первые ласточки. Китайская экономика и социальная жизнь при внешнем блеске неуклонно разлагались. К концу I в. до н. э. это стало абсолютно ясно. Сановники Кун Гуан и Хэ У подали императору Пин-ди (1–5 гг. н. э.) доклад с просьбой, «...чтобы поля знати, чиновников и народа не превышали 300 му (му около 6 га. — Л. Г.), число рабов у князей не превышало 200, а у чиновников и народа не превышало 30. Срок закона должен был наступить через три года»^[445]. Однако не ханьским монархам пришлось нести ответственность. В 8 г. н. э. канцлер Ван Ман узурпировал престол.

Но покинем на время Китай и вернемся в хуннские степи.

ХУННЫ ПОД ПРОТЕКТОРАТОМ КИТАЯ

Хуханье-шаньюй умер в 31 г. до н. э., оставив много детей. По завещанию он передал престол старшему сыну второй жены, с тем чтобы ему наследовал младший брат. Это распоряжение в последующие годы приобрело силу закона.

Наследник принял титул Фучжулэй-жоди-шаньюй. Приставка «жоди» означает «почтительный» (подразумевается — к императору) и указывает на отказ от суверенитета. В 25 г. он сам явился ко двору с изъявлением покорности и получил в награду много шелка и бумажной ваты. В 20 г. он умер, передав престол своему младшему брату Сэусье-жоди-шаньюю. Сэусье-жоди послал сына в Китай на службу. В 12 г. Сэусье умер, и престол перешел к его двоюродному брату — Гюйя-жоди-шаньюю. После смерти Гюйя-жоди в 8 г. шаньюем стал его младший брат Учжюлю-жоди. Все перечисленные шаньюи отправляли старших сыновей на придворную службу в Китай, где те жили на положении почетных заложников. Политическое господство в степи, несомненно, принадлежало Китаю. Но не следует думать, что 30 лет покоя и подчинения вредно отозвались на состоянии хуннского народа. Хуннское общество усваивало китайскую культуру. Достижения цивилизации перестали казаться диковинками, и соблазны ее уже меньше пленяли воображение кочевников. Вместе с тем шла переработка и обновление степных традиций. Пусть с Чжичжи погибло много тысяч богатырей — за 30 лет эта утрата возместилась. Это явственно показало событие 5 г. до н. э., само по себе маловажное. Один из усуньских князьков попытался по примеру отцов напасть на хуннские кочевья в поисках богатства и славы. Сперва он имел успех и наградил немало, но Учжюлю-шаньюй явился с войском и так разгромил князька, что последний не только вернул добычу и пленных, но даже отправил своего сына в заложники в хуннскую ставку, закаявшись нападать на столь опасного соседа^[446].

Вскоре по возведении Учжюлю на престол китайское правительство попыталось обрезать земли хуннов. Посланник предложил шаньюю уступить небольшой клин, вдавшийся в китайские владения. Ценность этой земли заключалась в том, что там рос лес, годный на дровяки для стрел, и водились орлы, перья которых употреблялись для стрел. Шаньюй отказал и обратился с претензией к императору, на что ему ответили, что посол превысил свои полномочия и должен бы быть казнен, но подошел под амнистию и просто переведен на юг. В 1 г. до н. э. шаньюй приехал ко двору и получил больше подарков, чем его предшественники. Ханьское правительство старательно поддерживало мир. Но в 1 г. н. э. Ай-ди умер, и на престол вступил малолетний Пин-ди. Регентшей была объявлена императрица-бабка, а фактическим правителем стал ее фаворит Ван Ман. Он был преисполнен чувства собственного величия и резко изменил внутреннюю и внешнюю политику Китая.

В 4 г. китайский пристав^[447] запретил ухуаням давать дань хуннам. Когда приехал сборщик дани, ухуани отказали ему, и тот повесил за ноги ухуаньского старейшину. Раздраженные сородичи казненного убили сборщика. Шаньюй направил восточного чжуки-князя на усмирение, и несчастные ухуани принуждены были, бросив юрты и семьи, спасаться в горах. Около тысячи женщин и детей хунны увели в плен и не вернули даже за выкуп^[448]. Ван Ман ничем не помог спровоцированным им ухуаням.

Тем временем Усунь распадалась. Дети младшего гуньмо Уцзюту погибли в междоусобной борьбе, и престол был передан китайцами новым князьям. Старший гуньмо Цилями стал насаждать у себя в уделе китайские порядки и запретил сородичам пасти скот на его пастбищах. Те возмутились и убили его. Китайцы ответили на это репрессиями, покатались головы виновных и невинных^[449], и тогда, в 11 г. до н. э., один из князей увел 80 тыс. усуней в Кангюй.

Там он просил помощи у кангюйского правителя для отвоевания своей страны, но, по-видимому, не получил ее и попытался договориться с Китаем. В 3 г. н. э. он был захвачен врасплох китайским отрядом и убит.

После этого почти исчезают упоминания об усунях, только под 436 г. сообщается, что под давлением жужаней усунь покинули родные кочевья и переселились в «Луковые горы» ^[450], т. е. в западные отроги Тяньшаня. К этому времени они стали так малочисленны, что на них никто не обращал внимания. Остатки их, видимо, ассимилировались с таджиками.

Владетели Западного края были отнюдь не в восторге от подчинения Китаю, но ничего не могли поделать. Отношение их к Китаю было отрицательным. Так, например, когда владетель Кучи ввел в своем дворце китайскую одежду и обряды, о нем зло говорили: «Осел — не осел, лошадь — не лошадь, разве назвать его лошаком» ^[451]. Но о свержении китайского ига они и думать не могли: слишком неравны были силы.

Бывает в жизни, что ничтожные причины влекут за собой большие последствия. В 3 г. китайский чиновник арестовал Гу-гюя, владетеля Заднего Чеши. Последний пробовал спастись при помощи взятки, но безуспешно. Зная, что ему грозит долгая тюрьма и смерть, он рискнул и убежал к хуннам. Вместе с ним передался хуннам Танду, офицер китайской службы, по происхождению хунн. Он боялся Ван Мана, с приспешниками которого у него были личные счеты. Шаньюй принял было перебежчиков, но по настоянию Ван Мана выдал их китайскому послу. При этом он просил пощадить Гу-гюя и Танду, но оба были обезглавлены ^[452]. Отношения между шаньюем и правителем были испорчены. Несмотря на это, был подтвержден старый договор, гласивший: «Отныне впредь Хань и Хунну будут составлять один Дом; из рода в род не будут ни обманывать друг друга, ни нападать друг на друга. Если случится воровство, то взаимно извещать и производить казнь и вознаграждение, при набегах неприятелей взаимно вспомоществовать войском. Кто из них прежде нарушит договор, да воспримет кару от Неба и потомство его из рода в род да постраждет под сею клятвою» ^[453]. К этому договору теперь было добавлено, что хунны не должны принимать перебегающих к ним китайцев, усуней, жителей Западного края и ухуаней ^[454]. Сверх того, шаньюю было предложено называться односложным именем, так как в Китае Ван Ман запретил двусложные имена. Учжюлю-шаньюй не стал спорить и свое личное имя Нанчжиясы изменил на Чжи.

Пока все это были мелочи, но после вступления на престол Ван Ман захотел большего — неограниченной власти внутри и вне Китая. Такой власти до него никто не имел: даже китайские императоры считались с законами своей страны.

Карта. Срединная Азия около 30 г. до н. э.

Срединная Азия около 30 г. до н.э.

ЗАХВАТ ВЛАСТИ ВАН МАНОМ И ЕГО РЕФОРМЫ

Вступив на престол, Ван Ман, вдохновленный конфуцианскими идеями, заявил, что династия Хань потакала сильным и обижала слабых, что люди наживались за счет других и, наконец, что «человек благороднее всего»^[455]. Начал он с земельных отношений. Его указ гласил: «Ныне я изменяю названия следующим образом: все поля империи будут называться царскими полями, рабы и рабыни — частно зависимыми. Всех их [землю и рабов] ни продавать, ни покупать. Если мужчин меньше восьми, а земли больше, чем колодезное поле, то излишняя земля передается родичам до девятого колена, соседям или односельчанам. Все безземельные ныне должны получить землю по закону. Нарушители мудрой системы колодезных полей, незаконные возмутители масс, будут сосланы на границы для обороны от горных дьяволов»^[456].

Ван Ман отменил также старый порядок отливки монет, согласно которому все желающие могли отливать их из меди и олова, уплачивая налог за ремесло (патент). При выплавке полноценной монеты этот промысел был бездоходен, что вызывало порчу монеты. Еще во II в. до н. э. указывалось на порочность системы, но она держалась^[457]. Ван Ман указом запретил отливку монеты: «У тех, кто осмелится заниматься противозаконной выплавкой монеты... конфискуется имущество, и сами они становятся государственными рабами вместе с четырьмя соседями, которые знали и не донесли»^[458]. Круговая порука была причиной гибели множества невинных, так как удержать соседа от преступления было невозможно. Отливка монеты 200 лет была ремеслом; отливщики кормились ею и ничего другого не умели делать. Чтобы не умереть с голоду, они нарушали запрет, но закон был строг: «...люди, нарушившие запрет об отливке монеты, в числе пятерок семей... подверглись аресту, конфискации имущества и стали государственными рабами... Мужчины на телегах в клетках для преступников, женщины и дети пешком с бряцавшими на шее железными цепями в количестве сотен тысяч были... переданы чиновникам, ведающим отливкой монеты... От горя и мучений погибали шесть-семь из десяти...»^[459].

Не менее строгий контроль был установлен над торговлей: «Ведающие рынками в среднюю луну каждого времени года устанавливают высшие, средние и низшие цены на товары, которыми они ведают. Каждый из них применяет уравнение цены на своем рынке, не вмешиваясь в другие области. Если пять сортов зерна, холст, шелковые ткани, пряжа и другие товары, широко потребляемые народом, останутся непроданными, ведающий ими чиновник не допускает снижения цены, покупая их по основной цене, выяснив их действительную стоимость. Если цена на товары повысится даже на один цян, то он будет продавать их народу по средним ценам. Когда цена товаров ниже средней, он предоставляет народу вести обмен друг с другом, чтобы предотвратить накопление и удорожание»^[460]. Смысл закона был именно в последних словах: Ван Ман хотел ограничить рост богатства в частных руках и за счет этого увеличить государственные доходы.

Результаты закона не замедлили сказаться: «...земледельцы и купцы остались без занятий, продовольствие и товары исчезли, народ плакал на рынках и дорогах. Невозможно было сосчитать число осужденных из знати, служилых людей и простого народа за продажу полей, рабов и выплавку монеты...»

Большое количество государственных рабов позволило Ван Ману затеять огромные постройки дворцов-храмов, но рабов для этого оказалось недостаточно. «Ван Ман объявил по всей стране большой набор ремесленников и рисовальщиков... Во всех храмах было много зал, вершины и основания колонн украшались тонкой медью, золотом, серебром и резным орнаментом, доведенным до предела искусством мастеров... Денег тратились миллионы...

рабов и преступников умерло несколько тысяч...»^[461]

Реформы Ван Мана вызвали огромное противодействие. Поэтому через несколько лет он вынужден был отменить запрет купли-продажи земли и рабов. В конце 12 г. н. э. последовал указ, гласивший: «Царские поля, переданные на кормление, и частно зависимые [рабы] могут продаваться и покупаться без ограничения законом»^[462]. Этот закон был издан в интересах землевладельцев, рабовладельцев и, видимо, главным образом чиновников, разбогатевших на государственной службе и скупавших земли у опальной старой знати. Указ сводил на нет те немногие послабления, которые вначале были сделаны крестьянам и рабам. Чиновники и офицеры были так нужны Ван Ману, что он решился на то, чтобы поделиться с ними доходами. Властью же он ни с кем не делился. Поддержкой широких слоев населения он пренебрегал; для поддержания своего престижа он предпочитал набирать в войско людей деклассированных: осужденных на смерть преступников, беглых рабов и бродяг^[463]. Столь жестокой и сильной власти Китай еще не знал. Таковы были результаты последовательного применения конфуцианской доктрины^[464].

ОТЛОЖЕНИЕ ХУННУ ОТ КИТАЯ

В отношениях с хуннами Ван Ман повернул руль так же резко, как и внутри страны. Преисполненный высокого мнения о своей власти, он задумал перевести шаньюя в ранг пограничного вассального князька. Для этого нужно было сменить государственную печать шаньюя.

На печати, полученной Хуханье-шаньюем в 47 г. до н. э., были вырезаны слова: «Хунну шаньюй си», т. е. «Государственная печать хуннского шаньюя». Ван Ман велел изготовить другую печать с надписью: «Син Хунну шаньюй чжан» — «Новый знак хуннского шаньюя». Такая печать давалась в Китае удельным князьям и высшим чиновникам. Приняв ее, шаньюй перестал бы быть независимым государем^[465].

В 9 г. н. э. китайский посол явился к шаньюю, известил его о смене династии и предложил сдать старую печать и принять новую. Восточный гуси-князь Су посоветовал шаньюю посмотреть новую печать, а потом менять, но китайский посол настоял, и доверчивый шаньюй, отдав старую, принял новую, не посмотрев ее. После этого начался пир, тянувшийся до поздней ночи. Ночью же китайский посол, опасаясь, что шаньюй потребует возврата старой печати, разбил ее. Действительно, утром явились хунны и потребовали ее, так как переводчики разобрались в новой надписи. Посол твердо ответил, что смена печати — воля императора и что шаньюй обязан принять новое назначение. Видя, что дела не изменить, шаньюй принял подарки и сделал вид, что он на все согласен. Обрадованный успехом, посол потребовал еще выдачи перебежчиков-ухуаней, которых он обнаружил в ставке шаньюя. Последний согласился и на это и послал 10 тыс. всадников к границе под предлогом ловли перебежчиков. На самом деле хуннские всадники блокировали крепость Шофан.

В 10 г. китайский пристав Дао-ху казнил князька Заднего Чеши. Брат последнего собрал свой народ и ушел к хуннам. Он был принят, получил в помощь 2 тыс. всадников и произвел набег на китайские гарнизоны в Западном крае. Дао-ху был болен и поручил оборону своим помощникам. Они же, «видя, что Западный край очень склонен к бунту, а хунны готовятся к великому нашествию, опасались, чтобы всем не погибнуть»^[466], убили своего командира и перешли на сторону хуннов. Шаньюй принял их с почетом и дал чины. Это послужило поводом к войне. Тогда же хуннский южный предводитель и западный ичжицзы-князь напали на гарнизоны Западного края, хотя, по-видимому, ничего не достигли. Ван Ман был возмущен, но, привыкнув подкупать китайских вельмож и чиновников, он задумал применить ту же систему и к хуннским старейшинам. Он пригласил к себе князей, родственников Хуханье-шаньюя, с тем чтобы отобрать из них 15 человек и поставить их шаньюями. Ван Ман надеялся разделить силы хуннов. Однако из этой затеи ничего не вышло. Хуннские князья не пошли на измену. Китайцам удалось заманить только одного князя Хяня. Он, ничего не подозревая, приехал с двумя сыновьями, надеясь лишь попировать и получить подарки, а его схватили и «силою произвели в шаньюи»^[467] в 11 г. н. э.

Узнав об этом, Учжулю-шаньюй сразу «вспомнил», что Ван Ман — не потомок Сюань-ди, и отказался признать узурпатора. Началась война. Летучие отряды хуннов опустошили границу и угнали к себе огромное количество скота и пленных. Богатые области, 80 лет не выдавшие врага, за один год опустели. Разгневанный Ван Ман приказал мобилизовать 300 тыс. ратников и «загнать хуннов в Динлин»^[468], т. е. в Саянские горы. Напрасно ему указывали на абсурдность предприятия, так как большое войско в степях либо будет беспомощно из-за отсутствия продовольствия и топлива, либо будет снесено собственным обозом. Опытные полководцы предлагали вести борьбу мобильными отрядами, громить хуннские кочевья и угонять стада —

материальную базу противника. Ван Ман никого не слушал. Сбор войск и провианта продолжался. «Империя была приведена в движение»^[469], а хунны тем временем нападали и грабили, срывая самую возможность похода.

Пытаясь посеять раздор среди хуннов, Ван Ман послал к ним новоиспеченного шаньюя Хяня, но последний вместо выполнения поручения императора сразу же явился к законному шаньюю и рассказал о своем невольном возведении. Учжулю-шаньюй не наказал его, но послал воевать с китайцами в чине юйсучжи-чжихэу — самый низший чин у хуннов.

Когда это стало известно в Китае, Ван Ман приказал казнить сына Хяня. Другой сын умер от болезни. Но это не поправило дел на фронте. Огромная армия так и не смогла собраться и от долгих приготовлений разложилась, деморализовалась и стала непригодной к дальнему походу. Все базы на границе были уничтожены хуннами, пограничные области превратились в пустыню.

К счастью для Ван Мана, его враг, Учжулю-шаньюй, умер в 13 г. н. э.

Учжулю-шанью был торжественно похоронен и пролежал в могиле под курганом 1911 лет. В 1924 г. курган этот был раскопан экспедицией П. К. Козлова, и находки из него хранятся теперь в Эрмитаже. Курган датируется точно благодаря надписи на лакированной китайской чашечке: «Сентябрь 5 года. Цянь-пин, изготовитель Ваньтаньцин, живописец украшений Хо, другой изготовитель И, наблюдал Бянью». Дата соответствует 2 г. до н. э. На дне чашечки была надпись: «Шаньлин» — название дворцового парка около Чанъани. Там в 1 г. до н. э. Учжулю-шанью был принят императором и богато одарен^[470].

Коллекция из кургана № 6 (Ноин-ула) — это выставка вещей, которыми пользовались хунны. Самое видное место занимают ткани: китайские, бактрийские и местные. Предметы искусства показывают, что хунны были под обаянием скифского «звериного» стиля. На серебряных бляхах изображен бык с антропоморфной головой; на лице подчеркнута монголоидность, но длинные вьющиеся волосы расчесаны на прямой пробор. Очевидно, это была прическа, модная у хуннов I в. Бык стоит на схематически показанных горах около двух изящных сосен. Наибольшее внимание привлекает коса, демонстративно привязанная, кокетливо свисающая с темени на правое ухо. Это очень существенная деталь. Привязанные косы были обнаружены и в других курганах ноин-улинской группы. Они были сплетены из конского волоса и хранились в футлярах.

А. Н. Бернштам полагает, что это «приношения со стороны подчиненных в могилу их владыки»^[471], но на бляхе мы видим косу, прицепленную к темени. Значит, она составляла часть парадной прически. Вместе с подчеркнутой монголоидностью лица, отнюдь не гармонирующей с волнистыми волосами, привязанная коса заставляет нас вспомнить таштыкские маски, более монголоидные, нежели лица под ними. Очевидно, монголоидное лицо и сяньбийская коса, вообще дальневосточный облик представлялся хуннам I в. более красивым, чем западный. Так, у современных теленгитов большие глаза и высокий нос считаются уродством.

Значит, дальневосточный идеал красоты в I в. до н. э. возобладал над западными элементами, еще сохранившимися в изобразительном искусстве по традиции (предметы, выполненные в скифском «зверином» стиле)^[472]. Высокое мастерство и хороший вкус хуннских мастеров I в., знавших китайское искусство и иногда подражавших ему^[473], показывают, что искусство и культура имели богатые возможности развития. Об этом говорят и другие археологические находки, датируемые I в. до н. э. — I в. н. э. К их числу относятся в первую очередь остатки древних оседлых поселений^[474] эпохи Хань, что указывает на наличие у хуннов частичного перехода к оседлости. Сопоставление этих находок с упоминаниями о неурожаях и саранче, истребившей посевы проса, дает возможность заключить, что наряду со скотоводством хунны начали осваивать земледелие^[475]. Та же картина наблюдалась и у усуней I в. Археологами открыта усуньская керамика в сочетании с обугленными зернами и жерновами^[476]. При современном состоянии наших знаний мы еще не можем решить, было ли появление земледелия у кочевников результатом китайского влияния^[477] или возникло самостоятельно в результате появившейся потребности в хлебе. За первое говорит широкое распространение китайских товаров в западных странах. Ханьские зеркала достигли берегов Волги^[478]. В усуньских могилах обнаружен китайский красный лак^[479]. Шелк широкой струей тек в Римскую империю, причем китайцы и римляне не встречались. В «Каменной башне» около Кашгара согдийские купцы забирали товар у китайцев и везли в Бактры (Балх), где передавали его парфянским купцам, от которых он попадал к римлянам^[480]. При такой передаче римляне имели ежегодный дефицит в

20 миллионов сестерциев. Эти суммы, которые выплачивались золотом, обогащали не китайцев, а согдийцев и парфян^[481].

Но не только с вещами распространялась китайская культура: люди Китая все время разными путями попадали в степь и оседали в хуннских владениях. Первая мощная волна эмиграции имела место в III в. до н. э. при династии Цинь^[482]. Во время войн китайцы-пленные пополняли число оседлых подданных хуннского шаньюя^[483]. Наконец китайские женщины, выдаваемые замуж за шаньюев и князей, и их свита приносили китайские вкусы и взгляды, а многочисленные перебежчики, поступавшие на службу и делавшие карьеру (как, например, Вэй Люй, Ли Лин), обучили хуннов тонкостям дипломатии и военному искусству. Наличие сильного китайского влияния на хуннскую культуру несомненно, но было бы неверно приписывать ему все сдвиги в хуннском хозяйстве и идеологии. Повседневная жизнь диктовала необходимость усовершенствований более сильно, чем пример и влияние. Можно думать, что стремление избавиться от китайского хлебного импорта стимулировало развитие хуннского и усуньского земледелия. С этой точки зрения союз с Китаем при Хуханье и его преемниках приостановил оседание хуннов: «подарки» шаньюю делались хлебом, что избавляло кочевников от необходимости самим возделывать злаки, зато побуждало их развивать скотоводство, так как кожи находили спрос на китайском внутреннем рынке. Вероятно, именно подчинение Китаю позволило хуннам остаться кочевым, скотоводческим народом. Это определило и направление их политики к тому времени, когда бурные события вовлекли их в свой водоворот.

Как уже отмечалось, у хуннов не было единомыслия по основным вопросам политики. Сильная рука Учжулю вела народ по дороге войны. После его смерти подняли голову сторонники примирения. Во главе их оказался правитель дел Сюйбудан. Само имя показывает принадлежность его к знатному роду Сюйбу, сосредоточившему в своих руках судопроизводство. Он был женат на дочери Ван Чжао-гюня, китайке, выданной замуж за Хуханье-шаньюя в 33 г. до н. э.^[484] и имевшей от него сына. После смерти первого мужа она стала женой его наследника, Фучжулэя, и родила двух дочерей^[485]. На одной из них женился Сюйбудан. Вместе со своим шурином он возвел на престол бывшего ставленника Ван Мана — Хяня, чтобы покончить войну с Китаем.

Хянь принял титул Улэй-жоди-шаньюя, а своему младшему брату, отстраненному вождю военной партии, дал титул восточного лули-князя, сыну же Учжулю, Сутухубэню, — титул восточного чжуки-князя. Но Хянь ненавидел Учжулю за то, что тот поставил его в смешное положение. Поэтому он обошел Сутухубэня и назначил наследником своего сына, дав ему титул хюйу — «превосходительный». Сутухубэнь же вскоре исчез. Был ли он убит или умер — неизвестно. Восточным чжуки-князем стал брат Хяня — Юй.

В 14 г. Хянь отправил в Китай посла, который известил императора о желании нового шаньюя вступить в переговоры. Ван Ман предложил Хяню отдать его сына в обмен на чешских изменников. Он обманывал хунна, уверяя, что его сын жив. Хянь выдал перебежчиков — 27 человек. Ван Ман сжег их на площади. После этого Ван Ман счел войну законченной и распустил войско, поручив охрану границы наемным дружинам из хуннов и ухуаней. Хянь ждал возвращения сына и всеми силами препятствовал своим подданным продолжать войну, но в мае 15 г. ему был возвращен труп сына, а также вернулись из плена хуннские вельможи, свидетели казни. Китайцы пытались утешить шаньюя подарками. Он подарки принял, но мешать войне в степи перестал, и она вспыхнула с новой силой.

Против Китая восстали ухуани, которых Ван Ман мобилизовал в армию, а семьи взял в заложники. Старейшины их сговорились с хуннами и увели свои племена^[486]. Хуннские князья и их родовичи, не сдерживаемые более шаньюем, обрушились на китайскую границу. Фантастическое легкомыслие Ван Мана, распустившего армию, пришлось им на руку.

В Западном крае восстал Карашар и передался хуннам. Один из китайских отрядов, шедших на усмирение, попал в засаду, был разбит и при отступлении истреблен. Другому отряду удалось ворваться в Карашар и убить нескольких жителей, затем он отступил в Китай. Наместник укрепился в Куче, но, не имея помощи из Китая, погиб^[487]. Хунны захватили Западный край, только Яркенд сохранил верность Китаю^[488].

В 18 г. Хянь умер, и на престол вступил его брат Юй с титулом Худурши Дао-гао-жоди-шаньюя. Юй пытался договориться с Ван Маном, но тот вернулся к своему плану разделения хуннов. Он захватил Сюйбудана, приехавшего для переговоров, и возвел его в шаньюи. Но Сюйбудан вскоре умер от болезни, а внутренние дела отвлекли Ван Мана от Хунну.

ВОССТАНИЕ «КРАСНОБРОВЫХ» И ГИБЕЛЬ ВАН МАНА

С 17 г. н. э. Китай постигла та же судьба, что Хунну и Усунь, — внутренняя война. Во всех трех государствах формы борьбы были различны: в Хунну шел род на род; в Усуни грызлись царевичи, опираясь на свои дружины и китайские или кангюйские отряды; в Китае произошло народное восстание. Основной причиной народного недовольства были невыносимые условия жизни, созданные реформами Ван Мана, и ничем не сдерживаемый произвол его чиновников. Вдобавок возник голод вследствие неурожая, и количество жителей, убежавших в разбойники, увеличилось. Вождями их стали доселе неизвестные, но храбрые и энергичные люди: Ван Куан и Ван Фын из Хубэя и Фань Чун из Шаньдуна. «Когда Ван Ман послал войска напасть на них, они выкрасили брови в красный цвет, чтобы отличить своих от воинов Ван Мана»^[489].

Восставший народ обратил свой гнев не против старой, а против новой знати; программой повстанцев стало восстановление династии Хань. Вожди повстанцев провозгласили императором Лю Пэн-цзы. Главными врагами повстанцев были чиновники ненавистного узурпатора.

Любопытно, что и хунны официально стояли на платформе легитимизма и отказали Ван Ману в повиновении на том основании, что он не из династии Хань. Ван Ман опирался лишь на купленных сторонников, и это предрешило исход борьбы. Вскоре к крестьянскому восстанию прибавился военный заговор. «Ма Шицю из Узюйлу вместе с другими задумал поднять войска в Янь и Чжао, чтобы казнить Ван Мана». По доносу заговорщики были схвачены и казнены. «С тех пор Ван Ману перестало везти, он постоянно навлекал на себя гнев народа...»^[490].

В 21 г. на юге Китая, в «Зеленых лесах», поднялись свыше 10 тыс. человек. Теснимые правительственными войсками, они ушли в устья Янцзы и поэтому получили название «повстанцы низовой реки». В районах рек и озер повстанцами руководил человек, называвший себя князем Фань; к нему стекались члены рода Лю, из которого была фамилия Хань. «Разбойники сначала восстали из-за голода и нищеты. Они думали, что с урожаем смогут вернуться в свои деревни. Но число их возрастало и достигло десятков тысяч. Они не смели нападать на города, с утра до вечера грабили лишь пищу. Все старшие начальники и правители областей погибли в затеянных ими самими драках, разбойники не смели их убивать. Но Ван Ман так и не понял этого»^[491]. Для борьбы с повстанцами он создал войско из освобожденных рабов, помилованных убийц и других, которое назвал «Бросок кабана». В это время уже весь восток Китая был охвачен восстанием, а северная граница начисто разграблена хуннами. К бедствиям войны добавилось еще нашествие саранчи.

Первое время «кабаны» имели успех, но, столкнувшись с главными силами «краснобровых», потерпели полное поражение.

Зимой 23 г. вспыхнуло восстание старой знати во главе с царевичем Лю Сю из дома Хань. Сторонники Лю Сю имели свою военную организацию, издавали приказы, организовали правительство, действовали в союзе с «краснобровыми», но не смешивались с ними.

Ван Ман разъярился и приказал сформировать новую армию, получившую название «Зубы тигра», но Лю Сю разбил это войско. От «зубов тигра» остались несколько тысяч человек, которые вернулись в столицу. Наступление ханьских войск превратилось в триумфальное шествие. Потомок Хань (Лю Сюань) был объявлен императором под именем Гэн-ши. Солдаты и офицеры Ван Мана спешили подчиниться императору династии Хань.

Когда театром военных действий стали Шэньси и Шаньси, Ван Ман, махнув рукой на хуннов, снял войска с северной границы и послал их на повстанцев. Но народные массы дружно выступили против ненавистного режима. Небольшие отряды повстанцев на свой страх и риск

бросились на штурм столицы (Чанъани). Думали только о том, кто первый ворвется в город.

Ван Ман освободил преступников из тюрем и послал их биться с повстанцами, но преступники разбежались. Повстанцы разрыли могилы семьи Ван Мана и сожгли гробы. Вспыхнули девять построенных им храмов, дворец, императорская школа; зарево освещало весь город. Повстанцы ворвались в город через северные ворота.

Сторонники узурпатора отчетливо понимали, что дело их проиграно, но никто не соглашался на сдачу. Ожесточение влекло их к оружию, и уличные бои продолжались до тех пор, пока у ванмановцев не иссякли стрелы. Только один Ван Ман не понимал того, что творилось вокруг. Глядя на зарево пожара, отражавшегося в великолепных прудах Цзянтай, видя израненных соратников и слыша крики своих врагов, он говорил только: «Небо облекло меня властью, разве могут причинить мне вред ханьские солдаты?»^[492]. Наконец повстанцы ворвались во дворец; в рукопашных схватках пали последние защитники. Красавица из гарема указала, где скрывается Ван Ман, и толпа устремилась туда. Ван Ман был немедленно убит.

Сторонники Ван Мана капитулировали, «Поднебесная принадлежала династии Хань». Но кровопролитие не кончилось.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДИНАСТИИ ХАНЬ

Знать и крестьяне совместно покончили с тираном, но интересы их были различны. «Краснобровые» во главе с Лю Пэн-цзы в 25 г. начали новую гражданскую войну против знати^[493].

Хуннский шаньюй оказал поддержку «краснобровым». Благодаря позиции хуннов, вождь повстанцев Лю Пэн-цзы и его полководец Фань Чун одержали полную победу. В 27 г. столица снова была взята и император Гэн-ши убит, но его младший троюродный брат Лю Сю, возглавив своих сторонников, разбил Лю Пэн-цзы, принял императорский титул Гуан Уди и основал новую династию — Восточную (или Позднюю, или Младшую) Хань.

Итак, в I в. н. э. гражданские войны потрясли государственную систему китайской империи. «Голодные поехали друг друга. Убитых насчитывалось несколько сот тысяч. Столица превратилась в развалины»^[494]. Однако Китай выдержал. Не менее устойчивой в этот период оказалась и хуннская держава.

Хунну вышло из борьбы усиленным. Шаньюй Юй восстановил мощь империи Модэ. Когда посол нового императора предложил Юю возобновить договор, заключенный Хуханье в 47 г. до н. э., шаньюй возразил, что времена переменились: тогда Хунну было слабо, а Китай силен, сейчас же хунны заняли все пограничные места и восстановили границу, установленную первыми шаньюями. Гибель Ван Мана шаньюй также приписывал своему вмешательству и на основании этого от возобновления договора категорически отказался. Борьба между степью и городом была неизбежна, перипетии же ее составляли содержание новой эпохи. Обе стороны собрали все средства для войны — от длинного копья и тугого самострела до острого языка дипломата и шелковых нарядов для подкупа вельможных наложниц. Но решающим фактором в борьбе оказались процессы этногенеза, в свою очередь обусловленные развитием экономики и культуры Дальнего Востока.

Шаньюй Юй был человеком с сильной волей и ясной головой. Он помог сбросить Ван Мана не для того, чтобы восстановить могущественную империю Хань. Он немедленно отказал в поддержке новому императору Гэн-ши и, заключив союз с «краснобровыми», способствовал его гибели. Когда же брат погибшего Лю Сю расправился с Лю Пэн-цзы, ставленником «краснобровых», шаньюй выдвинул нового претендента — Лу Фана. Лу Фан, по-видимому, был талантливым авантюристом. Он стал во главе небольшого восстания пограничных кочевников против Ван Мана и вместе с ними подчинился хуннам. У хуннов он прожил несколько лет, выдавая себя за князя из рода Лю, т. е. родственника императорского дома. Поражение «краснобровых» вынудило шаньюя искать новый повод для вмешательства в китайские дела, и тут Лу Фан как нельзя более пригодился. Он согласился выступить претендентом на престол. Шаньюй нашел ему поддержку в Китае: сторону Лу Фана принял полководец Ли Хин. Вскоре Лу Фан с помощью хуннских всадников приобрел значительные территории на севере Китая.

В 30 г. император Гуан У-ди (Лю Сю) снова попытался вступить в переговоры с шаньюем, но шаньюй с презрением отверг их и предложил признать Хунну империей, равной Китаю. Переговоры из года в год повторялись, а война шла своим чередом.

В 33 г. китайское войско двинулось против хуннов и потерпело полное поражение. Хунны усилили набеги. В 37 г. они прорвались за границу и загнали китайские войска в крепости. Китайское правительство, будучи не в силах организовать отпор, перевело пограничных жителей внутрь Китая, и хунны заняли свои старые земли. Даже внутри Китая появились хуннские кочевья. Китайцы ограничивались обороной: устройством маяков с вестовыми огнями и застав.

В 40 г. наметилась возможность мира: китайцы обещали шаньюю «Зеленые горы» за выдачу Лу Фана. Шаньюй соблазнился и послал Лу Фана в Китай, но не получил ничего. Лу Фан в Китае оправдался, избег казни и снова вернулся к хуннам.

В источниках вся эта история изложена слишком кратко, чтобы понять ее подоплеку. Самое важное здесь то, что война не только не затихла, но, наоборот, усилилась. Хуннские набеги стали тревожить уже внутренние области Китая, а граница вся оказалась в руках хуннов. В 44–45 гг. было ясно, что китайцы войну проиграли и что спасти их может только чудо. И чудо их спасло! Хунны сами уничтожили свои успехи.

БОРЬБА ВНУТРИ ХУННСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Шаньюй Юй был стар. На протяжении всей своей долгой жизни он стремился возродить державу Хунну во всем ее прежнем блеске.

Несмотря на то, что Юй получил престол от брата, который стал шаньюем в результате узурпации, власти у самого Юя никто не оспаривал, но законными наследниками, согласно обычаю, были сын Хуханье-шаньюя — Иту-Чжясы, как старший в роде, и Би, сын Учжюлю-шаньюя. Порядок престолонаследия у хуннов менялся. Во II в. до н. э. Модэ и его потомки передавали престол по завещанию своим детям, которых утверждал совет князей и старейшин. Цзюйдихэу пришел к власти в 101 г. до н. э. в результате выборов, и с этого времени установился новый порядок престолонаследия, очередной: от старшего брата к младшему, от младшего дяди к старшему племяннику. Это изменение было связано с ослаблением шаньюева рода и усилением родовых старейшин, которые привнесли в управление державой свои представления о праве.

Выше уже говорилось, что противоречия этих двух групп хуннской знати вылились в борьбу прокитайской «придворной» и антикитайской «военной» партии. Борьба эта, начиная с I в. до н. э., красной нитью проходит сквозь всю историю Хунну. «Придворная партия» при первых шаньюях была весьма агрессивна, главным образом по отношению к Китаю. Оппозиция еще не сложилась, и страна во II в. до н. э. была относительно монолитна. Понесенные поражения заставили «придворную партию» в первой половине I в. до н. э. искать мира с Китаем хотя бы ценой небольших уступок. Зато оппозиция выросла в «военную партию», стремившуюся восстановить «господство над народами». Во внутренней борьбе «военная партия» победила, но во внешней была разбита, и подчинение Китаю в 47 г. до н. э. было следствием этого. Потомки Модэ оказались оттесненными от высших должностей, которые заняли потомки Цзюйдихэу. Хянь и Юй были из обедневшей знати. Хянь возвели на престол китаефилы, чтобы возродить соглашательскую политику «придворной партии». Юй же восстановил ее агрессивную политику, ведь недаром он сравнивал себя с Модэ. Юй опять изменил порядок престолонаследия, вернувшись к старому обычаю завещать престол сыну. Сын Хуханье, Иту-Чжясы, был рожден китайской царевной. В 47 г. она была подарена Хуханье для скрепления договора и по наследству досталась его старшему сыну Фучжюлю. Юй не для того отвоевывал у Китая царство, чтобы оставить его полукитайцу. Отступить он не мог и не хотел. Иту-Чжясы был убит, а наследником объявлен сын Юя — Удадихэу. Вождям «военной партии» представлялась альтернатива: погибнуть от самовластия узурпатора или изменить принципы и пойти на союз с Китаем.

Гибель Чжясы не осталась тайной. Би, сын Учжулю-шаньюя, увидел в ней грозное предупреждение. Ведь по прямой линии он был наследником Учжулю, так же как Чжясы был наследником Учжулю по праву очередности и старшинства. Чин у Би был очень незначительный — Югянь-жичжо-князь, т. е. наместник шаньюя в роде Югянь. Сопротивляться шаньюю он не мог и стал просто уклоняться от поездок в ставку, стараясь не попадаться ему на глаза. Это поведение вызвало у шаньюя подозрение, и он приставил к Би двух гудухэу для наблюдения за ним и его войском. В 46 г. шаньюй Юй умер; вскоре умер и его наследник Удадихэу. Престол получил второй сын Юя — Пуну. В эти годы землю хуннов посетили три несчастья: засуха, саранча и эпидемия. От голода и эпидемии хунны потеряли больше людей, чем от двадцатилетних войн.

Новый шаньюй решил закончить затянувшуюся китайскую войну и отправил в Китай посольство с предложением заключить договор «мира и родства». Этим воспользовался Би. Он стал на путь измены. Сначала он послал в Китай карту хуннских земель, а в 47 г. сам съездил к китайскому наместнику и выразил желание перейти в подданство империи Хань. Его поведение не укрылось от наблюдавших за ним гудухэу, которые донесли шаньюю об измене князя Би и рекомендовали казнить его, пока он не успел вызвать смятение в государстве.

Би спас степной обычай — узун-кулак («длинное ухо»), благодаря которому все новости и слухи немедленно передаются от человека к человеку.

Брат Би, кочевавший неподалеку от ставки шаньюя и услышавший об опасности, грозившей Би, немедленно поскакал к нему и сообщил об этом. Би собрал своих приверженцев и стал поджидать обоих гудухэу, чтобы убить их. Но те по пути домой таким же образом узнали о засаде и успели ускакать к шаньюю. Шаньюй Пуну смог отправить против Би всего 10 тыс. воинов, в то время как у Би собралось 40 тысяч. Воины шаньюя отошли, не вступив в бой.

В 48 г. старейшины восьми южных родов провозгласили Би Хуханье-шаньюем II и откочевали в Китай. Имя Хуханье было выбрано не случайно: Би заключил с Гуан У-ди союз и стал защищать Китай от своих единоплеменников. Договор 48 г. н. э. повторил договор 47 г. до н. э. [\[495\]](#).

В преданности нового вассала китайцы не сомневались: все пути назад были ему отрезаны. Китай и династия Хань были спасены.

Переход части хуннов на сторону Китая был переломным моментом войны. Более того, он оказался толчком, после которого возрожденная хуннская держава начала разваливаться. До 46 г. ухуани и сяньби активно сражались на стороне Хунну и наносили китайцам большой урон. В 47 г., одновременно с изменой Би, ухуани восстали и выгнали хуннов из своей земли на север, «и земли, лежащие к югу от песчаной степи, опустели»^[496].

В 49 г. Би начал военные действия. Его брат, восточный чжуки-князь Мо, разгромил ставки северного шаньюя и восточного чжуки-князя северных хуннов^[497]. Пострадал при этом род Югянь, т. е. та его часть, которая не пошла за Би. Политические страсти стали сильнее слабеющих родовых связей и начали разрывать их. Северный шаньюй Пуну отступил в Халху, оставив сопернику все земли, отвоеванные его отцом.

Победа южных хуннов отозвалась на востоке. Услышав о ней, ухуани и часть сяньби предложили свою помощь Китаю. Сяньбийский старейшина Бяньхэ начал войну с северными хуннами: в 49 г. был уничтожен род иньюйцев, в 54 г. перешли на сторону Китая еще двое старейшин, и наконец Бяньхэ разбил своего соперника, сторонника Хунну. В 58 г. хунны потеряли Маньчжурию.

Тем временем южный шаньюй Би попал в очень тяжелое и неловкое положение. Как вассал китайского императора он должен был, согласно китайским порядкам, принять императорский указ, склонившись до земли. Это не только било по самолюбию шаньюя, но и роняло его достоинство среди соратников. Чтобы выйти из положения, он выехал навстречу китайскому послу и учинил поклонение вне ставки, а потом со слезами просил не унижать его перед подданными^[498].

Однако утаить факты подчинения и связанного с ним унижения было нельзя, и гордые хунны были возмущены. Пять гудухэу со своими дружинниками восстали, освободили захваченного в плен восточного чжуки-князя севера и пошли в Халху. Но ясной цели у них не было, по дороге между ними возникли распри, в которых погибли все вожди восстания, а их сыновья «оградились своими войсками», не примкнув ни к той, ни к другой стороне. Оба шаньюя, южный и северный, направили войска против них. Зимой 50/51 г. эти войска столкнулись, и южные хунны были разбиты и отброшены. Это заставило Би умерить свои претензии на самостоятельность и принять китайскую военную помощь, что весьма снизило его авторитет в собственном народе.

В 52 г. северный шаньюй Пуну обратился к Китаю с мирными предложениями. Он получил уклончивый ответ. Китайцы не доверяли ни южным, ни северным хуннам и раздували вражду между ними.

В 55 г. шаньюй Би умер. Его преемниками были братья Мо (55–56 гг.) и Хань (56–59 гг.), дети Ди (59–63 гг.) и Чжан (63–85 гг.) и племянник Су (63 г.). Все они были люди, ничем не замечательные. Что творилось тогда у северных хуннов — неизвестно, но война продолжалась. Небезынтересно отметить, что в тот период наблюдался частый переход северных хуннов к южному шаньюю, а южных — к северному. Это продолжалось 30 лет, целое поколение успело смениться, и к началу решающих военных событий каждый хунн сознательно выбрал сторону, на которой хотел сражаться.

Военные действия в 55–85 гг. развивались довольно вяло. В 64 г. северные хунны пытались добиться у китайского правительства открытия пограничных рынков, но новый император Минди предпочел войну. 10 лет хуннские летучие отряды терроризировали население Северного Китая. В 73 г. китайцы ответили походами на Халху, но хунны ушли, не приняв боя. Положение

грозило стабилизироваться.

В 76 г. в Китае вступил на трон Чжан-ди. В китайско-хуннских отношениях наступила новая пора.

Восстание «краснобровых» и последующая война с хуннами, а также связанная с тем и другим разруха в Китае позволили тибетским кочевникам — кянам вернуть свои земли около озера Кукунор и вновь соприкоснуться с западной окраиной Китая. К 33 г. население области Лянчжоу оказалось состоявшим из китайцев и кянов. Положение кянов в китайской империи было весьма печально, так как пограничное население Китая состояло из ссыльных преступников и провинившихся чиновников. И те и другие притесняли горцев, для которых единственным способом защиты оставались восстания^[499]. Однако раздробленность и взаимная вражда кянских родов мешали успеху вооруженной борьбы.

Этот район в силу своего стратегического значения заставлял китайское правительство уделять ему постоянное внимание. В самом деле, кукунорские кяны могли поставить под угрозу оазисы по склонам Наньшаня и тем самым преградить дорогу в Западный край. Но еще больший ущерб могло принести Китаю объединение кянов с их естественными союзниками — хуннами. Китайцам приходилось не жалеть ни военных сил, ни шелка для подкупов родовых старейшин, и все же, несмотря на это и на огромное неравенство сил, успехи давались им нелегко.

В 34–36 гг. н. э. волнения кянов были усмирены пограничными частями, но вскоре поднялся Шаоданов род, который разгромил своих соперников и возглавил борьбу против обидчиков — китайских чиновников. Основателем рода и его первым вождем был старейшина Тяньлан, а после него власть передавалась по наследству. Сын Тяньлана, Тяньву, возглавил объединенные кянские роды и в 56 г. начал открытую войну с Китаем. В первом же столкновении Тяньву имел успех, которому способствовали сами китайцы. Полководец Ли-бао начал карательную войну против всех кянов и истребил остатки соперников Тяньву, т. е. тех, которые были слабее. Тогда все кяны примкнули к восстанию. В 57 г. Тяньву с 5 тыс. конников ворвался в Лунси (современная провинция Шэньси) и дважды разбил китайские войска. В следующем, 58 г., кяны уничтожили еще две провинциальные армии. Но в конце года против кянов было выставлено 40 тыс. регулярных войск. В битве при Сихани китайцы одолели кянов, видимо, использовав численный перевес, и Тяньву бежал в горы, а в 59 г. изъявил покорность. Восстание закончилось.

Император приказал расследовать причины, побудившие кянов к войне, и тогда выяснились колоссальные злоупотребления чиновников. Их отдали под суд и казнили, а должность наместника в кянских землях была упразднена и Тяньву утвержден правителем своего народа. Кяны добились своей цели.

Второе восстание вспыхнуло в 76 г. н. э. Поводом к нему послужила романтическая история: китайский чиновник увез жену у кяна. Ревнивый муж убил соперника и бежал. Начальник чиновника погнался за ревнивцем, но за него иступились родственники и убили преследователя. В кянские земли была направлена карательная экспедиция, уничтожившая несколько сот человек. В ответ на это вспыхнуло восстание, которое возглавил младший сын умершего Тяньву — Миву. В 77 г. повстанцы разбили китайские пограничные войска при Лигу, причем потери китайцев были исчислены в 2 тыс. человек. К повстанцам примкнули тангуты. В следующем году повстанцы напали на Лунси, но при встрече с регулярными войсками были разбиты и «покорились»^[500]. Судя по тому, что Миву остался во главе своего племени и никаких репрессий не последовало, надо полагать, что «покорность» была просто вежливым выражением достигнутого компромисса. Это восстание принесло кянам фактическую независимость.

Безумная политика Ван Мана облегчила княжествам Западного края освобождение от тягостного господства Китая. В 16 г. весь Западный край восстал и вступил в союз с Хунну ^[501]. Китайский наместник погиб, а восстание «краснобровых» лишило китайцев возможности отомстить за его смерть. Но одно из владений — Яркенд — сохранило прокитайскую ориентацию. Яркенд находился на крайнем западе китайских владений, и потому произвол китайского наместника здесь ощущался меньше, и меньше было личных счетов между населением и китайскими военнопоселенцами. Яркендский владетель Янь долго жил в Китае и любил китайские обычаи. Он сохранил союз с Китаем и укрыл от народной ярости семейство бывшего наместника и уцелевших китайцев.

Его сын, Кан, унаследовавший власть в 18 г., в 25 г. остановил продвижение хуннов и присоединил к себе несколько мелких окрестных владений. В 29 г. он вошел в сношения с восстановленной династией Хань и получил назначение: китайцы поставили его правителем всего Западного края ^[502]. Тем временем хунны наложили на своих союзников тяжелые подати, и настроение народа в Западном крае повернулось против них ^[503]. Это усилило положение яркендского князя.

В 33 г. Кан умер; на его месте оказался его младший брат Хянь, человек энергичный и властолюбивый. Он подчинил себе два соседних владения — Гюйми, около Кашгара, и Сийе ^[504]. В 38 г. он обратился в Китай с просьбой утвердить его наместником Западного края, что дало бы ему возможность расправиться со своими соседями. Однако китайцы учли, что чрезмерное усиление Яркенда для них отнюдь не полезно и отказали ему. Хянь не растерялся: он заявил, что якобы получил назначение, что Китай за него, и в 41 г. провозгласил себя шаньюем; сопротивлявшихся он подчинял силой. Хянь пытался из владений Западного края образовать государство наподобие Китая или Хунну; таким образом, война в Западном крае стала трехсторонней. Обман Хяня открылся в 45 г., когда посольства 18 княжеств, притесняемых Хянем, явились в Китай с просьбой сменить наместника. Император обласкал и одарил их, но положение на фронте стало столь грозным, что посылать войска на запад не представлялось возможным. Хянь узнал об этом и в 46 г. разгромил Шаньшань и покорил Кучу. Тогда Шаньшань и Чези призвали на помощь хуннов. Следуя их примеру, восстали жители Кучи, перебили яркендских наместников и подчинились хуннам. Но власть Хунну простиралась лишь на северо-восточную часть Западного края: на западе свирепствовал Хянь. Ему удалось покорить Давань (Ферганскую долину), но удержаться там он не смог вследствие противодействия Кангюя. Эту потерю он компенсировал приобретением Хотана в 57 г.

Новая держава просуществовала недолго. Жестокая тирания Хяня вызвала восстание в Хотане. Яркендцы были перебиты не только в самом Хотане, но и в соседнем Сийе. Хянь бросился на повстанцев, но был дважды разбит и осажден в яркендской крепости. Только случайная гибель вождя повстанцев и в связи с этим деморализация их спасли Хяня от смерти. Вслед за хотанцами Яркенд осадили хунны, но яркендцы отбились. Однако высокомерие и жестокость Хяня утомили самих яркендцев. Вельможи составили заговор и призвали в Яркенд хотанцев. Следуя лукавому совету своего приближенного, Хянь выехал из крепости для переговоров и был схвачен врагами, а крепость изменники тут же сдали хотанцам. Хянь был приведен в цепях в Хотан и через год убит.

Усиление Хотана не входило в расчеты Хунну. Поэтому они бросили на него 30 тыс. своих союзников из Кучи, Карашара, Хами и других владений. Хотанцы покорились и условились платить хуннам «ежегодную дань шерстяными и бумажными тканями» ^[505]. Хунны стремились

получить из Западного края те товары, в которых упорно отказывал им Китай. Трехсторонняя война в Сиюе кончилась полной победой хуннов. Для державы Хунну Западный край был важен не только как экономическая база, но и как стратегический пункт для борьбы с Китаем. Отложение Ухуани прикрыло восточную часть китайско-хуннской границы, центр ее защищали южные хунны, и только с запада Китай был открыт набегам. Действительно, в 66–67 гг. чешицы, шаньшаньцы и кучасцы совместно с северными хуннами напали на Китай.

Сами обитатели Западного края обнаружили неспособность к политическому и этническому объединению. Разделенные обширными степями и пустынями оазисы руководствовались местными интересами, и твердая рука Хунну, наведшая порядок в стране, была для них если не хорошим, то наиболее приемлемым исходом. Яркендская тирания доказала это.

Однако отношение к хуннскому владычеству было различным. Чеши и Карашар платили хуннам подати и торговали с ними, так как хуннские кочевья были расположены недалеко от них. Торговля была выгодна и компенсировала потери от уплаты податей. Поэтому Чеши и Карашар были верными союзниками Хунну. Хотан платил дань и никаких доходов не имел — отсюда вытекали прокитайские настроения на юге страны.

Китайцы не могли примириться с потерей Западного края. В 73 г. небольшой китайский отряд занял оазис Хами. Там было основано военное поселение под китайским названием Иву, и сразу же появились пашни, чтобы обеспечить снабжение хлебом^[506]. Несколько стычек с хуннами и их союзниками окончились победой китайских войск, но это ничего не решало, так как во всех княжествах сидели хуннские чиновники.

Среди китайских офицеров оказался один, стойкий целой армии. Это был честолюбец Бань Чао, младший брат историка Бань Гу. Отличившись в бою у озера Баркуль, он получил поручение пройти с небольшим отрядом в Шаньшань и навести там порядок. Одновременно в Шаньшань прибыло хуннское посольство с теми же целями. Бань Чао, узнав через подкупленных лазутчиков о местонахождении посольства, напал на хуннов ночью, поджег их ставку и учинил резню. Столь решительный образ действий заставил шаньшаньцев переменить ориентацию с хуннской на китайскую^[507].

В это самое время хотанский царек Гуаньду разгромил Яркенд и благодаря этому усилился. Хотан также опирался на хуннов, содержал хуннского уполномоченного наблюдателя, и этих двух обстоятельств было достаточно, чтобы китайцы обратили свое внимание на него. Бань Чао двинулся к Хотану со своим небольшим отрядом. Хотанцы были гораздо многочисленнее китайцев, но, напуганный рассказами о шаньшаньской резне, Гуаньду убил хуннского офицера и перешел на сторону Китая^[508]. По-видимому, тут был простой расчет: избавиться от дани тканями, которую приходилось платить хуннам.

Аналогичный успех имели хунны: они утвердили в Куче своего ставленника Гяня, а он завоевал Кашгар и посадил там править кучаского воеводу. Этим хунны компенсировали утрату Шаньшани и Хотана.

Но Бань Чао нелегко было остановить. В 74 г. он явился в Кашгар и с помощью хотанцев и недовольных кашгарцев схватил правителя. На его место Бань Чао поставил местного уроженца Чона. В том же году оба Чеши, Переднее и Заднее, покорились Китаю, и тогда было восстановлено наместничество Сиюй и назначены наместники для управления новой провинцией. Но китайцы рано радовались: справиться с хуннами было не так легко. В 75 г. владетель Карашара напал на наместника и вырезал всех китайцев в его ставке. С севера пришли хунны и, объединившись с восставшими чешицами, окружили войска военного наместника, а князя Кучи и Аксу (княжество Гумо) осадили Бань Чао в крепости Панду, около Кашгара. После долгой обороны Бань Чао был вынужден уступить Кашгар кучасцам и уйти в Хотан.

Кашгарцы были в отчаянии, так как опасались расправы, но, по-видимому, ее не последовало. Гянь ограничился принятием покорности и этим приобрел симпатии своих новых подданных. Поэтому, когда Бань Чао в 76 г. вернулся из Хотана в Кашгар, ему было оказано отчаянное сопротивление, и он достиг победы лишь перешагнув через 600 трупов бывших союзников и потеряв множество своих солдат. Хотя и дорогой ценой, Кашгар снова достался китайцам ^[509]. В это же время правитель области Цзюцюань разбил чешисцев при Чжохахота и как будто восстановил положение на фронте ^[510]. Однако даже победы были слишком дороги для китайской экономики. Хунны успели уничтожить военные поселения в оазисе Хами, и продукты приходилось доставлять из Китая, чтобы реквизициями не доводить до отчаяния покоряемых. Перевозки так удорожали провиант для войска, что новый император Чжан-ди в 77 г. решил закончить войну и вернуть в Китай регулярные войска ^[511].

Бань Чао остался изолированным, но этот талантливый полководец и политик сумел создать мощную опору для себя и своего маленького отряда. Он объединил прокитайские элементы на юге страны и, собрав десятитысячную армию, разгромил княжества Гумо и Шачэ. Удержаться там без подкреплений он не мог, ибо богатая воинственная Куча крепко держалась за Хунну. Яркенд, враждовавший с Хотаном, примкнул к Куче. В Кашгаре вспыхнуло антикитайское восстание, но в этот критический момент к Бань Чао прибыло небольшое подкрепление из Китая, и восстание было подавлено.

Несмотря на все свои успехи, Бань Чао не мог не видеть, что любая неудача будет для него последней. Хунны отрезали его от родины, Куча и Кангюй были настроены предельно враждебно, а его опорой были главным образом люди, скомпрометировавшие себя перед хуннами и опасавшиеся расправы. Надо было искать союзника, и Бань Чао предложил императору возобновить союз с Усунью. Чжан-ди не хотел воевать сам, но был бы очень рад, чтобы за него воевали другие. Он немедленно отправил в Усунь официальное посольство с подарками, но кучасцы в это время возобновили наступление на Кашгар и отрезали дорогу на Усунь. В 83 г. китайское посольство задержалось в Кашгаре, и посол, верный придворной привычке, написал на Бань Чао донос, обвиняя его в том, что он, ничего не делая, живет со своей семьей. Даже при дворе этому не поверили и прислали подкрепление в 800 солдат ^[512]. Усилившись, Бань Чао напал на Яркенд, но одновременно в Кашгаре вспыхнуло восстание, сорвавшее кампанию. Во главе восстания оказался ставленник Бань Чао — Чон. Повстанцы покинули город и отошли на запад, где к ним присоединились кангюйские войска. Полгода шла упорная война вокруг города Вуцы — базы восстания, и только посредничество юэчжей, которые дипломатическим путем заставили кангюйцев вернуться восвояси, покончило с нею. Чон и наиболее упорные патриоты ушли в Кангюй, а город Вуцы сдался и был разрушен, так что даже место его неизвестно.

Бань Чао выиграл еще раз, но его положение было по-прежнему тяжелым. Его опорой оставался экономически слабый, пустынный юг, а богатый север готовился к войне, опираясь на нейтралитет Усуни и прямую помощь от Кангюя и Хунну. Дружба с юэчжами, т. е. Кушаном, мало что давала, а Китай был далеко.

Но следующий, 85 год, изменивший всю политическую ситуацию в Восточной Азии, принес Бань Чао победу.

Историк Фань Хуа оставил нам описание политической системы Хунну. Оно несколько отличается от описания Сыма Цяня, и некоторые черты дают возможность установить, что оно соответствует позднему времени. Поскольку нам известно, что северное Хунну для китайцев I в. н. э. было terra incognita, то, очевидно, описан порядок, установившийся в Южном Хунну. Это предположение подтверждается всеми косвенными наблюдениями. Разберем текст [\[513\]](#).

Во-первых, несколько изменилась система чинов, что свидетельствовало о перегруппировке общественных сил. Чжуки и лули-князя остались без изменений, лишь указано название — «4 рога». Но за ними следуют: восточный и западный жичжо-князя (жичжо — заместитель), выньюйди-князя и чжаньгян-ди-князя — «6 рогов». Данху, дуои, цзюйкюи оттеснены на самый низ иерархии; выше их стоят гудухэу и жичжо-гудухэу — вельможи из родственников шаньюя.

Положение гудухэу, посредников между властью и народом, осталось стабильным, но ослабление старой знати и появление новых титулов знаменательно. Видимо, это был результат разделения Хунну: старая знать осталась на севере, а южный шаньюй создал новую, из своих сторонников. Надо думать, что у северных хуннов было наоборот, т. е. увеличилось значение служилой знати, но, к сожалению, источник об этом молчит.

Второй важной переменной было установление очередного престолонаследия. Все десять родов были «шаньюевы братья и сыновья, которые по порядку имели право на шаньюев престол». Это был порядок, упорно вводившийся потомками Цзюйдихэу и отвергавшийся потомками Модэ по прямой линии. Как видно из фактического престолонаследия, порядок соблюдался необыкновенно точно [\[514\]](#).

У северных хуннов, насколько известно, преобладало прямое престолонаследие. К трем знатным родам: Хуян, Лань и Сюйбу прибавился еще один род — Циолинь. Раскол хуннов в 47 г. произошел не по родовому признаку: так, например, представители рода Хуян были и у северных и у южных хуннов. Наконец не остался неизменным и культ. Вместо двух ежегодных жертвоприношений в «храме дракона» в I в. н. э. появились три, а южные шаньюй прибавили четвертое — в честь китайского императора.

Все эти перемены существенны не сами по себе, а как показатель внутренних процессов становления общества. Сравнительная этнография дает возможность заключить, что в застойном обществе учреждения не меняются. Сама потребность в перестройке обусловлена процессом развития и отражает его. Изучение поверхности явлений позволяет нам судить о глубинных общественных течениях.

Итак, хуннское общество нельзя назвать застойным. Оно все время эволюционировало, и даже наши скудные источники отмечают это.

Несмотря на внутренний раскол, Хунну в I в. н. э. было еще «великое государство» ^[515]. Но внутренние процессы подрывали его мощь. Рассмотрим эти процессы и попробуем установить их результаты.

Общий подъем хуннского общества был использован Модэ для подавления сепаратистских тенденций родов и объединения их в монолитную державу. Ослабление напряжения привело к военному ослаблению и вырождению ближайшего окружения шаньюев, поэтому-то и выдвинулась родовая знать и заняла освободившиеся места. Началось разложение родов: отдельные члены рода не следовали уже беспрекословно за старейшиной, а сами решали свою судьбу. Если в эпоху родовых распрей 60–47 гг. до н. э. роды выступали компактными массами, то сто лет спустя они раскалываются; люди уходят и к Би, и к Пуну. Однако деление не случайно. Вокруг Би собирались бывшие сторонники «военной партии», поборники родового быта, наиболее консервативные элементы хуннского общества. Пока Китай не вмешивался в их внутреннюю жизнь, они терпели его господство.

Но жизнь внутри рода была тяжела и бесперспективна для младших членов его. Несмотря на все личные качества, они не могли выдвинуться, так как все высшие должности получались по старшинству. Таким удальцам нечего было делать в Южном Хунну, где пределом их мечтаний могло быть место дружинника у старого князька или вестового у китайского пристава. Удальцу нужны просторы великой державы, военная добыча и военные почести, поэтому он ехал на север и воевал за «господство над народами».

Под властью северных шаньюев скапливался весь предприимчивый элемент и огромная масса инертного населения, кочующего на привычных зимовках и летовках. Такой державе родовой строй был не нужен, больше того, он ей вредил. Кучка удальцов стала управлять теряющей родовые традиции массой.

Родовая держава медленно трансформировалась в орду. Раскол облегчил этот процесс. На юг ушли «старцы и почтительные отроки» — носители родовых традиций.

Что из этого получилось?

Во-первых, Северное Хунну из родовой державы превратилось в военно-демократическую, и поборники родового строя — южные хунны, ухуани, сянби — стали заклятыми врагами северных хуннов, более ожесточенными, чем китайцы. Возникла борьба между двумя системами — родовым строем и военной демократией.

Во-вторых, среди удальцов, окруживших северного шаньюя, должна была возникнуть борьба за места и влияние, так как сдерживающие моральные начала исчезли вместе с родовыми традициями. И отзвуки смут дошли до китайских историков, хотя подробности остались им неизвестны.

В-третьих, массы хотели мирной жизни и неохотно поддерживали военные авантюры своих вождей. Меняя господ, они ничего не выигрывали и не теряли, для них не было смысла держаться за шаньюев. Поэтому в решающий момент они отказали в поддержке шаньюям, и это, как мы увидим ниже, обусловило разгром северных хуннов в 93 г.

Однако удальцов, составлявших силу северных хуннов, можно было перебить, но не победить. Уничтожить их не удалось, и они ушли на запад, а потомки их, придя в Европу, сделали наименование «гунны» синонимом насилия и разбоя.

Южное Хунну росло и крепло. Этому способствовала оживленная торговля с Китаем, стимулировавшая рост скотоводства. В кочевьях был установлен порядок, о грабежах и бесчинствах не было слышно, численность населения увеличивалась.

В Северном Хунну за десять лет (73–83) произошли перемены к худшему, о чем можно догадаться по косвенным признакам. Старейшина Гилюс передался Китаю; он привел с собой 38 тыс. человек и много скота. Владения Западного края начали переговоры с Китаем о военном союзе против Северного Хунну. Обострились отношения между хуннами и динлинами, а сяньби окончательно заключили союз с китайцами.

Нужда в тканях заставила в 84 г. северного шаньюя обратиться в Китай с просьбой открыть торг. Тут уже не было речи о свободной торговле, хунны хотели получить материю по любым ценам и соглашались иметь дело с китайской правительственной монополией. Предложение сулило китайцам столь большие выгоды, что они согласились. Великий цзюйкюй Имоги-князь погнал на продажу быков и коней, но на пути легкая конница южных хуннов отбила скот. Торговля была сорвана.

Еще хуже было внутреннее положение: «единомысленные пришли в несогласие и разделились»^[516]. Распри повлекли за собой эмиграцию: в 85 г. семьдесят три рода бежали в Китай, ослабив и без того надорванную мощь северной хуннской державы.

Южнохуннский шаньюй Сюань никаких талантов не проявлял, но его племянник Шигы (Шицзы) оказался способным полководцем. В 86 г. он напал на кочевья северных хуннов и нанес им большой урон^[517]. Северный шаньюй Юлю оказался в кольце врагов: с юга нажимали южные хунны, к которым перебежали его подданные, на востоке свирепствовали сяньби, на севере снова поднялись динлины, Западный край был плохой опорой. Поражение было неминуемо, катастрофа неизбежна, но Юлю с мужеством отчаяния продолжал борьбу.

Первый удар нанесли сяньби. В 87 г. они вступили в восточные земли хуннов, и Юлюшанью потерпел полное поражение. Он был захвачен врагами, которые содрали с него кожу^[518]. Сяньби не развивали успеха; расправившись с врагом, они ушли обратно, но паника, посеянная ими среди хуннов, сразу же принесла плоды. Еще 58 родов, в коих насчитывалось 200 тыс. душ и 8 тыс. строевого войска, откочевали на юг и передались Китаю. Приведенные цифры показывают, как велики были потери хуннов. На 200 тыс. человек должно было быть примерно 40 тыс. боеспособных мужчин. Вряд ли китайскому историку в данном случае имело смысл преувеличивать цифру беглецов. Скорее всего основную массу их составляли вдовы и сироты, которых сяньби не успели или не захотели брать в плен. В следующем году против Хунну ополчилась сама природа. Через Халху прошла саранча, и к бедствиям войны прибавился голод.

В Китае умер осторожный император Чжан-ди, и на престол вступил малолетний Хэ-ди. Правление взяла в свои руки вдовствующая императрица.

В Южном Хунну также произошла смена власти: место умершего Сюаня занял его двоюродный брат Туньгухэ. Он сговорился с правительницей об уничтожении Северного Хунну, и весной 89 г. китайская армия выступила. Северные хунны еще не оправились от поражения и голода, когда на них обрушилось новое нашествие. Преемник Юлю, имени которого не сохранила история, был разбит у гор Яньчжань и бежал^[519]. Китайцы (8 тыс.) и южные хунны (30 тыс.) захватили до 200 тыс. пленных. Эта цифра, возможно, преувеличена, но самый факт победы китайцев несомненен. В 90 г. война возобновилась. Главой похода против северных хуннов стал Шигы. С отрядом всего в 8 тыс. всадников и незначительными китайскими подкреплениями он совершил глубокий рейд в тыл противника и, напав ночью на ставку северного шаньюя, разбил ее. Северных хуннов была только тысяча человек, но они приняли бой. Шаньюй сражался храбро; обессилев от ран, он упал с коня, но верные соратники снова посадили его в седло и вырвались из окружения. В руки врагов попала семья шаньюя и все его имущество, в том числе государственная нефритовая печать.

В 91 г. китайский западный наместник еще раз разбил шаньюя, который бежал и пропал без вести. Западный лули-князь Юйчугянь, брат пропавшего, объявил себя шаньюем и послал посольство в Китай просить мира. Он нашел поддержку у генерала Доу Хяня. Последний представил доклад, в котором предлагал сохранить Северное Хунну, чтобы не нарушать политическое равновесие и некоторый порядок в степи, ибо хунны его поддерживали. Китайский двор согласился на предложение шаньюя, и уже завязались переговоры, как вдруг Доу Хянь был арестован и казнен. Испуганный потерей покровителя, Юйчугянь откочевал на север. Китайские чиновники в докладе изобразили откочевку как бунт. В погоню за шаньюем послали тысячу китайской конницы, заманили его к себе для переговоров и убили, а войско его уничтожили (93 г.)^[520].

Юйчугянь был последним северным шаньюем из рода Модэ. На основании этого китайские историки считали 93 год концом хуннского государства, а многие европейские авторы, подходя к материалу некритически, повторяли слова китайцев. На самом деле борьба не кончилась, народ не сложил оружия. Просто в Северном Хунну сменилась династия: во главе непримиримых встал знатный хуннский род Хуян. Правда, остались с ним немногие, 100 тыс. кибиток подчинились сяньбийцам; это выразилось в том, что они «сами приняли народное название Сяньби»^[521]. В 91 г. в Южном Хунну было 34 тыс. юрт. Это составляло 237 300 душ^[522]. К ним прибавилось еще приблизительно столько же пленных и перебежчиков. Много

хуннов поселилось в самом Китае^[523].

Но, несмотря на все потери, количество непокорных и не желавших покориться было немалым. Не будучи в силах сражаться с многочисленными врагами: китайцами, сяньбийцами, динлинами, перешедшими в 90 г. н. э. на сторону коалиции, хунны стали искать пути для отступления. «В естественной ограде внутренней Азии имеется широкая брешь, целые ворота на запад в сторону Европы. Именно в том месте, где высокие цепи Алтая сменяются еще более высокими хребтами Тяньшаня, между теми и другими остается область сравнительно невысоких гор, разделенных тремя широкими проходами, подобными длинным рукавам, посредством которых равнины внутренней Азии удобно сообщаются с равнинами Азии внешней, западной. Северный из этих проходов идет вдоль Иртыша, между монгольским Алтаем и Сауром; средний, самый узкий, разделяет Уркашар от Джаира и Барлыка; южный пролегает между Майли, Барлыком и Джунгарским Алатау»^[524]. Сквозь эти проходы ушли хунны, покинув свою родину, но спасая свою свободу^[525]. В широких степях Барабы и Караганды хунны оправались от поражения, и 15 лет спустя война за Азию возобновилась.

Но и эти 15 лет были насыщены событиями.

ПОБЕДЫ БАНЬ ЧАО

В то время как северохуннская держава гибла под напором сяньбийцев, Бань Чао ждал своего времени. Базой его был Кашгар, и главной опасностью для него были кашгарские эмигранты, мечтавшие о возвращении домой и об изгнании оттуда китайцев. В 87 г. Чон и его сторонники при активном содействии Кангюя и Кучи сделали попытку вернуться на родину. Однако общее положение было таково, что выгоднее казалось примириться с китайцами, и Чон согласился на переговоры. Бань Чао принял его и немедленно казнил, а на его сторонников, благодушествовавших во время перемирия, произвел внезапное нападение и вырезал их. Погибли 700 человек — по тем масштабам очень много, и «южная дорога была открыта»^[526].

В 88 г. наступила очередь Яркенда. Бань Чао во главе хотанцев, шаньшаньцев и кашгарцев подошел к этому упорному городу. На помощь Яркенду явились князья Кучи (Гуйцы) и Аксу (Гумо). Бань Чао не решился напасть на объединенное войско. Он схитрил. В присутствии пленных кучасцев он отдал распоряжение двум отрядам направиться на запад и на восток будто бы для охвата противника. Затем пленным позволили убежать, и они рассказали своим князьям о плане китайского полководца. Те поверили и выступили в поход в пустыню, чтобы устроить засады. Этого и хотел Бань Чао: со всеми войсками, никуда не уходившими, он напал на яркендцев, разбил их и взял город. Союзникам пришлось отвести свои утомленные бесполезными маневрами войска и примириться с потерей Яркенда. Теперь положение китайцев в Сиее стало прочным^[527].

Расправляясь с княжествами Западного края, Бань Чао руководствовался соображениями, подсказанными инстинктом самосохранения. Он не имел права на неудачу, так как она неизбежно принесла бы гибель и ему самому и всем его соратникам. Но в 88 г. он сделал поступок, совершенно необъяснимый с этой точки зрения, а равно и с позиций политической целесообразности. Он сам развязал новую и бесполезную войну.

В 78 г. на престол Кушана вступил Канишка, воинственный царь, продолжатель традиций своих отца и деда. Вся агрессия кушанов, т. е. юэчжей, была обращена на запад и юг. Они воевали с парфянами и саками, завоевывали северную Индию, крепко держали Согд. Китайцы не мешали кушанам, а кушаны не имели повода трогать китайцев. Естественная граница между Средней и Центральной Азиями была границей их интересов, и обе великие державы находились в самых дружественных взаимоотношениях около 100 лет.

В 88 г. кушанский царь решил упрочить союз обычным способом: отправил посольство просить руки китайской царевны. Бань Чао не пропустил посла и заставил его вернуться.

Зачем он это сделал? Источник не называет никаких к тому мотивов. Бань Чао не мог не понимать, что он нанес оскорбление кушанскому царю, что он превысил свои полномочия, так как отказать мог лишь сам император, что за этим поступком последует война, что это, наконец, неблагодарность, так как без помощи Кушана ему не удалось бы справиться с кашгарским восстанием. И все это его не остановило! Очевидно, у него были свои причины, но нам они неизвестны. Вызов, сделанный китайским полководцем, был принят кушанским царем.

В 90 г. 70 тыс. юэчжийских всадников, закованных в броню, с длинными копьями и прямыми тяжелыми мечами вступили из Ферганской долины (через Цунлин, т. е. Алай, а не Памир, где дорог для тяжелой конницы не было) в пределы Западного края. Число это, конечно, преувеличено, но все же можно заключить, что юэчжей было больше, чем китайцев.

Бань Чао был к этому готов. Его стратегический план приведен в источнике как речь от первого лица: — Чао сказал: «Хотя юэчжей много, они долго шли с Цунлина и у них нет обоза с продовольствием. Стоит ли волноваться? Соберем урожай и этим уберемся. Те, став

голодными и истощенными, подчинятся нам сами. В несколько десятков дней все будет кончено». Так и случилось. Стены крепостей и тугие самострелы делали китайцев неуязвимыми. В крепостях же был сосредоточен весь запас продуктов: китайцы были сыты, а юэчжи голодны. Юэчжийский полководец послал в Кучу отряд просить провиант, но Бань Чао предусмотрительно поставил на дороге засаду, и юэчжийское посольство было изрублено. Юэчжи ушли ни с чем.

В 90 г. китайские регулярные войска выгнали хуннов из Хамийского оазиса ^[528]. Этим была восстановлена прямая связь Бань Чао с Китаем. Тогда же оба чешских князя «пришли в трепет» и послали сыновей в заложники в Китай. Северные оазисы оказались изолированы и лишены надежды на какую бы то ни было помощь. В 91 г. Куча, Аксу и Уч-Турфан капитулировали. Бань Чао ограничился тем, что сменил в Куче князя и заставил вновь покорившихся выставить войска.

Враги Китая сгруппировались в северо-восточной части края, у озера Баграч, в княжествах Карашар (Яньки), Вэй-сю, Вэй-ли, Халга-амань и Шаньго ^[529]. Осенью 94 г. Бань Чао двинулся к Карашару во главе 400 китайцев и 60 тыс. союзников. Карашарский князь Гуан, чтобы не пропустить противника, разрушил горный мост, тогда Бань Чао нашел другой путь и подошел к Карашару. Испуганные карашарцы бежали в горы, но вельможа Юань-мынь известил об этом китайцев. Бань Чао послал погоню, обещал прощение, но казнил сдавшихся на честное слово и назначил предателя царем Карашара. Завоевание Западного края было закончено.

Бань Чао был убежден, что его военные успехи обеспечили его отечеству господство в Западном крае. Он не учел, что северные хунны еще сидели на конях.

Династия, основанная Модэ, пресеклась у северных хуннов в 93 г., ее заменил род Хуян. Глава его носил титул, который китайцы переводили ван (царь), а не гун (князь), т. е. он был выше чжуки и лули — высших чинов хуннской иерархии. Первоначально ставка Хуянов была в Бэйшане, а после сяньбийского разгрома — где-то около Тарбагатая. И копыта их еще не затупились.

В результате войны 90–93 гг. население Южного Хунну весьма умножилось, но это не усилило, а, наоборот, ослабило державу. Захваченные в плен перебежчики и добровольно подчинившиеся северные хунны были люди совсем иного склада, чем южане. Ненависть к победителям-китайцам у них за последнее время только увеличилась, так же как и ожесточение против южан, громивших их юрты и таскавших их жен и детей на аркане за хвостом коня. Покорность северных хуннов южному шаньюю была вынужденной, так как в их родных степях свирепствовали воинственные сяньби и динлины. Поэтому они скрепя сердце пополняли ставку южного шаньюя, снося обиды от своих победителей. Особенно ненавидели они Шигы, получившего за победы над ними титул западного лули-князя, не без оснований считая его вдохновителем разгрома их державы и причиной их сегодняшнего бедственного состояния.

Зато Шигы пользовался заслуженной популярностью среди южных хуннов и имел немалый авторитет у китайцев. Шигы был храбр, образован, решителен, умен, имел много военных заслуг, и южные хунны хотели, чтобы он стал шаньюем, но законным наследником был его дядя Аньго, человек непопулярный и, по-видимому, бездарный. В 93 г. шаньюй Туньтухэ умер, и Аньго стал шаньюем, а Шигы — наследником, восточным чжуки-князем. Став шаньюем, Аньго остро почувствовал всеобщую неприязнь и стал искать на кого бы опереться. У него и у вновь покорившихся северных хуннов был общий недруг — Шигы, и Аньго среди новых подданных обрел друзей и опору. Победитель и побежденные поменялись местами. Шигы, страшась за свою жизнь, откочевал к китайской границе и притворился больным, чтобы не ездить на общие собрания князей^[530]. Но решающей силой был китайский наместник Ду Чун. Он принял сторону Шигы, стал задерживать донесения шаньюя ко двору и вместе с наследником строчил доносы, в которых сообщал, что Аньго стремится убить наследника и отложиться. Император Хэ-ди приказал провести следствие, которое было поручено Ду Чуну. Весной 94 г. Ду Чун с китайским войском подошел к ставке шаньюя. Аньго знал, что такое расследование не сулит ему ничего доброго, и ночью ускакал в степь. Вокруг него собрались вновь покорившиеся, и шаньюй пошел на Шигы, чтобы казнить доносчика. Шигы успел бежать и укрыться в китайской крепости Мансянчен.

Ду Чун ликовал: возмущение было налицо, и он ретиво взялся за усмирение. Умножив свой отряд южными хуннами, он напал на Аньго. Сторонники Аньго из южных хуннов пришли в ужас и решили его головой откупиться от карателя. Аньго был убит, а Шигы возведен на престол. Но не так легко было управиться с вновь покорившимися. Они организовали ночное нападение на Шигы и были отбиты только китайской стражей. Несмотря на эту неудачу, восстание развивалось: к концу года пятнадцать родов — 200 тыс. человек — поставили сына покойного шаньюя Туньтухэ, Фынхэу, шаньюем «против воли»^[531], перебили китайских чиновников, сожгли караульные башни, почтовые дворы и, забрав имущество, пошли на север. Против повстанцев была брошена целая армия — 40 тыс. человек. Состояла она из наемных отрядов сяньби, ухуаней, тангутов и южных хуннов. Зимой 94/95 г. Фынхэу пробился и ушел на север, и «китайские войска не могли его догнать»^[532].

Несмотря на то, что в официальном отчете потери хуннов были показаны в 17 тыс. человек и сделан вид, будто хуннов выгнали за границу, китайское правительство понимало, что победителями остались хунны. Ду Чун и его коллеги были преданы суду за то, что, «нарушив доброе согласие с хуннами, довели их до возмущения», а также за медлительность в военных действиях. Все они умерли в тюрьме. Шигы горел злобой и искал виновных, хотя было ясно, что они ушли на север. Он обвинил выньюйди-князя Угюйчжана в сочувствии Аньго и хотел пытаться

его. Это вызвало новое восстание в 96 г. Угюйчжан долго сопротивлялся в горных долинах, и опять потребовалась китайская помощь, чтобы разбить его. В 98 г. Шигы умер, и престол перешел к его брату Тханю. Судьба Фынхэу была печальной. Народ его страдал от голода и нападений сяньби. Наконец в 117 г. сяньби разбили и рассеяли сторонников Фынхэу; большая часть их ушла к северному шаньюю, а сам Фынхэу в 118 г. вернулся и сдался китайцам. Его не казнили, но поселили во внутреннем Китае.

ПОКОРЕНИЕ КЯНОВ

Одновременно китайские войска напали на хуннов и на их верных союзников кянов. Наместник на тибетской границе Фуюй «послал людей беспокоить кянов»^[533], т. е. спровоцировал возмущение. В 87 г. Фуюй попросил у правительства подкрепление и выступил на усмирение. Кяны откочевали в глубь страны. Они явно избегали столкновения. Но честолюбивого Фуюя мирное решение отнюдь не устраивало. С 3 тыс. всадников он погнался за кочевниками и догнал их, но при этом попал в засаду. 300 кянских удальцов ночью напали на китайский лагерь, и китайские солдаты в смятении рассеялись. Сам Фуюй дрался до конца, но пал в бою. Прибытие других частей спасло остатки отряда. Вождь кянов Миву ответил контрнабегом, потерпел поражение и предложил вступить в переговоры. Правитель провинции Лунси принял кянских парламентаров и угостил их отравленным вином, причем погибли 800 старейшин, и в том числе Миву. Вслед за тем карательная экспедиция прошла по горным долинам, где убила 400 человек и захватила в плен две тысячи застигнутых врасплох. Сын Миву, Митан, и его родовичи при поддержке других родов напали на Лунси, но в битве при Байши были отброшены. Несмотря на это, кяны стекались к Митану, и китайцам пришлось признать, что войну нельзя выиграть без больших затрат. Правитель Лунси был отдан под суд, а его заместитель, применив обычную систему подкупов, сумел посеять несогласие между родами и тем несколько ослабил напряжение. Война продолжалась, и частные успехи против войск Митана мало что давали китайцам. Поэтому они сделали попытку договориться и вернули Митану его бабушку, ранее захваченную в плен, которую сопровождали пять толмачей-парламентаров. Митан ответил на предательство предательством: толмачей «распластал на земле и, кровью их заключив договор с родами», возобновил борьбу^[534]. В 92 г. снова были пущены в ход подкупы и регулярные войска. С помощью первых китайцам удалось разделить и ослабить кянов, а вторые захватили 800 пленных и, что важнее, собрали урожай посеянной кянами пшеницы, а на берегах Желтой реки построили несколько крепостей и завели речной флот. Стесненный Митан отступил на запад. 93 год был для китайцев удачным.

Но Митан оправился. В 96 г. посланные против него войска из юэчжей и покорившихся Китаю кянов потерпели полное поражение, а осенью 97 г. Митан перешел в контрнаступление. Он ворвался в Лунси, присоединил к себе живших там единоплеменников и разбил местные войска. Снова пришлось бросить на него регулярные части, которые подавили кянов благодаря численному перевесу, но потери китайцев были столь велики, что от преследования противника пришлось отказаться.

Однако планомерная система подкупов парализовала военные успехи Митана. Прокитайские настроения стимулировались деньгами и шелком и росли настолько активно, что сам Митан был вынужден просить мира. Он приехал ко двору для переговоров, а его родовичи перешли жить на китайскую территорию «по причине крайнего голода»^[535]. Казалось бы, наступил мир, однако в 100 г. кяны снова восстали, и причина, очевидно, была не в них, так как сразу же три китайских чиновника были отданы под суд. Как видно, плохая администрация наносила ханьской империи больше вреда, чем доведенные до отчаяния кочевники. Так или иначе, а война вспыхнула вновь. Первой жертвой Митана оказался один из родов, передавшихся Китаю. Он был разгромлен. Другие роды, не видевшие перспектив в развитии восстания и утомленные борьбой, не поддержали Митана. В битве на речке Юаньчуань он был разбит и с остатками своих сторонников, всего около тысячи человек, бежал к верховьям Желтой реки. В следующем, 102 г., был истреблен последний мятежный род кянов и покорение их было закончено.

ВОЗРОЖДЕНИЕ СЕВЕРНОГО ХУННУ

В 104 г. в Китай прибыло из Северного Хунну посольство с предложением «мира и родства». Оно было отпущено без ответа^[536]. По смерти Хо-ди, в 105 г., явилось второе посольство с мирными предложениями и также не получило ответа. Сразу вслед за этим вспыхнуло восстание в Западном крае — китайцы были выбиты оттуда и там укрепились северные хунны. Связь между этими событиями несомненна.

Собственно говоря, жители Западного края не очень рисковали. Бань Чао завоевал их их же собственными руками и количество китайских войск у наместника было ничтожно. Преемник Бань Чао — Ян Шан — был осажден в Кашгаре и, поняв невозможность одержать победу, прорвал блокаду и ушел в Китай в 106 г.^[537] Новые начальники расположились около Кучи с отрядом 8 тыс. человек. Военачальник Лян Гинь вошел в крепость Кучи с разрешения князя, поставленного Бань Чао, но вопреки желанию войск и народа. Против китайцев и их креатуры вспыхнуло всеобщее восстание. Для борьбы с оккупантами явились ополчения из Гумо (Аксу) и Вэнь-су (Уч-Турфана), но Лян Гинь был не трус. Постоянными вылазками он истомил осаждавших и, когда их порыв прошел и они, сняв осаду, начали расходиться по домам, погнался за ними и изрубил около 10 тыс. человек (надо думать, тут не без преувеличения). Этими решительными действиями он усмирил Кучу, но дорога на Дуньхуан была во власти повстанцев и частный успех не решал ничего.

Правительство Китая поняло, что надо спасать своих солдат, и отдало приказ о полной эвакуации Западного края, ссылаясь на то, что невыгодно его удерживать.

Новая территория Северного Хунну простиралась от озера Баркуль до «Западного моря», т. е. до Каспия или Арала. Власть принадлежала роду Хуян. После перехода Западного края в руки хуннов в 107 г. северо-западные области Китая стали театром пятидесятилетней войны. Обладание степными просторами Западной Сибири, населенными воинственными уграми, весьма усилило северных хуннов, но в игру вмешался третий партнер — Сяньби.

Сяньби и Хунну были одинаково враждебны Китаю, но еще более враждовали друг с другом. О хунно-сяньбийской войне китайские источники умалчивают, так как она проходила далеко от Китая, но косвенные данные говорят о ней. Усиление Сяньби началось с 93–94 гг., после того как 100 тыс. хуннских семейств «приняли народное название сяньби». Союз с китайцами был расторгнут уже в 97 г., когда сяньби разгромили Ляодун. «После этого сяньби то покорялись, то отлагались, то вели войны с хуннами и ухуанями»^[538].

Не имеет смысла подробно описывать все набеги и стычки, достаточно проследить общий ход войны. В 101 г. набег сяньбийцев был отбит. В 110 г. после кровавого столкновения покорились Китаю ухуани, а сяньбийцы заключили договор об открытии рынков на границе и дали заложников. Однако в 115 г. сяньбийцы напали на границу, в 117 г. повторили набег, но были разбиты ухуанями, которые выступили на стороне Китая. В 118 г. отдельные отряды сяньбийцев прорвались сквозь границу, много пограбили и пожгли; в 119 г. такие же отряды были настигнуты китайскими регулярными войсками и разбиты. Сяньби не имели централизованного управления. Из 120 сяньбийских родов каждый вел войны на свой страх и риск. Но влияние более цивилизованных хуннов сказалось, и около 120 г. князек Цичжигянь возглавил тех своих соплеменников, которые хотели воевать с Китаем. Результаты организации, пусть примитивной, и руководства, пусть слабого, сказались немедленно. Со 121 по 126 г. Цичжигянь громил китайцев и южных хуннов, и лишь в 127 г. китайские линейные войска и южные хунны отразили сяньби. В 130 г. китайцам удалось привлечь на свою сторону ухуаней; их контрнабеги были для Сяньби тяжелее китайских. В 134 г. Цичжигянь умер, и с его смертью

война прекратилась.

Война сяньби с Хунну проводилась, видимо, беспорядочно, но их энергии было достаточно, чтобы не допустить в Халху своих противников. Войну вести им приходилось на четыре фронта, так как северные саянские динлины притяжали на халхаские степи наряду с хуннами, а на востоке, в Маньчжурии, образовалось агрессивное государство Фуюй. Кроме того, ближайшие соседи и братья по крови — ухуани передались Китаю в 144 г., и только воинственность и взаимная вражда между соседями спасали сяньбийцев от разгрома и уничтожения.

Еще хуже были дела у южных хуннов. С Фынхэу ушли все воинственные и энергичные люди, и у южных шаньюев остались лишь неспособные даже к самообороне от сяньбийцев. Преемники Шигы — шаньюи Тхань (98-124 гг.), Ба (124–128 гг.) и Хюли (128–142 гг.) — знали свои возможности и старались ни в чем не перечить китайским чиновникам. Хуннские родовые князья были более самостоятельными и в 140 г. восстали против Китая; к ним примкнули ухуани и тангуты, но повстанцы были разбиты наемными войсками правительства под Май и Гученом, и в 144 г. восстание было подавлено. Шаньюи не принимал участия в восстании, однако китайский наместник притеснениями довел его до самоубийства. Шаньюев род пресекся, и на опустевший престол был посажен фаворит императора, придворный Дэулэчу, хунн лишь по происхождению (143–147 гг.).

Потеря Западного края была для Китая тяжелым уроном, но не сюрпризом. Для возвращения его был немедленно организован новый поход, причем необходимую легкую конницу решено было набрать среди покоренных кянов.

Однако мобилизация сорвалась: набранные и отправленные в походы кяны разбежались. Карательная экспедиция начала разорять их селения. Правительственные войска стали терпеть поражение за поражением. Весна 108 г. ознаменовалась временным успехом. В битве при Йе-ле, недалеко от Ганьжоу, отозванные из Западного края войска под командованием полководца Лян Гиня одержали победу над повстанцами, но восстание ухуаней и южных хуннов в 109 г. заставило китайское правительство перебросить эти войска на восток, и результаты победы свелись к нулю.

В последующие годы (109–111) восстание развивалось, а китайские войска терпели новые неудачи. В довершение беды восстали китайские пограничные авантюристы, но они были легко разбиты регулярными войсками. Остатки их примкнули к кянским повстанцам. Тем временем на западе шла еще более ожесточенная война.

Тяжела была потеря Западного края для Китая. Он не примирился с ней, и пять лет спустя, в 112 г., китайские войска сделали попытку выбить хуннов из оазиса Хами. Хунны их разгромили. Попытка Китая привлечь на свою сторону кянов окончилась для него крахом: кяны восстали. После этого Северо-Западный Китай оказался открыт хуннским набегам; граница Китая проходила уже через Дуньхуан, западнее ее только одна Шаньшань тяготела к Китаю.

От полного поражения спасли Китай «баньшунские мани», точнее «ба-ди семи родов» — одно из племен южных ди, прозванное за храбрость «божественным войском»^[539]. Они, соединившись с китайскими войсками, остановили наступление повстанцев. Вслед за тем к правительственным войскам примкнули малые юэджи, жившие в современном Сининском округе, и некоторые кяны, очевидно, наемные за деньги. С их помощью в 115 г. было восстановлено сообщение с Западным краем. Тогда же был принят новый план войны. Китайская пехота была распущена, причем с каждого желавшего уйти требовали значительный выкуп. На собранные деньги сформировали легкую конницу и дополнили ее 10-тысячным войском южных хуннов. Успех перешел к китайцам, и войско восставших кянов было разбито.

На этом война не кончилась. Вплоть до 126 г. ежегодно китайская легкая конница совершала походы, усмиряя отдельные роды кянов. Восстание погасло, но нанесло империи Хань огромный ущерб. «Содержание армии и доставка съестных припасов стоили 24 миллиона ланов серебра»; государственное казначейство истощилось. Богатые земли были разорены, пришлось заселять их сызнова, вновь строить крепости и копать каналы для орошения полей военнопоселенцев. Эта война по тяжести и напряженности для Китая не уступала войнам с хуннами, не необходимость владеть верховьями Желтой реки была неотложна, так как горы служили естественными рубежами, защищавшими сердце страны.

УТРАТА ЗАПАДНОГО КРАЯ КИТАЕМ

В 123 г. правитель области Дуньхуан представил двору три плана военных действий в Западном крае: первый — напасть на ставку Хуянь-князя, разорить ее и с помощью шаньшаньцев стеснить Чеши; второй — выдвинуть форпост и снабжать гарнизон из Китая; третий — эвакуироваться с запада.

Второй план был бессмыслен, третий — не только позорен, но и губителен, так как если бы хунны объединились с кянами, то повторились бы времена Модэ. Поэтому был принят первый план, который отстаивал в государственном совете Бань Юн, сын Бань Чао. Ему и поручили возвратить Западный край под власть Китая. Задача была поставлена якобы скромная: устроить в Люкчунском оазисе военную колонию. Но исполнима она была лишь при условии покорения всего Западного края и, следовательно, разгрома северных хуннов. Бань Юн за это дело взялся.

Ситуация в Западном крае была такова: Шаньшань сохраняла верность Китаю; Хами было в руках хуннов; северные оазисы, особенно Заднее Чеши и Карашар, активно примкнули к Северному Хунну, а юго-запад — Кашгар, Яркенд и Хотан — оказались под протекторатом Кушана^[540].

В 124 г. Бань Юн со своим отрядом вступил в Шаньшань и наградил владельца за верность. Владетели Кучи, Аксу и Уч-Турфана сдались на милость китайского полководца и предоставили в его распоряжение 10 тыс. пехоты и конницы. С этими войсками Бань Юн вторгся в Турфан и в долине Ихэ разбил хуннского князя Юли, после чего Переднее Чеши подчинилось ему и выставило вспомогательное ополчение в 5 тыс. человек. Правительство оценило успехи своего полководца и послало ему подкрепление — 6 тыс. легкой пограничной конницы — для серьезной войны с самими хуннами.

В 125 г. Бань Юн разбил князя Заднего Чеши и захватил 8 тыс. пленных и свыше 50 тыс. голов скота, чем обеспечил прокорм своего войска. Князь и хуннский посол были захвачены и казнены. Бань Юн летом 126 г. покорил все мелкие княжества вокруг озер Баркуль и Эби-Нур, а зимой напал на ставку Хуянь-князя и разгромил ее. В числе пленных оказался родственник шаньюя, и Бань Юн приказал чешискому князю зарезать его, чтобы вызвать кровную месть между хуннами и чешистами. И действительно, шаньюй явился, чтобы отомстить за кровь, но был разбит и отогнан китайскими войсками. После этого Хуянь был вынужден перенести свою ставку на берег реки Хаву, т. е. Черного Иртыша^[541].

В 127 г. наступил черед Карашара, горного гнезда антикитайских настроений. На него двинулись одновременно Бань Юн во главе 40 тыс. союзников и правитель области Дуньхуан, Чжан Лян, с 3 тыс. регулярных войск. Дело карашарцев было безнадежно, и они не стали сопротивляться. Чжан Лян первый подошел к Карашару, принял капитуляцию и донес правительству о своей победе и опоздании Бань Юна. Согласно китайским военным законам, за опоздание в походе полагалась казнь, Бань Юна арестовали и посадили в тюрьму, но император простил его. Остаток жизни Бань Юн посвятил литературе: он оставил описание Западного края в традиционной манере официальной историографии.

После падения Карашара Кашгар, Яркенд и Хотан признали власть Китая. Однако Западный край легче было завоевать, чем удержать. Несмотря на то, что в Хами была основана военная колония, уже в 132 г. «могущество китайского двора несколько упало»^[542].

В связи с этим и произвол китайских офицеров стал вызывать все большее возмущение. Так, например, в Хотане правитель Ван Гин, сменивший Бань Юна, по доносу убил князька. Население поднялось, окружило башню, в которой укрылись китайцы, и подожгло ее деревянные части. Вслед за тем восставшие ворвались в башню и убили китайцев, а голову

правителя выставили на площади^[543]. Хотанцы остались безнаказанными.

Вокруг Чехи продолжалась война с северными хуннами. В 134 г. китайцы и их союзники захватили врасплох ставку северных хуннов и взяли много пленных, но в 135 г. хуннский князь Хуянь разбил китайские войска в Заднем Чехи. Правитель Дуньхуана отправил войска на помощь чехисцам, но они ничего не достигли.

Зато летом 137 г. правитель Дуньхуана с 3 тыс. воинов выиграл битву у Хуянь-князя на озере Баркуль. В честь победы он воздвиг на берегу озера камень с надписью^[544].

Успех у Баркуля отсрочил падение китайской власти в Западном крае на 14 лет. Но в 151 г. Хуянь разграбил Хами. Китайский отряд, погнавшийся за хуннами, был полностью уничтожен на берегу озера Баркуль на месте былой победы. После этого Хуянь перешел в наступление и разгромил китайскую военную колонию в оазисе Хами, а затем отступил, прежде чем посланные из Дуньхуана войска успели его настичь^[545].

В 153 г. чехисцы уничтожили военную колонию китайцев и, подобно хотанцам, не понесли наказания. У Китая уже не хватило сил удерживать Западный край. Но почему так иссякли его силы? Одной из причин было новое восстание кянов в 134 г. По размаху оно было значительно больше предыдущего. Первые шесть лет все сводилось к партизанской войне, с одной стороны, и карательным мероприятиям — с другой; но даже такие мероприятия потребовали всех сил китайской легкой конницы, которая могла спасти положение в Западном крае. В 139 г. двум вновь назначенным китайским правителям была дана твердая инструкция — лаской и уважением местных обычаев примирить кянов с Китаем.

Не тут-то было. Оба правителя «по природе были жестокосердны, почему и не могли следовать сему наставлению»^[546]. В результате их «притеснительных распоряжений» в 140 г. вспыхнуло всеобщее восстание. Потребовалась новая армия, но в 141 г. она была разбита, и ее вождь пал с двумя сыновьями. Снова обагрились кровью поля Северо-Западного Китая, запылали деревни, бежали со своих полей крестьяне, были разрушены императорские гробницы (в Шаньси находились усыпальницы династии Хань).

Кяны были обескровлены предыдущими войнами не меньше, чем китайцы. Регулярная конница сжимала их и загоняла в горы, где самое отчаянное сопротивление не могло спасти от голодной смерти. К 145 г. «кяны начали ослабевать»^[547]. Подавление этого восстания стоило Китаю свыше восьми миллионов ланов серебра.

В 148 г. восстали верные союзники Китая — малые юэчжи. Очевидно, и их довели до отчаяния вымогательства и произвол чиновников. Снова были призваны баньшунские мани, и они разбили повстанцев. Страна была опустошена, и «поля покрыты костями убитых». А ведь именно эта область должна была служить базой наступления на запад.

Хуннам не удалось воспользоваться ослаблением Китая и восстановить свое господство в родных степях. Хунну перестало существовать. Будущее уже принадлежало молодому и крепкому народу, который в это время обрел вождя и знамя.

В 155 г. возникла первая сяньбийская держава.

Последние сведения о Западном крае относятся ко второй половине II в. После этого его история погружается во мглу. Но даже последние проблески представляют интерес, ибо сжимают границы «темного» периода.

После разгрома северных хуннов сяньби китайцам удалось вернуть влияние в Чехи. В Куче оно оставалось непоколебленным еще в 158 г.^[548], ибо оазисы, прикрытые Тяньшанем, были недоступны для хуннов. Так тянулось до 168 г., когда произошел антикитайский переворот в Кашгаре. На подавление восстания в 170 г. были посланы 500 китайских солдат из Дуньхуана и контингенты союзников: чехисцев, карашарцев и кучасцев. Осада Кашгара оказалась неудачной,

и Китай примирился с его потерей. Да и не имело больше смысла держать Западный край. Китайцам было не до него.

В 159 г. снова подняли восстание неукротимые кяны ^[549]. Набеги и карательные экспедиции чередовались десять лет, причем китайцам помогали родовые раздоры среди кянских старейшин, а кянам — интриги в среде китайских чиновников и офицеров. Закончивший эту изнурительную войну полководец Дуань Фань достиг успеха лишь тогда, когда применил методы прямого истребления противника. Он отказался от громоздких, дорогостоящих и крайне неповоротливых ополчений. Его войска комплектовались в Шэньси, жители которой были так же воинственны, как и кяны. «Он ослабил западные роды и прекратил опустошения на востоке. Но сколько изувечено при нападениях, побито при преследовании, сколько черепов рассеяно по высоким горам и оторванных членов разметано по крутым утесам! Остался один или не более двух из ста, которые могли спастись от острия стрел во мраке пещер или в густоте трав». Но победа пришла слишком поздно и стоила слишком дорого. Источник резюмирует: «Правда, что неприятели несколько усмирены, но зато престол Дома Хань поколебался в самом основании» ^[550]. Ханьской династии не пришлось пожинать плоды этой победы. Как только восстание «желтых повязок» всколыхнуло Китай, снова поднялись в Бэйди и Ханьчжуне кяны, и снова разгорелась горная партизанская война. Кянское сопротивление пережило ханьское величие.

Воинственные сяньби были так неукротимы, что для того чтобы хоть немного организовать их, нужен был человек необычайно сильной воли. Такой человек нашелся, но самое удивительное то, что ему было, согласно источнику, только 14 лет.

Таншихай родился в 141 г. Отец его три года служил в войске хуннов и по возвращении домой обнаружил сына. Он потребовал объяснения у жены, и та рассказала, что однажды шла по дороге, услышала удар грома и взглянула на небо; тогда ей в рот упала градинка, она ее проглотила и от этого родился сын. Супруг оказался скептиком и отвернулся от ребенка, которого воспитала родня жены^[551]. Легенда часто украшает жизнь великого человека, но интересно другое: Таншихай был смолodu лишен поддержки рода, и все совершенное им позднее есть плод его личного таланта. Это важно отметить, даже допустив, что дата его рождения искажена преданием. За храбрость и выдающиеся способности в 156 г. он был избран старейшиной. Старейшин сяньби избирали без особой борьбы, так как власть их была ничтожна, но Таншихай и тут оказался исключением. Он построил для себя дворец, собрал многочисленную дружину и, самое главное, возглавил всех прочих сяньбийских старейшин. Время работало на Тансихая: сяньби начали понимать необходимость объединения, и осуществление его выпало на долю молодого вождя^[552].

Консолидация принесла плоды немедленно. Таншихай «на юге грабил пограничные (с Китаем. — Л. Г.) места, на севере остановил динлинов, на востоке отразил фуей, на западе поразил усунь и овладел всеми землями, бывшими под державою хуннов, от востока к западу на 14 000 ли (приблизительно 6.5 тыс. км. — Л. Г.), со всеми горами, реками и соляными озерами»^[553]. Все эти завоевания были совершены в период с 155 по 166 г. Возможно, что Южная Сибирь была покорена в 168–173 гг.^[554], но об этих завоеваниях мы знаем слишком мало.

Даже из краткого сообщения ясно, что последний удар Северному Хунну был нанесен именно Тансихаем. На 6.5 тыс. км от Уссури до меридиана Волги или Урала отодвинулась западная граница его державы, т. е. Тансихай выгнал хуннов из Джунгарии за Тарбагатай и оттеснил динлинов за Саяны, обеспечив монгольскому элементу преимущественное положение в Халхе и Чахаре. Положение это продержалось 400 лет. Динлины потерпели такое сильное поражение, что с этого времени о них больше не было слышно, а для хуннов начался новый период истории. Лишившись земледельческих районов в Западном крае, хунны двинулись на запад, чтобы отыскать новые, и при этом раскололись снова. «Малосильные» остались в Семиречье, где основали княжество Юебань, просуществовавшее до V в. н. э., а самые сильные ушли в Европу, где расправились с аланами, готами и добрались до Рима, окруженные новыми союзниками — уграми и кавказцами. Жестокий разгром хуннами многих европейских народов создал им на западе репутацию головорезов и разбойников^[555], в то время как китайские авторы характеризовали их как народ, наиболее культурный из всех «варваров».

Но вернемся к Сяньби.

Тансихай оказался не только военным вождем, но и организатором. Он ввел разделение сяньбийской державы на три части — центр и два крыла. Во главе подразделений были поставлены его помощники; от бывшего хуннского аристократизма и от сяньбийского сепаратизма не осталось и следа.

Система Тансихая была настоящей военной демократией, переходом от древней геронтократии к орде-строю средневековой Азии. Любопытно, что Тансихай не принял титула шаньюй и вообще никакого титула. Он был просто Тансихай, вождь степных племен, и действительно, они стекались к нему для борьбы с ненавистной китайской бюрократией.

Ханьская империя снова была вынуждена бороться за свое существование.

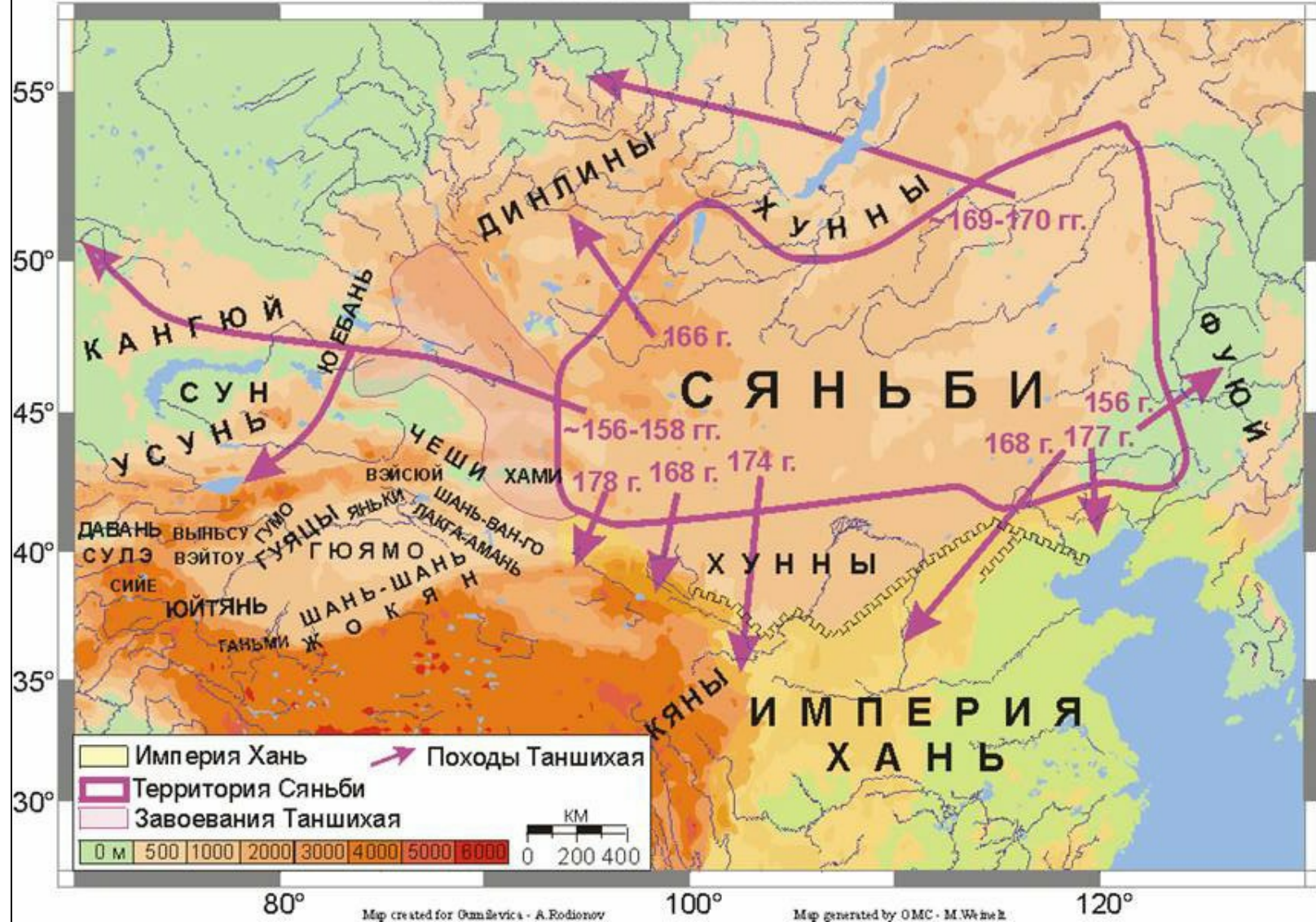
Войну с Китаем Таншихай вел весьма удачно. Начиная со 158 г. летучие отряды сяньби наводняли Северный Китай и производили «великий грабеж». В 166 г. многие южные хунны и ухуани передались на сторону сяньби. Китайцы, видя неспособность поставленного ими в Южном Хунну шаньюя Гюйгюйра, арестовали его, но это не поправило дел на фронте ^[556]. В 167 г. измученное набегам китайское правительство предложило Таншихаю мир на основании «договора мира и родства» и признало за ним титул вана. Таншихай отказался вступить в переговоры ^[557].

Наконец в 177 г. китайцы решили разбить врага на его территории, и 30-тысячное войско выступило за границу. Сяньби не бежали, как некогда хунны. Они грудью встретили китайский удар, и все три китайские колонны были разбиты наголову. Осенью 177 г. сяньби начисто разграбили Ляоси, а в 178 г. перекинулись в Хэси. От этого поражения Китай долго не мог оправиться. Четыре столетия кочевники безнаказанно хозяйничали в его пределах.

В 181 г. Таншихай умер на сороковом году жизни, и тогда обнаружилось, что вся держава покоилась на силе и обаянии его личности. Сын Таншихая — Холян пытался продолжать военную политику отца, но из этого ничего не вышло. Половина орды отказалась ему повиноваться, так как он «был жаден и развратен» ^[558]. Холян при осаде китайской крепости был застрелен из самострела. За его малолетнего сына стал управлять его брат, потом дядя и племянник поссорились, и держава окончательно развалилась в 235 г. Но удар, нанесенный Китаю Таншихаем, оказался очень сильным. Северные области Китая заселялись кочевниками, спешившими сменить суровые степи Сибири на теплые луга берегов Желтой реки. Южный же Китай был опустошен восстанием «желтых повязок», которое было подавлено с большим трудом.

Карта. Схема завоевательных походов Таншихая

Схема завоевательных походов Таншихая

Map created for Gmshelvic - A.Rodionov

Map generated by OMC - M.Weine

ЧЕТЫРЕ ВЕТВИ ХУННСКОГО НАРОДА

Шаньюй Хюли, кончивший жизнь самоубийством в 142 г., был последним шаньюем из рода Цзюйдихэу. Дэулэчу и Гюйгюйр, сменившие его, были просто ставленниками китайского двора, скорее чиновниками, чем правителями. Китайское правительство так мало считалось с ними, что само подрывало их авторитет среди подданных. Так, например, Гюйгюйр был арестован и умер в тюрьме, его сын правил в 172–178 гг., но имя его забыли внести в государственные акты, и оно исчезло для истории. Его же сын Хучжен (178–179 гг.) был казнен китайским чиновником, который, правда, был наказан за превышение власти. Следующий шаньюй, Кянкюй (179–188 г.), был убит самими хуннами, опасавшимися, что он мобилизует их на войну против сяньби. Его сын Юйфуло бежал от мятежников в столицу (Лоян) и был утвержден шаньюем, но не смел вернуться в свои владения. В этот период уже началось восстание «желтых повязок» и мятежи воевод. В то время как шаньюй жил у Цао Цао, хунны приняли участие в гражданской войне на стороне повстанцев, но успехов не имели, и «южная орда опустела»^[559]. Самостоятельная история Южного Хунну прекратилась в 215 г., когда шаньюй Хучуцунь был арестован, а для управления хуннами назначен наместник^[560].

В этот последний период (142–215 гг.) бросаются в глаза два явления: постепенный уход хуннов обратно на север и окитаивание оставшихся на месте. В степь ушли остатки повстанцев. Много хуннов передалось Таншихаю в 158 г., и все последующие годы шло дезертирство из войск шаньюя. Это понятно: все энергичные люди, не желавшие менять свой образ жизни, тяготились гнетом китайских чиновников. Кочевники сяньби были им ближе и роднее, и они уходили на север. А это лишало шаньюев реальной опоры и заставляло их дорожить связью с китайским двором. Начиная с Гюйгюйра хуннское очередное престолонаследие заменяется прямым, что произошло, несомненно, в результате китайского влияния. Совместная жизнь с китайцами и смешанные браки изменяли постепенно тип и психику народа, и к III в. н. э. вместо одного хуннского народа возникли четыре ветви его.

1. Северные хунны, перемешавшиеся в Сибири с уграми, неукротимые и дичающие вдали от культурных центров.

2. Юебань-хунны, подвергшиеся сильному влиянию согдийской культуры.

3. Хунно-сяньби — смешанные роды в Халхе и Чахаре; этнический субстрат, из которого выработались позднее тюрко-язычные и монголоязычные племена раннего средневековья.

4. Китайские хунны — находившиеся в процессе ассимиляции, которая закончилась, однако, лишь к V в. н. э.

На смену хуннам выступили сяньби. Им удалось победить хуннов и даже самих китайцев, но этот период истории Срединной Азии будет описан в самостоятельном исследовании.

Теперь нам остается вкратце проследить судьбу той ветви хуннов, которая стала известна в Европе под именем гуннов.

Западную окраину Великой степи в то время населяли два народа: в Предкавказье жили аланы, на нижней Волге и Урале — угры^[561]. Лесостепную полосу Западной Сибири занимали сабиры, принадлежавшие к угро-самодийской группе^[562], а Приаралье — хиониты, осколок древнего европеоидного слоя^[563]. Эти последние не были затронуты передвижением хуннов, которые, очевидно, прошли севернее; когда же сабиры проникли в Закавказье, то сходство их с хуннами было отмечено источниками^[564]. Но не они, а приуральские угры были тем народом, который приютил беглецов и дал им возможность вновь собраться с силами. Именно с угорских территорий начали хунны свой новый поход на запад, причем угорский элемент составлял их основную боевую силу, и нет оснований сомневаться в том, что оба народа смешались и слились в один новый народ — гуннов.

С 155 г., когда северные хунны оторвались от победоносных сяньбийцев на берегах Волги, до 350 г., когда гунны начали упорную борьбу с аланами, их история совершенно неизвестна.

Самый факт перехода хуннов на запад казался невероятным, так как действительно более чем странно, что целый народ бросился бежать в «никуда». Но если допустить, что хунны знали о культуре Запада и сознательно передвинулись в области, заведомо непригодные для жизни, то все сомнения в переселении их теряют силу. Предлагаемый парадоксальный тезис основан на анализе находок в кургане Ноин-ула, сделанном Г. И. Боровкой. Он отмечает среди найденных произведений искусства немало привозных вещей, а также фрагменты тканей, которые нужно признать греческими^[565]. Ткани, аналогичные по материалу, окраске, технике тканья и вышивке, изготовлялись в греческих колониях на берегу Черного моря для скифов и оттуда попадали к хуннам^[566].

А, как известно, с вещами приходят нередко и сведения о тех странах, где они сделаны, и поэтому нет никаких оснований полагать, что хунны не знали, что ожидает их на западе. Наоборот, надо полагать, переход их был продуман и взвешен: отброшенные от границ Китая и Западного края, они должны были стремиться передвинуться к границе другой земледельческой культуры, так как изоляция обрекала их на нищету и гибель.

Пробиться сквозь толщу угров и аланов было очень трудно, и последствия этого сказались на изменении самого облика хуннов, ушедших на запад. За 200 лет с осколком хуннского народа произошли такие изменения, что долгое время ученые не решались отождествлять азиатских хуннов и европейских гуннов. Наконец этот вопрос был решен положительно^[567], но осталась нерешенной проблема несходства тех и других^[568].

С 350 г. гунны входят в сферу европейской медиевистики, но двухсотлетний процесс этногенеза столь интересен, что просто невозможно отмахнуться от рассмотрения его. Не имея никаких сведений по этому периоду, мы вынуждены применить метод интерполяции источников, т. е. сопоставить известные нам данные об азиатских хуннах с известиями европейских авторов IV в. — Аммиана Марцеллина и Иордана^[569].

Аммиан Марцеллин помещает племя гуннов «за Мэотийскими болотами у Ледовитого океана», который, по его мнению, был очень недалеко, т. е. подтверждается локализация гуннов на средней и нижней Волге. Из антропологических черт он отмечает безбородость, считая, что она достигается искусственно, и коренастость: «Все они отличаются плотными и крепкими членами, толстыми затылками и вообще столь страшным и чудовищным видом, что можно принять их за двуногих зверей или уподобить сваям, которые грубо вытесываются при постройке мостов». Коренастость — признак монголоидных племен Евразии, свойственный более уграм, чем даже монголам. Очень знаменательно, что римский автор не упоминает о чисто

монгольских чертах: скуластости, узких глазах. Эти черты не могли пройти незамеченными, если бы они имели место. Значит, дальневосточных монголоидов Аммиан Марцеллин не видел, а знал только хунно-угорских метисов.

Это соображение находит опору в лингвистических исследованиях. Наследниками гуннского языка принято считать чувашей^[570]. Б. А. Серебренников ставит вопрос о том, где следует искать истоки языка тюркских пришельцев на территорию Чувашии. Отмечая чувашско-монгольские и даже чувашско-тунгусские языковые связи, он приходит к следующему выводу:

«Один из тюркских языков, предок современного чувашского языка, находился, по-видимому, где-то в районе Байкальского озера, по соседству с какими-то монгольскими языками»^[571]. Затем финно-угорские народы оказали влияние на язык тюрко-язычных пришельцев^[572].

Согласно мнению Б. А. Серебренникова, носители того тюркского языка, который стал предком чувашского, «мощной волной переселения народов были оттеснены в Европу и обосновались на нижнем течении Волги»^[573]. Впоследствии эта тюркоязычная общность распалась на два языка — болгарский и хазарский. Хазары остались на нижнем течении Волги, а болгары разделились на две части — одна из них проникла на юг, другая начала мигрировать по направлению к северу^[574]. Удивляет только предлагаемая автором гипотезы датировка — первая половина I тысячелетия до н. э.^[575] Описанная картина воспроизводит ситуацию первой половины I тысячелетия н. э., т. е. приход хуннов и их дальнейшую судьбу в Восточной Европе.

О факте расового смешения, в результате которого возникли гунны, сообщает Иордан. «По преданию древности, я узнал следующее об их происхождении. Филимер, король готов и сын Гандариха Великого, пятый в порядке лиц, управлявших королевством готов по удалении их с острова Скандзы [Скандинавии], и под предводительством которого его народ вступил в землю скифов, узнал, что среди его народа [вероятно, скифского народа; про свой народ Филимер должен был все знать с детства] водятся какие-то ведьмы, которых он сам называл, на своем родном языке, алиарумнами.

По его приказанию они были изгнаны и осуждены блуждать в степях, далеко от лагеря готов. Нечистые духи, увидев ведьм, скитавшихся в пустыне, сочетались с ними и породили этот варварский народ — гуннов».

В этом сообщении характерна деталь «нечистые духи», т. е. пришлые кочевники, мужчины, ищущие женщин среди местного населения^[576]. Такое направление метизации более вероятно, чем любое другое. Достаточно представить себе отступавшую с боями орду, которая наверняка теряла обозы, чтобы понять, что женщин хунны в достаточном количестве привезти с Тарбагатая не могли. А раз так, то вполне понятно, что угорский тип должен был торжествовать в их потомстве над крайне-монголоидным и европеоидным-диским. Это предположение устраняет все возражения, основанные на несходстве этнографических и антропологических признаков, и само по себе гораздо более соответствует политической ситуации в Средней Азии II–III вв., которая восстановима благодаря сведению западных и восточных источников. Более того, высказанное предположение дает возможность установить, что различия в культуре и быте должны были возникнуть, и именно такие, какие отмечены источниками. Попробуем разобрать этот вопрос в деталях.

У хуннов было весьма упорядоченное кочевое скотоводство и родовое владение угодьями. Срубы в погребениях указывают на то, что на зимовках хунны строили себе избы. Ничего подобного нет у гуннов. Аммиан Марцеллин так описывает их быт: «Они никогда не прикрываются никакими строениями и питают к ним отвращение как к гробницам, отрешенным от обычного людского обихода. У них нельзя найти даже прикрытого тростником шалаша; кочуя

по горам и лесам, они с колыбели приучаются переносить голод, холод и жажду; и на чужбине они не входят в жилище, за исключением разве крайней необходимости; у них даже не считается безопасным находиться под кровлей». Тут какое-то преувеличение. А как же живут гунны зимой? Но ниже есть ответ на наш вопрос. «Все они... кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь. Здесь жены ткут им жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужалости. Никто не может ответить на вопрос, где его родина: он зачат в одном месте, рожден далеко оттуда, вскормлен еще дальше»^[577].

Итак, на сцену выступает старинная хуннская кибитка, корабль, перевезший их полторы тысячи лет назад через Гоби. Вообще весь быт напоминает больше беглецов Шун-Вэя, чем упорядоченную державу Модэ. Пища упростилась до предела: «Они так дики, что не употребляют ни огня, ни приготовленной пищи, а питаются кореньями трав и полусырым мясом всякого скота, которое кладут между своими бедрами и лошадиными спинами и скоро нагревают парением». А за 300 лет до того хунны любили лакомиться китайским печеньем^[578]. Одежда их теперь холщовая или сшита из шкурок лесных мышей, а в юебаньских курганах полно шелка и керамики. Земледелия гунны не знают совсем, как будто их предки не заводили пашен; железа у них мало, и они употребляют кость для наконечников копий. Но самое главное отличие гуннов от хуннов — потеря высоких форм организации и института наследственной власти: о серьезных делах «все советуются в обычном положении (т. е. верхом. — Л. Г.). Они не подчинены строгой власти царя, а довольствуются случайным предводительством знатнейших и сокрушают все, что попадает на пути». Позднее институт наследственной власти у гуннов восстановился.

Трудно поверить, что этот народ — единоплеменники современных им юебаньских и ордосских хуннов, но это так. Военное поражение отбросило северных хуннов на 2000 лет назад, а метизация с уграми изменила и внешний вид их и психологический уклад. В новых тяжелых условиях жизни потерялась большая часть культурных достижений прошлого^[579]. Только военный строй был сохранен и дал на Западе столь же блестящие результаты, как и на Востоке.

Соседи гуннов — аланы — применяли, как юэчжи и парфяне, сарматскую тактику боя. Это были всадники в чешуйчатой или кольчужной броне с длинными копьями на цепочках, прикрепленных к конской шее, так что в удар вкладывалась вся сила движения коня. По данному вождем сигналу отряд таких всадников бросался в атаку и легко сокрушал пехоту, вооруженную слабыми античными луками.

Преимущества нового конного строя обеспечили сарматам победу над скифами, но хунны Модэ и Лаошаня и гунны вождя Баламира, в свою очередь, одерживали дважды полную победу над ними. Сарматской тактике удара гунны противопоставляли тактику совершенного изнурения противника. Они не принимали рукопашной схватки, но и не покидали поле боя, осыпая противника стрелами или лоя его издали арканами. При этом они не прекращали войны ни на минуту, «разнося смерть на широкое пространство». Тяжеловооруженный всадник, естественно, уставал быстрее легковооруженного и, не имея возможности достать его копьем, попадал в петлю аркана.

Иордан сообщает, что гунны «завоевали аланов, утомив их непрерывной борьбой» (350–370 гг.). Очевидно, тем же путем добились хунны победы над юэчжами (208–161 гг. до н. э.).

Победив и присоединив к себе аланов, гунны стали во главе огромного племенного союза, в котором прямые потомки хуннов составляли незначительное меньшинство. В семидесятых годах IV в. они перешли Дон и победой над остготами открыли новый период истории, известный под названием «Великое переселение народов». Мы проследили судьбы хуннов от глубоких истоков зарождения народа до его преобразования на новой земле. Обновление кровью доселе чуждых ему

племен, переход на новые пространства и течение всеизменяющего времени закончили дело, начатое копыеносцами империи Хань и продолженное лихими наездниками Таншихая. Здесь мы вправе прервать повествование, так как вновь открытая страница относится уже к истории Европы.

---

notes

Времена меняются, и мы меняемся с ними (лат. — Ред.).

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М. — Л., 1950. С. 51, 55, 57. Сыма Цянь, сын придворного астролога Сыма Тяня, служил при дворе императора У-ди в конце II — начале I в. до н. э. Составил книгу «Шицзи» — «Исторические записки», ставшую образцом для дальнейших исторических сочинений. Прозван в Китае, подобно Геродоту, «отцом истории».

Там же. С. 93–96.

Там же. С. 18.

Иностранцев К. А. Хунну и гунны. Л., 1926.

Аммиан Марцелин. История III. Кн. XXXI, Киев, 1908.

Ср. описание гуннского двора у Приска Панийского. Приск встречал потомков азиатских хуннов, а Аммиан Марцеллин описывал их уже в смешении с уграми и другими восточноевропейскими народами — «Сказания Приска Панийского» (Ученые записки Российской академии наук. Кн. VII. Вып. 1. Спб., 1861).

Deguignes J. Histoire des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartas occidentaux avant et depuis J. C. jusqu'a present. P., 1756–1758.

Saint-Martin V. Les Huns blancs ou Ephtalites des historiens bysantins. P., 1849. — Критику выводов Вивьена де Сент-Мартена см.: Гумилев Л. Н. Эфталиты и их соседи в IV в. (ВДИ. 1959. N 1).

S. S. M. de Groof. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Berlin — Leipzig, 1921.

Franke Otto. Geschichte des chinesischen Reiches. Berlin, 1930.

Hirth Fridrich. *Über Wolga — Hunnen und Hiung-nu*. München, 1900. — Критику этой работы см. в кн.: Иностранцев К. А. Хунну и гунны. С. 126–131.

McGovern W. The early empires of Central Asia. L, 1939.

Maenchen-Helfen O. The Huns and the Hsiung-nu (Byzantion. Vol. XXII, 1945); The legend of origine of the Huns (Byzantion. Vol. XVII, 1945).

См.: Советская археология. Т. XVII. 1963. С. 320–326.

Настоящая книга посвящена исключительно азиатским хуннам, а историю их восточноевропейской ветви читатель найдет в кн.: Артамонов М. И. История хазар. Л., 1960, а также: Altheim Franz. Geschichte der Hunnen. Berlin, 1959.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Можно ли считать китайцев автохтонами бассейнов среднего и нижнего течений Желтой реки? («Известия Государственного географического Общества», 1933. Отдельный оттиск). С. 29–30.

Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая от первобытно-общинного строя до образования централизованного феодального государства. М., 1958. С. 36.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Гл. 1. Л., 1926.

По новым расчетам, эта дата изменена на 1586 г. (см.: «Очерки истории Древнего Востока». Л., 1956. С. 229) или на 1562 г. (?) (см.: Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая... С. 45). О степени легендарности сведений о Ся см. также: Lattimore O. Inner Asian frontier of China. New York, 1940. P. 286.

Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая... С. 38–66.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. III. М.; Л., 1955. с. 200–202.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 40.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. III. М.; Л., 1953, С. 67.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 41.

Там же.

См.: Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 80, где опровергнуты противоположные мнения Шаванна и Сиратори.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 40.

См.: Latimore O. Inner Asian... P. 286.

Ibid. P. 300; Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая... С. 135.

Lattimore O. *Inner Asian...* P. 302. Фань Вэнь-лань считает, что эпохе Ся соответствовала луншанская культура (см.: Фань Вэнь-лань. *Древняя история Китая...* С. 43–44).

Lattimore O. Inner Asian... P. 300.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. II.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948. С. 82.

См.: Берг Л. С. Путешествия Н. М. Пржевальского. М.; Л., 1952. С. 13.

Там же. С. 20.

Там же. С. 45–46.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. III. С. 57.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 43.

Там же. С. 39.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... с. 85; Chavannes Ed. Les memoires historiques des Sst-ma Th'ien. P., 1899. P. 31; Wylie. History of the Hiung-noo in their relations with China (Journal of the Anthropol. Institute of Gr. Britan and Ireland. 1874. N9). P. 401.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. 1. С. 39. Ср.: «Цзиньшу», гл. 97, в которой указана граница между хуннами (сюнну) и шестью жунскими племенами (Бернштам А. Н. Очерки истории гуннов. Л., 1951. С. 219. Опубликованный текст).

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 45.

Там же. С. 15.

Там же. С. 45.

Там же. С. 85.

Там же. С. 45–46. — Ссылка на ст.: Васшьев В. П. Об отношениях китайского языка к среднеазиатским (Журнал Министерства народного просвещения. 1872. Сентябрь); Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая... С. 136.

McGovern W. The early empires of Central Asia L., 1939. P. 87, etc.

Lattimore O. Inner Asian... P. 340–349.

Чебоксаров Н. Н. К вопросу о происхождении китайцев // Советская этнография. 1947. №1. С. 30–70.

См.: Бернштам А. Н. Очерки истории гуннов. С. 219. (Опубликованный текст «Цзиньшу»).

См.: Гумилев Л. Н. Динлинская проблема // ИВГО. 1959. N1.

Грумм-Гржимайло Т. Е. Западная Монголия... С. 69.

Там же. С. 16.

По исправленной хронологии — в 1066 (см.: Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая... С. 72).

Го Мо-жо. Эпоха рабовладельческого строя. М., 1956.

Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая... С. 69; см.: Tokei F. Sur ie terme nong-fou dans le Che-king (Acta Orientalia. 1955. Vol. V). P. 123–141.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 35; De Harles. Les religions de la Chine (Le Museon. 1891. Vol. X).

Фань Вэнь-дань. Древняя история Китая... С. 100.

Грумм-Гржимайло указывает, что многие китайские императоры имели орлиный профиль и пышную бороду. Справедливо. В «Троецарствии» описаны многие герои точно так же, а один из них, рыжебородый Сунь Цюань, даже носил прозвище «голубоглазый отрок» (Ло Гуань-чжун) (см.: «Троецарствие». Т. I. М., 1954. С. 369.

См.: Зайчиков В. Т. Важнейшие географические труды древнего Китая // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. 1955. N3.

Томсон Дж. О. История древней географии. М., 1953. С. 437–439.

Там же. С. 253. Фауны-кяны — тибетские племена, кочевавшие в бассейне Яркенддарьи (см.: Maenchen-Helfen O. Pseudohuns // *Central Asiatic Journal*. Vol. 1. N2. P. 102–103; Tarn W. W. *The Greeks in Bactria and India*. Cambridge, 1950. P. 84–85; Гумилев Л. Н. Терракотовые фигуры обезьян из Хотана // *Краткие сообщения Государственного Эрмитажа*. Л., 1959. N 16.

Гумилев Л. Н. Терракотовые фигуры обезьян из Хотана; см. также: Soothill China and West. L., 1925; Yule-Cordier. Cathay and Way Thither. L., 1915.

Томсон Дж. О. История древней географии. С. 427.

Yule-Cordier. Cathay... P. 200.

Томсон Дж. О. История древней географии. С. 428.

Там же. С. 431.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. III. М.; Л., 1955. С. 8.

Там же. С. 9–10.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

Грязнов М. П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // Советская археология. 1952. Т. XVI.

Киселев С. В. Древняя история... С. 100.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 11.

Там же. С. 34–35.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948. С. 65.

Киселев С. В. Древняя история... С. 301; Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. С. 128.

Киселев С. В. Древняя история... С. 114–116.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. С. 83.

Там же.

Гумилев Л. Н. Динлинская проблема // ИВГО. 1959. N 1.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 43.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 107.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 15.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 40.

См. сноску 2 к Вступлению.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 40.

Окладников А. П. Новые данные по древнейшей истории внутренней Монголии // ВДИ. 1951. N 4. С. 173.

Там же. С. 172.

McGovern W. The early empires of Central Asia. L., 1939. P. 91.

Deguignes Y. Histoire des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares occidentaux avant et depuis, J. C. jusqu'a present. Vol. 1. P., 1758. P. 216.

Cordier H. Histoire generale de la Chine. Vol. 1. P., 1920. P. 205.

Цит. по кн.: Cordier H. Histoire generale de la Chine. Vol. 1. P. 205.

См.: Киселев С. В. Древняя история... С. 147.

Там же. С. 161.

Мурзаев Э. Северо-восточный Китай. М., 1955. С. 83, 113.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. С. 83.

Окладников А. П. Неолит... С. 261.

Там же. С. 244, 247.

Там же. Глава IV.

Там же. С. 231 и сл.

Окладников А. П. Неолит... С. 233, 237; Киселев С. В. Древняя история... С. 24, 113; Сальников К. В. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952. С. 68, 69.

Окладников А. П. Неолит... С. 259.

Окладников А. П. Исторические рассказы и легенды нижней Лены (Сборник МАЭ. 1949. № 11). С. 82, рассказ 9.

Plath J. H. Geschichte des ostlichen Asiens. Gottingen, 1830. S. 105; ср.: Окладников А. П. Неолит... С. 261.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 76.

Окладников А. П. Неолит... С. 259.

Там же. С. 328.

Там же. С. 334.

Там же. С. 339 и сл.

Там же. С. 347.

Окладников А. П. Шиверский культурно-исторический этап (рукопись).

Весьма примечательно, что хунны сохранили традиции шанского искусства до V в. н. э. и донесли их до Западной Европы. На Каталаунском поле найдена ручка бронзового жертвенного сосуда гуннского происхождения. Аналогичные находки были сделаны в Венгрии, Силезии, на юге России, в Горном Алтае у Телецкого озера, в Монголии и Ордосе. Датируются они эпохой Старшей Хань, III–I в. до н. э., но стиль их восходит к стилю эпохи Шан-Инь, когда подобные сосуды назывались «ю» [см.: Takats Z. Catalaunischen Hunnenfund und sein ostasiatischen Verbindungen // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. V. Budapest, 1955. S. 143–173.

Артамонов М. И. К вопросу о происхождении скифов // ВДИ. 1950. N 2. С. 46.

Грязнов М. П. История древних племен верхней Оби // МИА. Т. 48. 1956. С. 38–41.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. III. С. 57.

Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая... С. 137–138.

Chavannes Ed. Les memoires historiques de Sse-ma Ts'ien. P., 1899. P. 71, 89.

См: Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951. С. 219.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 15.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. III. С. 57.

Историю вопроса см.: Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 91–94, Территория, на которой жили юэчжи, восстанавливается на основе сопоставления таким образом. В эпоху, предшествовавшую хуннскому завоеванию степной Азии, к Алтаю примыкали два государства: с запада Кангюй и с востока Юэчжи. Кангюй, вопреки мнению С. П. Толстова, находился в Восточном Казахстане, и мало данных за то, чтобы степняки обладали горными долинами Алтая. Область юэчжей, по китайским сведениям, лежала между Алашанем и Хами, но южную, плодородную часть этой территории занимали усунь, покоренные юэчжами около IV в. до н. э. Попытка понять китайские сведения буквально, т. е. поместить два больших народа на одной пустынной территории, не дала результатов. Необходимо допустить, что эта область была завоевана юэчжами с запада, а так как область оазисов была населена тохарами, а территория Монголии — хуннами, то остается только Джунгария, примыкающая к Алтаю и Тяньшаню. Отсюда юэчжи были вытеснены хуннами в 165 г. до н. э. За отождествление пазырыкцев с юэчжами говорят следующие данные:

- 1) Китайские вещи, например зеркало из княжества Цинь, тесно связанного с юэчжами.
- 2) Юэчжи брили голову; останки, найденные в Пазырыке, свидетельствуют о том же.
- 3) Резкий характерный профиль на пазырыкских изображениях, являющийся эстетическим канонем, совпадает с профилем на кушанских монетах.
- 4) Предполагаемая датировка V–III вв. до н. э. совпадает с расцветом юэчжей, тогда как Кангюй существовал еще 500 лет, а в циньское время с Китаем не сносился, и циньское зеркало с другими вещами попасть на Алтай могло опять-таки только через юэчжей.
- 5) Много больших каменных курганов пазырыкского типа расположено в восточных районах, ландшафтом связанных с Монголией и Джунгарией, а не с Карагандинской степью и не с Барабой; сходство же пазырыкских вещей со скифскими объясняется просто тем, что оба эти народа имели сношения и обменивались культурными ценностями, причем посредниками были родственные скифам аланы.

Литература о юэчжах огромна. Из новых работ, см.: Pelliot P. *Les coutchenes et les tokhariens* // *Journal asiatique*. 1934; Haloun G. *7ur Oe-tsi Frage* // *Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft*. 1937; Умняков И. И. Тохарская проблема // ВДИ. 1940. С. П. Толстов сопоставил юэчжей с массагетами, опираясь на звучание имен в предположительной реконструкции (см.: Древний Хорезм. М., 1948). Эта гипотеза принята не всеми учеными.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 51, 59.

Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (tuos) occideiitaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Т. VI. СПб., 1903. С. 29, прим. 4.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 350.

Там же.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 13.

Там же. С. 353–354.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. С. 58–61.

Там же. С. 62.

Они названы не сюнну, а сюньюнь, очевидно, из-за архаичности языка.

В июле.

Сюань-ван из династии Чжоу.

Столица царства Джоу.

Авдиев В. И. История древнего Востока. М., 1953. С. 655.

Название «хунну» появилось в Китае в эпоху Чжаньго (IV–III вв. до н. э.) [см.: Цэн Юн. Оборонительные войны против хуннов в эпоху Хань. Шанхай, 1955 (Реферативный сборник. 1956. № 15. С. 95)].

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 42.

Конфуций говорил, что, если бы не эта победа, «нам, пожалуй, пришлось бы ходить непричесанными, застегивать одежду налево и испытывать иноплеменное господство» (см.: Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая от первобытно-общинного строя до образования централизованного феодального государства. Т. I. М., 1958. С. 120).

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 43–44.

Там же. С. 45.

Там же. С. 43.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 85.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 321.

Боровка Г. И. Археологическое обследование среднего течения реки Толы // Северная Монголия. Т. II. Л., 1927.

Сосновский Г. П. Ранние кочевники Забайкалья (КСИИМК. Т. VIII. М.; Л., 1940);
Плиточные могилы Забайкалья // Труды отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа.
Т. I. Л., 1941.

Окладников А. П. Древнее население Сибири и его культура. (Рукопись).

Там же.

Там же.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948. С. 121.

Отождествление культуры плиточных могил с раннехуннской оспаривает И. И. Гохман, который основывает противоположное мнение на изучении семи черепов из плиточных могил IV–II вв. до н. э. (Гохман И. И. Антропологические материалы плиточных могил Забайкалья // Сборник МАЭ. Т. XVIII. М.; Л., 1958. С. 428, 437). Исследованные И. И. Гохманом черепа монголоидны и не имеют европеоидной примеси, характерной для хуннов. Однако автор не учитывает, что хунны, как и любой большой народ, не были расово монолитны. Небольшое количество исследованного краниологического материала не позволяет судить обо всем расовом составе населения, оставившего плиточные могилы, а территория, на которой они распространены, уже в III в. до н. э. была хуннской. Скорее можно предположить, что этот монголоидный тип был одним из компонентов хуннского народа, окончательно сложившегося на севере, а не на юге от Гоби. Изменение погребального обряда, имевшее место во II в. до н. э., связано не с переселением нового народа, а с изменением культа, так как хуннская культура в это время переживала период бурного развития, оборвавшегося во II в. н. э. Наличие же плиточных могил к югу от Гоби показывает, что этот обряд захоронения связан не с локальными особенностями одного племени, а является следом культурного единства многоплеменного этнического образования в Средней Азии I тысячелетия до н. э.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 172.

Иакинф. История Тибета и Хухунора. Т. I. СПб., 1833. С. 17.

В 317 г. хунны в союзе с пятью китайскими княжествами выступили против Цинь, но были отбиты (Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая... С. 235).

Окладников А. П. Новые данные по древнейшей истории внутренней Монголии // ВДИ. 1951. № 4. С. 163.

См.: Иностранцев К. А. Хунну и гунны. Л., 1926.

Shiratori K. Über die Sprache der Hiungnu und der Tanghu — Stamme. St. Pb., 1902; Bulletin de l'Academie Imperiale des Sciences de S.-Petersburg. V. Serie. Bd. XVII. № 2 (Отдельный оттиск).

Casfren M. A. Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker. St.-Pb., 1857. S. 35–36.

M. G. S. Ramstedt. Über der Ursprung der türkischen Sprache. Helsinki, 1937. S. 81–91.

Pelliot P. L'edition collective des oeuvres de Wang Kouo-wei (T'oung Pao. Vol. XXVI). P. 167.

Ligeti L. Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise // *Acta Orientalia*. 1950. S. 141–149.

В колчане помещалось всего 30 стрел (см.: Иностранцев К. А. Сасанидские этюды. СПб., 1909).

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 214.

Цюй Юань. Стихи. М., 1954. С. 128–129.

До Гуан-чжун. Троецарствие. Т. II. М., 1954. С. 374.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 42–45; Maspero H. La Chine fntique. P., 1927. P. 383–386.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 45.

Там же. С. 107.

Сыма Цянь. Избранное. М., 1956. С. 170–171.

Одни комментаторы считают, что наиболее сильные воины, бравшие в плен вражеского вождя, за что полагалась награда в 100 золотых; другие считают, что эти воины из богатых семей, состояние которых оценивалось в 100 золотых (Сыма Цянь. Избранное. С. 344, комментарий Л. И. Думана).

Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая от первобытно-общинного строя до образования централизованного феодального государства. М., 1958. С. 120–121.

Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. С. 356–357.

Maspero H. Le Shine antique. P. 385.

Ibid. P. 384.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 107.

Там же. С. 95.

Пример числового преувеличения. Тут надо понимать «с большим войском» (ср.: Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 45).

Там же. С. 94.

См.: Сыма Цянь. Избранное. С. 226–231.

После казни Мэнь Тяня хунны немедленно вернулись к Иньшаню, не встретив сопротивления (McGovern W. The early empires of Central Asia. L., 1939. P. 116).

В Китае в эту эпоху было шесть систем: школа инь-ян, конфуцианцы, монахи, номиналисты, легисты, даосисты, т. е. последователи Лао-цзы (см.: Сыма Цянь. Избранное. С. 35).

Описание свистящих стрел см.: Kohalmi K. U. Über die pfeifenden Pfeile der innerasiatischen Reiternomaden // Acta Orientalia. Budapest, 1953. Т. III. S. 45–70.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 46–48.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1950. С. 560–561.

См.: Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 50–51. — В биографии Хань Синя этот факт опущен (см.: Сыма Цянь. Избранное. М., 1956).

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 51.

Там же.

Сыма Цянь. Избранное. С. 280.

Императрица Люй Хоу была весьма энергична и властолюбива. Еще при жизни мужа она имела огромное влияние на политику. Преемник Гаоцзу (Лю Бана) Хуэй-ди был в руках императрицы и ее родственников — Люй Чана и Люй Лу. Оба они получили титулы ванов и в 184 г., убив наследника престола, хотели утвердить свою династию. Но программа династии Хань успела приобрести немало сторонников, никто в Китае не хотел возвращения порядков Цинь Ши-хуанди. В 180 г. умерла императрица, а в 179 г. ее преемник Вэнь-ди истребил ванов Люй, их семьи и их сторонников. Но и это не привело к прекращению борьбы. В 177 г. вспыхнуло восстание Син Гюя, а в 154 г. восстали князья У, Чу, Чжао и др. Но ханьская династия все-таки провела свою политическую линию покровительства крестьянам и ученым в ущерб аристократии. Система ограничения императорской власти ванами и привилегии ванов были отменены, и это дало плоды. При Вэнь-ди (179–156 гг.) и Цзин-ди (156–140 гг.) Китай разбогател и превратился в мировую державу.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 53.

Там же. С. 54.

Иакинф. История Тибета и Хухунора. Т. I. СПб., 1833. С. 17.

Считаю необходимым отметить, что этот факт не был замечен Мак-Говерном, который считал, что Тибет был «равно свободен от китайского и хуннского контроля».

Shiratori K. Über den Wu-sun Stamm in Centralasien.

См.: Richthofen F. China. Berlin, 1877. S. 49, 447.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 99.

Успенский В. Страна Кукэ-нор или Цин-хай, из «Записки ИРГО по Отделению этнографии». Т. VI. СПб., 1880 (отдельный оттиск). С. 51.

Там же. С. 52.

Иакинф. История Тибета и Хухунора. Т. I. С. 5.

Гумилев Л. Н. Динлинская проблема // ИВГО. 1959. № 1.

Levi S. Notes sur les Indo-Scythes // Journal Asiatique. 1897. IX serie. Vol. IX. P. 13.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 100.

Бичурин Н. Я. Собрание Сведений... Т. II. С. 155.

Там же.

Грумм-Гржимайло Т. Е. Западная Монголия... С. 100.

Там же. С. 100–101; Vernadsky G. V. *Ancient Russia*. New Haven, 1952. — Вернадский сопоставляет этноним усунь с этнонимами: асианы-асии-асы-ясы(осы) — аланы и считает усуней аланским племенем, покоренным юэчжами.

Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 101. — Он не доверяет последнему сведению, опираясь на допущенную автором путаницу: что отец гуньмо был убит юэчжами, а не хуннами. По моему мнению, эта ошибка не важна и не меняет сути дела: усунь были врагами юэчжей и подданными хуннов. Ко времени путешествия Чжан Цяня гуньмо был уже стар и имел десять сыновей и много внуков (Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 191). Так как он родился около 208 г. (Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 155), то в 139 г. ему было 70 лет, возрастные данные совпадают. Кроме того, к 139 г. усунь уже были привычными обитателями Семиречья, смешанными с саками и оставшимися на месте юэчжами, но сведение это дошло до Китая лишь через Чжан Цяня. Язык усуней неизвестен. Грум-Гржимайло причисляет их к тюркам, а Мак-Говерн — к иранцам, причем оба отмечают отсутствие доказательств.

Ленин В. И. О государстве // Сочинения, 4-е изд. Т. 29. С. 437.

Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. М., 1948. С. 264.

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940. С. 7.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М» 1953. С. 165.

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. С. 24.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1938. С. 185–186.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 46.

Цифра 10 тыс. условная.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 71.

Там же. С. 84.

Там же. С. 49.

См.: Цюй Юань. Стихи. М., 1954. С. 29–40.

Оттенки значения термина «ван» менялись. Вначале — это суверенный правитель, иногда очень мелкого владения. При Хань этот титул получали зависимые от императора князья.

S. S. M. De Groot. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. Teil I. «Die Hunnen der vorchristlichen Zeit». Berlin; Leipzig, 1921. S. 57; Pritsak O. Stammennamen und Titulaturen der Altaischen Völker // Ural-Altaiischen Jahrbucher. Bd XXIV. Heft 1–2. Wiesbaden, 1952. S. 53.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 49, прим.

Там же. С. 58.

Там же. С. 49.

Там же. С. 230.

Там же. С. 262; см. также: Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. С. 26. — «Основное условие собственности, покоящейся на племенном строе... — быть членом племени, — делает завоеванное, покоренное, чужое племя лишенным собственности».

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 99.

Там же. С. 47.

См.: Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. С. 324; Deguignes J Histoire des Huns... Vol. I. Part 2. P. 25; Цзи Юн. Оборонительные войны против хуннов в эпоху Хань // Реферативный сборник. 1956. № 15. С. 96.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 144.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 170.

Там же. С. 172.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 55–56.

Энгельс Ф. Происхождение семьи... С. 148.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 40.

Там же. С. 50.

Энгельс Ф. Происхождение семьи... С. 59.

Там же. С. 58.

Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л., 19:

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 49.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л., 1950. С. 266.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 100; Levi S. Notes sur les Indo-Scythes // Journal Asiatique. 1897. IX serie. Vol. IX. P. 13.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 184.

В 160 г. до н. э. Согдиана отпала от Греко-Бактрии, надо думать, при помощи юэчжей. Сама Бактрия пала в 129 г. до н. э. (см.: Saint-Martin V. Fragment d'une histoire des Arsacides. Vol. II. P. 68). Следовательно, борьба за Бактрию продолжалась 30 лет.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 191.

Там же. С. 155.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 58.

Там же.

Около 170 г. до н. э. хуннская армия исчислялась в 60 тыс. всадников и, вероятно, состояла не только из хуннов, но и из представителей других народов См.: Haloun G. Zur Uetsi-Frage // Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft. 1937. S. 306, njte I; ср. также: Byzantion. Vol. XVII, 1945. S. 224–225. Так как в армию шло взрослое мужское население, составлявшее нормально 20 % от общего количества, то можно ориентировочно определить численность хуннского народа в 300 тыс. или менее, но не более.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 57–58.

Цифры на совести Сыма Цяня.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 59.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. III. С. 13.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 60.

Для определения общины ухуаней взят термин «бу аймак» — территориальная группа, а не «син» — род (Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 142).

Там же.

Там же. С. 167.

Там же. С. 143.

McGovern W. The early empires of Central Asia. L., 1939. P. 120.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. С. 184–303; Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948. С. 124.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. С. 124.

Там же. С. 134.

Там же.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. С. 317; см. также: Ростовцев М. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль. Прага, 1929; Salmony A. Sino-Siberian art. P., 1933; Inner Mongolia and region of the Great Wall // *Archaeologia Orientalis. D-series. Vol. I.* Tokio-Kioto, 1935; Ianse O. L'empire des steppes. *Revue des arts asiatiques. Vol. IX,* 1935.

Сосновский Г. П. Ранние кочевники Забайкалья // КСИИМК. Вып. VIII; Плиточные могилы Забайкалья // Труды отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. Т. 1, 1941.

См.: Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 172.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. С. 318; Боровка Г. И. Археологическое обследование среднего течения реки Толы // Северная Монголия. Т. II. Л., 1927.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. С. 323.

Там же. С. 324.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 99.

Там же С. 98.

Hall D. G. E. A history of South-East Asia. L., 1955. P. 25–26.

Имеется лишь краткое упоминание в «Цянь Ханьшу», что хунны, потеряв хребты Яньчжышань и Циляншань, отразили это печальное событие в стихах (См.: Фэн Цзя-шэн. Руническая надпись из восточной Монголии // Советская этнография. 1959. N 1. С. 5).

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 49–50.

Там же. С. 76.

Окладников А. П. Древнее население Сибири и его культура (рукопись). Гл. VII.

Керемет (Киреметь), Луд, Шайтан — в удмуртской мифологии творец зла, противостоящей своему добродетельному брату Инмару. Моления К. совершались при эпидемиях и т. п. в священных рощах — кереметах (лудах), где специальный жрец туно приносил в жертву богу животных черной масти. Близкие представления о К. (и культ его) существовали в марийской мифологии, где К. — божество зла, брат и противник демиурга Куго-юмо. Согласно поздней марийской легенде, К. задержал разговором старейшину марийцев Бедоя, когда тот шел к богу, распределявшему религии среди народов земли; за это бог заставил марийцев поклоняться К.

McGovern W. The early empires... 139; Chavannes Ed. *Memoires historiques de Sse-ma Ts'ien*. Vol. LXVII, P., 1899; Franks H. *Geschichte des chinesischen Reiches*. Bd. I. Berlin, 1930. S. 343; Дэн Чжи-чэн. *История Китая на протяжении двух тысяч лет*. Шанхай, 1954 // *Реферативный сборник*. 1956. N 13. С. 152.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 62.

Li H. Die Geschichte des Wasserbaues in China // Beiträge zur Geschichte der Technik und Industrie. Bd. I Berlin, 1931–1932. S. 59–73.

Бог рек.

Название реки.

Из истории науки и техники Китая. М., 1955. С, 21.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 64.

Там же. С. 107.

Это, несомненно, преувеличение, надо понимать «очень много».

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 66.

В связи с ростом крупного землевладения в Китае появилось множество обезземеленных крестьян. Ханьское правительство предоставляло им земли на границе с обязательным несением военной службы (см.: Хэ Цзи-юань. Краткий очерк истории Цинь Хань // Реферативный сборник. 1956. N 17. С. 162.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 107.

Там же. С. 69.

Иакинф. История Тибета и Хухунора. Т. I. СПб., 1833. С. 18.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 68.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 15.

Войска пополнялись преступниками, которым смертная казнь заменялась военной службой (Gibert L. Dictionnaire historique et géographique de Mand-chourie. Hongkong, 1934. P. 867).

Г. В. Вернадский производит название «Яньцай» от тохарского слова «ант» — равнина (Vernadsky G. W. *Ancient Russia*. New Haven, 1952. P. 82).

Луций Анней Флор. История. М., 1792. Т. II. С. 34; Т. IV. С. 12.

Томсон Дж. О. История древней географии. М., 1953. С. 427.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 158.

Там же. С. 166.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. III. Прим. к карте 1.

Там же (это общепринято, но неверно).

Там же.

См.: Томсон Дж. О. История древней географии. С. 259, рис. 15.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 166.

Штейн В. М. Из истории сношений между Китаем и Индией // Советское востоковедение. 1957. N 6. С. 65–73.

Там же. С. 159.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Описание путешествия в Западный Китай. Т. II. М., 1948. С. 208.

Там же. С. 212.

Там же. С. 218.

Там же. С. 219.

Григорьев В. В. Восточный или Китайский Туркестан. СПб., 1873. С. 57–78 (Приложена карта Птолемея).

Там же. С. 61–63.

Там же. С. 70–72.

Там же. С. 40–41.

Groussel R. Histoire universelle. T. I. P., 1956. P. 212–215 (Приведена библиография).

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 246.

Вишневский Б. Н. К антропологии древнего населения Восточного Туркестана // Казанский музейный вестник. 1921. N 1–2. С. 99.

См.: Конрад Н. И. Начало китайского гуманизма // Советское востоковедение. 1957. N 3. С. 74, 79.

Особенно преуспевали астрология, астрономия и медицина (был открыт способ борьбы с тифом).

Ян Хин-шун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М.; Л., 1950. С. 72.

Fung Yu-lan. A short history of Chinese philosophy. New York, 1948. P. 213.

Штейн В. М. Политико-экономический трактат древнего Китая «Гуань-цзы» // ВДИ. 1957. N 1. С. 52.

Там же. С. 61.

В оценке действий У-ди современные китайские историки придерживаются разных точек зрения. Так, Цзи Юн считает все войны, ведшиеся против хуннов, оборонительными (Реферативный сборник. 1956. N 15), а Дэн Чжи-чэн полагает, что У-ди начал серию наступательных войн [История Китая на протяжении двух тысяч лет. Шанхай, 1954 (см.: Реферативный сборник. 1956. N 13. С. 146)].

Симоновская Л. В., Эренбург Г. Б., Юрьев М. Ф. Очерки истории Китая. М., 1956. С. 28.

Го Мо-жо. Эпохи рабовладельческого строя. М., 1956.

Там же. С. 91.

Там же. С. 86.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л., 1950. С. 149.

Там же. С. 158.

Там же. С. 159.

Там же. С. 156.

Там же. С. 159.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 71.

Там же.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 162.

Там же. С. 164.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 72.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 162.

Там же. С. 149.

Там же. С. 167.

Там же.

Там же. С. 171.

Там же. С. 213.

Это отмечал много лет спустя Ли Бо. В стихотворении «Луна над горной заставой» он описал сложившееся положение так:

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 214.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 107.

McGovern W. The early empires of Central Asia. L., 1939. P. 154–155.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. III.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 73, 351.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 479.

Го Мо-жо. Избранные сочинения. М., 1955.

Цит. по: Сыма Цянь. Избранное. М., 1956. С. 13.

Там же. С. 37.

Там же. С. 40.

Там же. С. 36.

McGovern W. The early empires... P. 161.

У Бичурина эти события изложены несколько иначе. Хулугу сразу отстраняет своего сына (Собрание сведений... Т. I. С. 74), а потом снова отстраняет его «по малолетству» (там же, с. 77), что является путаницей. Я даю ход событий по «Цзи-чжи тунцзян» (книга 8, цзюань 22); перевод этого неясного места выполнен В. А. Вельгусом, которому приношу благодарность.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 352.

Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. С. 136–142; Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 351; Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 354.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 157.

Там же. С. 149.

Там же. С. 75.

Там же. С. 76.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 112.

Ли Бо — поэт эпохи Тан (701–762 гг.). На эту же тему имеется стихотворение Гао Ши «Яньский напев», но оно не дает ничего нового, повторяя официальную версию о первых удачах, тщеславии полководца и смертельной рукопашной схватке (см.: Антология китайской поэзии. 2. С, 121–123).

В тексте «Тяньшань»; это явная ошибка, ибо луна, восходящая над Тяньшанем, в Китае не видна.

Огонек. 1955. N 23. С. 9.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 231.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 105.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 76.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 76.

Там же. С. 77.

Там же.

Там же. С. 82.

Там же. С. 76, 78.

Там же. С. 95.

Там же. С. 78.

Там же.

Там же. С. 88.

Там же. С. 94.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 214.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 78.

Бои происходили в области Чжанье, т. е. между Ганьчжоу и Ляньчжоу. Основной удар хуннам нанесли икюйские жуны, находившиеся в составе китайских войск.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 193, 207.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 81, 82.

Эти цифры нельзя принимать буквально, так как только китайцы тщательно подсчитывали свою добычу при сдаче ее в казну, а усунь не считали.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 207.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 83, примечание.

Там же. С. 83.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 208.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 83.

Там же. С. 84.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 84.

Там же. С. 85.

Там же. С. 88.

Брунгильда (Брунхильда) героиня немецкой «Песни о нибелунгах». Королева сказочной Исландии, ставшая супругой Гунтера, короля Бургундов, виновница смерти Зигфрида. После смерти Зигфрида Брунгильда исчезает из повествования.

Там же. С. 87.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 118.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 88.

Там же.

Там же. С. 91.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 171.

Там же. С. 196.

Там же. С. 150.

Там же. С. 229 («Владение Янцдай переименовалось в Аланья»).

См.: По следам древних культур от Волги до Тихого океана. М., 1954. С. 191.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 186.

См.: Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. Карта.

Там же. С. 124.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 185.

Там же. С. 189.

Там же. С. 186.

Там же. С. 229.

На северных склонах Тяньшаня, между Урумчи и Гученом; на север простиралось до реки Урунгу.

McCovern W. The early empires of Central Asia. L., 1939. P. 191.

См.: Бичурин Н. Я. Тун-цзянь Гань-му за 36 г. // Рукопись. Архив Института востоковедения АН СССР. Ф. 7. Ед. хран. 1 — 15.

Дебс Г. Г. Военное соприкосновение между римлянами и китайцами // ВДИ. 1946. N 2. С. 45–50.

См.: McCovern W. The early empires... P. 191.

Ibid. P. 194.

См. рукопись Н. Я. Бичурина // Архив Института востоковедения АН СССР. Ф. 7. Ед. хран. 1-15.

Duyvendak S. S. L. An illustrated batte — account in the history of the former Han dynasty // «T'oung Pao». Vol. XXXIV. 1939. P. 260–261. — Дайвендэйк считает Кангюй Согдианой и везде смешивает сведения о них, но вышеприведенное исследование о границах Кангюя исключает подобное понимание. В остальном я следую цитируемому им тексту.

Васильев Л. С. Культурные и торговые связи Ханьского Китая с народами Центральной и Средней Азии // Вестник истории мировой культуры. 1958. N 5. С. 45–46.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 87.

Там же. С. 350.

Там же. С. 351.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 446 и сл.

Там же. С. 450.

Там же. С. 458.

Там же. Табл. I и XIII.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 68.

Евтюхова Л. А. и Левашова В. П. Раскопки китайского дома близ Абакана // КСИИМК. Т. XII; Евтюхова Л. А. Развалины дворца в «земле Хягас» // КСИИМК. Т. XXI; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. С. 479–484.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 351.

См.: Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири; Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 352.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. С. 475.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 354.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. С. 476.

«От государя Вынь-ди [157 гг.] сряду при пяти коленах царствовала тишина в народе; империя процвела богатствами, войска сделались многочисленны и сильны: почему, увидя носорога и черепаху, открыли Чжу-яй и пр., всего семь областей; польстившись на апельсиновый экстракт и бамбуковые посохи, открыли Цзан-гэ и Юесуй; услышав о винограде и лошадях небесной породы, проникли в Давань и Аньси. После сего палаты цариц наполнились блестящим жемчугом, узорчатыми черепашинами, прозрачными изделиями из рогов носорога, перьями южных синеворонок; в дворцовых воротах появились иностранные лошади лучших пород, огромные слоны, львы, борзые псы; большие птицы толпами воспитывались во внешнем зверинце. Иностранные редкости со всех сторон стекались. Почему расширили Шан-лин-юань, ископали озеро Кхунь-мин, соорудили дворец Цянь-мынь ван-ху гун, воздвигли священный терем Шень-мин-тхай, построили царские ставки Цзя И и пр., украшенные бахромами из жемчуга и дорогих камней. Сын Неба под великолепным щитом, в пышном одеянии, облокотясь на нефритовый столик, открывал винные водоемы и мясные леса (залы с искусственными деревьями, на которых развешивалось жареное мясо — Л. Г.) для угощения иностранных гостей. Музыка, различные фокус-покусы и пляски зверей увеселяли зрение. На подарки и препровождение [иностранных гостей], на издержки далеких путешествий... на содержание войск в походах требовались несметные суммы. Когда же недостало денег, то наложили оброк на продажу вина, взяли в казну продажу соли и железа, отлили серебряную монету, ввели в употребление кожаные кредитные билеты; даже наложили пошлину на телеги, водоходные суда и весь домашний скот. Силы народа истощились и государственные доходы оскудели. К сему присоединились неурожайные годы, и повсюду возникли разбои; дороги сделались непроходимыми...»

Настоящая работа посвящена в основном хуннам, поэтому данные, касающиеся Китая, даются суммарно и лишь настолько, насколько нужно для истории хуннов.

Хэ Цзи-аюнь. Краткий очерк истории Цин Хань. Шанхай, 1955 // Реферативный сборник. 1956. N 17. С. 161.

Цит. по кн.: Хрестоматия по истории древнего мира. Т. I. М., 1950. С. 318.

Там же.

Колодезное поле — система общинного землевладения, в которой за единицу принимались участки земли вокруг одного участка, обрабатываемого в пользу государства.

«История первой династии Хань» Бань Бяо, Бань Гу и Бань Чжао //Двадцать пять лет династических историй. Т. I. Шанхай, 1935. Пер. Л. Д. Позднеевской; см.: Хрестоматия по истории древнего мира. С. 320.

Хрестоматия по истории древнего мира. С. 325.

McCovern W. The early empires of Central Asia. L., 1939. P. 154–155.

Чиновник, особо уполномоченный по делам данного племени. Его задачей было соблюдение интересов Китая.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 103.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 197.

Там же. С. 258.

Там же. С. 204.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 101; Т. II. С. 210.

Там же. С. 92.

Там же. С. 102.

Хрестоматия по истории древнего мира. С. 326.

Там же. С. 326–327.

Там же. С. С.319.

Там же. С. 326–327.

Там же.

Там же.

Там же. С. 329.

Там же. С. 328.

Там же. С. 329.

«Проекты Ван Мана, внушенные конфуцианским утопизмом, не могли привести ни к отмене частной собственности на землю, ни к уничтожению рабства» (см.: Симоновская Л. В. Очерки истории Китая. М., 1956. С. 32).

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 103.

Там же. С. 105; Т. II. С. 211.

Там же. С. 106.

Там же. С. 107.

Там же. С. 109.

См.: Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951. С. 37–38.

Там же. С. 46–47.

Раскопки в Ноин-ула и добытые там вещи описаны. См.: Теплоухов С. А. Раскопки курганов в горах Ноин-ула. Л., 1925; Козлов П. К. Современная Монголия — Ноин-улинские памятники. Л., 1925; Trever С. V. Excavations in northern Mongolia. L., 1932; Бернштам А. Н. Гуннский могильник Ноин-ула // Известия отделения общественных наук. 1937. №4 и путеводители по Государственному Эрмитажу.

Васильев Л. С. Культурные и торговые связи Ханьского Китая с народами Центральной и Средней Азии // ВИМК. 1958. N 5. С. 37–38.

Свыше 200 селищ и городищ. См.: Киселев С. В. Древние города Монголии // Советская Археология. 1957. N 2 С. 91-101; Пэрлээ Х. К истории древних городов и поселений в Монголии // Советская Археология. 1957. N 3. С. 43–53].

См.: Васильев Л. С. Культурные и торговые связи... С. 42.

Воеводский М. В., Грязнов М. П. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР (к истории усуней) // ВДИ. 1938. N 3.

Васильев Л. С. Культурные и торговые связи... С. 39.

Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. С. 10.

Воеводский М. В., Грязнов М. П. Усуньские могильники... С. 168.

Herman A. Die Seidenstrassen vom alten China nach dem Romischen Reich // Mitteilungen der Geographische Gesellschaft in Wien. Bd. 58, 1915. S. 482.

Васильев Л. С. Культурные и торговые связи... С. 48.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 78.

Давыдов А. В. Иволгинское городище (к вопросу о гуннских поселениях в Забайкалье) // Советская Археология. 1956. N 25. С. 268–273 и 295–300.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т I. С. 93.

Там же. С. 97.

Там же. С. 145.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 212.

Там же. С. 229.

Хрестоматия по истории древнего мира. Т. I. С. 328.

Там же. С. 329.

Там же. С. 330.

Там же. С. 335.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 113.

Хрестоматия по истории древнего мира. Т. I. С. 335.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 116–117.

Там же. С. 146.

Южные шаньюи установили свою иерархию параллельно иерархии северных. С этого времени все чины дублируются.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 118.

Иакинф. История Тибета и Хухунора. Т. I. СПб., 1833. С. 22.

Там же. С. 28.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 216.

Там же. С. 230.

Там же. С. 216.

Там же. С. 230 (ныне Юльэрек).

Там же. С. 233.

Там же. С. 216.

Chavannes E. Trois generaux chinois de la dinastie de Han Orientaux // Pan Tch'ao T'oung Paou. Serie II. Vol. VII. 1906. P. 218–232; Васильев Л. С. Бань Чао в Западном крае // Вестник древней истории. 1955. N 1. С. 108–125.

В «Истории Младшей династии Хань» сообщаются подробности подчинения Хотана. Гуаньду будто бы колебался между Хунну и Китаем. В створе с хуннским послом был верховный жрец Хотана. По наущению посла он потребовал вороного коня Бань Чао для принесения в жертву, рассчитывая, что тот откажет и это будет поводом для конфликта. Бань Чао согласился отдать коня, но в руки самому жрецу. Когда же жрец прибыл к нему в лагерь, его немедленно обезглавили, а светского парламентаря связали и выпороли. Якобы после этого напуганный хотанский царек перебил хуннское посольство и передался Китаю (Васильев Л. С. Бан Чао в Западном крае. С. 112). Это сведение нельзя принять без критики. Вряд ли хотанцы были столь пугливы, чтобы простить казнь жреца и оскорбление вельможи. Тут что-то не то. Поражает необычайная осведомленность Бань Чао, которая была возможна лишь при содействии каких-то групп населения, так как для организации обширной разведывательной сети у него не было ни времени, ни средств. Сопоставив оба эти обстоятельства, мы можем заключить, что китайский полководец использовал внутреннюю вражду в оазисах и не опирался на слои населения, недовольные хуннским протекторатом, а скорее возглавил их. Не исключена возможность, что хотанский царек отправил жреца на гибель, заранее условившись с китайцами, ибо уж слишком легко он переменял ориентацию после убийства своего влиятельного соотечественника. Такая же ситуация возникает всюду, куда бы ни пришел Бань Чао, и, надо думать, не случайно. Естественно, что в «Хоу Ханьшу» эти обстоятельства не акцентированы, так как Бань Чао не стремился приуменьшить свои заслуги в донесениях, которые обрабатывали его брат и сестра. Логика событий заставляет нас искать объяснения не только в героизме полководца, безусловно, имевшем место, но и в социально-политической обстановке в оазисах Западного края.

Chavannes E. Trois generaux chinois... P. 218–230.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 216.

Там же. С. 217.

Васильев Л. С. Бань Чао в Западном крае. С. 118.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 119–120.

См. генеалогическую таблицу южнохуннских шаньюев.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 121.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 126.

Там же. С. 127.

Там же.

Шаванн (Сборник Трудов Орхонской экспедиции. Т. VI. СПб, 1903. С. 35) и Хирт (Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Strassburg, 1900. S. 113) сопоставили название гор Яньчжань с названием столицы Яньчжаньского наместничества в северной части Шаньси. На ошибочность этого предположения указал Грумм-Гржимайло (Западная Монголия... С. 112–113), доказавший, что топоним Яньчжань ничего общего не имеет с городком в Шаньси — Яньчаньсяно. Однако ошибка Шаванна и Хирта была механически воспринята Франке (Geschichte des chinesischen Reiches. Bd. I. 1930. S. 398). Исправление переходящей ошибки необходимо, так как она искажает весь ход событий.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 129.

Там же. С. 151.

Там же. С. 128.

Там же. С. 125–127.

Обручев В. А. Избранные работы по географии Азии. Т. I. М., 1951. С. 386.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 259.

Chavannes E. Trois generaux chinois de la dinastie de Han Orientaux // Pan Tch'ao T'oung Pao.
Serie II. Vol. VII. 1906. P. 230.

Ibid. P. 232.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 217.

Там же. С. 235, 237.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 129.

Там же. С. 130.

Там же. С. 131.

Иакинф. История Тибета и Хухунора. Т. I. СПб., 1833 С. 29.

Там же. С. 32.

Там же. С. 34.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 132.

Chavannes E. Trois generaux chinois... P. 256.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 151.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т II Л. 1926. С. 16.

См.: Синха Н. К. и Банерджи А. Ч. История Индии. М., 1954. С. 81; Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. С. 152; История народов Узбекистана. Т. I. 1950. С. 119.

См.: Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 134–135.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 220.

Там же. С. 223.

Chavannes E. Dix inscriptions chinoises de L'Asie Centrale // Memoire presentes par divers savants. Academic des inscriptions et de belles-lettres. Serie I. T. XI. Part 2. P., 1904. P. 209.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 238.

Иакинф. История Тибета и Хухунора. Т. I. С. 56.

Там же. С. 59.

Chavannes E. Dix inscriptions... P. 197.

Иакинф. История Тибета и Хухунора. Т. I. С. 60.

Там же. С. 70.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 154.

«Влиятельные личности, благодаря особенностям своего ума и характера, могут изменять индивидуальную физиономию событий и некоторые частные их последствия, но они не могут изменить их общее направление, которое определяется другими силами» (Плеханов Г. В. О роли личности в истории. М., 1941. С. 31–32).

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 154.

См.: Бичурин Н. Я. (Иакинф). Записки о Монголии. Т. III. СПб., 1828. С. 53.

Первое упоминание гуннов для юга России принадлежит Дионисию Периегету, писавшему в 160 г., и с этих пор название «гунны» не исчезает, повторяясь у Птолемея в 175–182 гг. Это подтверждает мысль, что хунны, убегая от Таншихая, достигли Европы и, видимо, не задержались в Приаральских степях, страшась сяньбийцев. Менчен-Хелфен отводит этот довод, считая, что тут описка переписчика (ср.: Иностранцев К. А. Хунну и гунны. Л., 1926. С. 124–152; также: Аммиан Марцеллин. История. Т. III. Киев, 1908. С. 236 и сл.).

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 137.

Там же. С. 155.

Там же. С. 159.

Там же. С. 138.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 140.

Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936. С. 24.

Hajdu P. Die ältesten Berührungen zwischen den Samojeden und die jenseitigen Völkern//Acta Orientalia. T. III. Budapest, 1953. S. 88–89, 99.

Гумилев Л. Н. Эфталиты и их соседи в IV в. (ВДИ. 1959. N1). С. 134–135.

Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами. СПб., 1880. С. 181–182.

«Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова». Л., 1925. С. 26.

Там же. С. 30–31.

См.: Иностранцев К. А. Хунну и гунны.

Maenchen-Helfen O. The Huns and the Hsiung-nu...

Аммиан Марцелин. История. Т. III. Кн. XXXI. С. 236–243; Jordanis. Romana et Getica. Berlin, 1882.

Barthold W. W. 12 Vorlesungen über die Geschichte der Turken Mittelasiens. Berlin, 1935. S. 30–31.

Серебрянников Б. А. Происхождение чуваш по данным языка // О происхождении чувашского народа. Сб. статей. Чебоксары, 1957. С. 41.

Там же. С. 38.

Там же. С. 42.

Там же. С. 43.

Там же.

Cp. Maenchen-Helfen O. The legend of engines of the Huns // Bysantion. Vol. XVII. 1945. P. 244–252.

Аммиан Марцеллин. История. Т. III. С. 236–243.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I С. 57.

Следует, однако, помнить, что Аммиан Марцеллин характеризовал только рядовую массу гуннов, причем, может быть, значительная доля его оценок относится к угорскому этническому субстрату. Приск, описывая двор Атиллы, дает совсем иную картину. См.: Сказания Приска Панийского в переводе Дестуниса // Ученые записки 2-го отдела императорской Академии наук. Кн. 7. Вып. I. СПб., 1861.